

2018
N 4 (46)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

18+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский юридический институт
МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Омская академия МВД России	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Университет Фехта (Германия)	SIEGMUNT O.A., PhD, Vechta University (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛУНЕЕВ В.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	LUNEEV V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
International Police Association;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.
Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.
Подписано в печать 24.12.2018. Дата выхода в свет 29.12.2018.
Формат 60x84/8. Усл. п. л. 21,5. Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 300 экз. Заказ N 096. Цена свободная.
© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

КОНЕВ А.Н. Об актуальности научной разработки понятия идеологических основ уголовного судопроизводства и включения его в систему основных понятий науки уголовного процесса

7

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ГРАЧЕВ С.А. К вопросу о прямом действии Конституции Российской Федерации в уголовном судопроизводстве

14

Раздел 3. Административная деликтология

ЛИПИНСКИЙ Д.А., МУСАТКИНА А.А. О незаконной альтернативности некоторых дисциплинарных санкций

22

ЛЕТАЕВА Е.А. Качество законодательства как фактор, влияющий на эффективность правоприменительной деятельности органов внутренних дел (на примере норм административно-деликтного законодательства Российской Федерации)

29

ИЗИНГЕР А.В. Отдельные проблемы доказывания при производстве по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

38

Раздел 4. Уголовный закон

ДАНИЛОВА Н.В., ПЕТРОВ В.В. Уголовно-правовая квалификация самовольной добычи полезных ископаемых: проблемы теории и практики

45

СМИРНОВ А.М. О наличии общественной опасности деяний, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния

52

МОРОЗОВ В.И., ГАЛКИН В.В. Квалификация преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности

60

Section 1. Methodology of law enforcement activities

KONEV A.N. On the topicality of the scientific development of the concept of the ideological bases of criminal proceedings and including it in the system of the basic concepts of criminal procedure

Section 2. Human rights protection

GRACHEV S.A. To the question of direct action of the Constitution of the Russian Federation in criminal proceedings

Section 3. Administrative delictology

LIPINSKY D.A., MUSATKINA A.A. On the illegal alternativity of some disciplinary sanctions

LETAEVA E.A. Quality of legislation as a factor influencing the efficiency of law enforcement activities of the internal affairs bodies (on the example of the rules of administrative and tort law of the Russian Federation)

IZINGER A.V. Some problems of proving in administrative proceedings concerning the cases provided by Article 20.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation

Section 4. Criminal Law

DANILOVA N.V., PETROV V.V. Criminal law qualification of unauthorized mining: problems of theory and practice

SMIRNOV A.M. On the social danger of the acts committed in the circumstances excluding criminality of the act

MOROZOV V.I., GALKIN V.V. Qualification of crimes committed with the participation of persons who are not subject to criminal liability

Раздел 5. Криминологическая наука

БУТКЕВИЧ С.А. Угрозы экстремистского характера в Республике Крым: криминологический прогноз и превенция 74

ЮЗИХАНОВА Э.Г. Тенденции и закономерности преступности во взаимосвязи с миграционными и демографическими процессами 83

Раздел 6. Правоохранительная политика

АЛЕКСЕЕВА А.П., КРИВОШЕИН П.К. Законодательные инициативы в сфере усиления уголовной ответственности за коммерческий подкуп и взяточничество: проблемы и перспективы 92

СУМАЧЕВ А.В., БЫЗОВА И.Г. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ: качество законодательных решений и направления совершенствования 99

САХАРОВА Е.Г. Использование правоохранительными органами возможностей Росфинмониторинга при расследовании легализации доходов, полученных преступным путем 106

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

КАЙГОРОДОВА О.С. Характеристика зависимого, беспомощного состояния либо иных причин, по которым лицо не может защищать свои права и законные интересы 114

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

ПОПОВА Т.В., СЕРГЕЕВ А.Б. Вопросы правового регулирования действий правоохранительных органов при получении сообщения о безвестном исчезновении гражданина 122

СЫПАЧЕВ А.Ю., ЯРОШЕНКО С.А. Отдельные аспекты раскрытия умышленных убийств 129

УСМАНОВ Р.А. Характеристика преступной деятельности, осуществляемой в сети Интернет посредством сервисов-анонимайзеров 135

Section 5. Criminology

BUTKEVICH S.A. Extremist threats in the Republic of Crimea: criminological prognosis and prevention

YUZIKHANOVA E.G. Trends and patterns of crime in the relationship with migration and demographic processes

Section 6. Law enforcement policy

ALEKSEEVA A.P., KRIVOSHEIN P.K. Legislative initiatives in the field of strengthening the criminal liability for commercial bribery and bribery: problems and prospects

SUMACHEV A.V., BYZOVA I.G. Responsibility for involving a minor in the process of consumption of harmful substances: quality of legislative decisions and areas of improvement

SAKHAROVA E.G. The use of the capabilities of Rosfinmonitoring by law enforcement agencies during the investigation of the legalization of proceeds of crime

Section 7. Criminal procedural review

KAYGORODOVA O.S. The characteristics of dependent or helpless state or other reasons for which the person can not protect his rights and legitimate interests

Section 8. Improving law enforcement practice

POPOVA T.V., SERGEEV A.B. The issues concerning the legal regulation of the actions of law enforcement agencies when receiving a report on the disappearance of a citizen

SYPACHEV A.Yu., YAROSHENKO S.A. Some aspects of detecting murders

USMANOV R.A. Characteristics of criminal activities carried out on the Internet by means of anonymizers

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ЯНИН С.А., ЯНИНА Т.Н. К вопросу о специфике осмотра средств сотовой связи при расследовании мошенничества, совершенного с их использованием

142

Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities

YANIN S.A., YANINA T.N. On the issue of the specifics of the examination of the means of cellular communication when investigating the fraud committed by using them

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

КОБЕЦ П.Н., КРАСНОВА К.А. Ключевые компоненты национальной антинаркотической стратегии Турецкой Республики

150

Section 10. Comparative studies and foreign experience

KOBETS P.N., KRASNOVA K.A. Key components of the national anti-drug strategy of the Republic of Turkey

МАТЕЙЧУК В.И. Сравнительная характеристика правовой регламентации производства в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных стран

158

MATEYCHUK V.I. Comparative characteristics of the legal regulation of appeal proceedings in the criminal procedure of the Russian Federation and foreign countries

Раздел 11. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЧЕРНЯКОВА А.В. Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации

168

Section 11. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

CHERNYAKOVA A.V. International and foreign experience of criminal law counteraction to thefts committed by using computer information

СОЛОДКАЯ В.И. Отдельные вопросы правового регулирования процессуальных условий, оснований и порядка привлечения лица в качестве обвиняемого при производстве предварительного расследования

180

SOLODKAYA V.I. Certain issues concerning the legal regulation of procedural conditions, grounds and procedure for giving a person the criminal procedure status of the accused during preliminary investigation

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

КОНЕВ А.Н., доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент, press_akadem@mvd.gov.ru Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8	KONEV A.N., Doctor of Technical Sciences, Candidate of Legal Sciences, associate professor, press_akadem@mvd.gov.ru The Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Zoya and Alexander Kosmodemyansky St. 8, Moscow, 125171, Russian Federation
---	--

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ ПОНЯТИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ВКЛЮЧЕНИЯ ЕГО В СИСТЕМУ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В своей работе автор поднимает актуальную тему научной разработки понятия идеологических основ уголовного судопроизводства и включения его в систему основных понятий науки уголовного процесса. Он констатирует, что понятие идеологических основ уголовного судопроизводства относится к числу слабо разработанных понятий отечественной юридической теории. В статье приводятся аргументы в пользу теоретической разработки понятия идеологических основ уголовного судопроизводства. Анализируются факторы, которые препятствуют появлению такого понятия, а также показана их несостоятельность. Доказывается, что в современной науке существует преимущественно интуитивный подход к пониманию идеологических основ. Затрагиваются вопросы соотношения понятий идеологических основ и принципов уголовного судопроизводства. В результате проведенного исследования сформулирован вывод о том, что понятие идеологических основ уголовного судопроизводства сможет стать недостающим элементом в системе основных понятий уголовно-процессуальной теории и в соответствии с принципом эмерджентности придать всему уголовному процессу новые, неведомые ранее смыслы.

Ключевые слова: идеологические основы уголовного судопроизводства; концептологический анализ; идеологический подход; принципы уголовного процесса.

ON THE TOPICALITY OF THE SCIENTIFIC DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE IDEOLOGICAL BASES OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND INCLUDING IT IN THE SYSTEM OF THE BASIC CONCEPTS OF CRIMINAL PROCEDURE

Annotation. The author of the article raises the topical issue of the scientific development of the concept of the ideological bases of criminal proceedings and including it in the system of the basic concepts of criminal procedure. It is stated that the concept of the ideological foundations of criminal proceedings is one of the poorly developed concepts of domestic legal theory. The arguments in favor of the theoretical development of the concept of the ideological foundations of criminal proceedings are presented in the article. The factors that prevent the emergence of such concept are analyzed, their inconsistency is shown. It is proved that modern science is characterized by predominantly intuitive approach to understanding the ideological foundations. The issues concerning the correlation between the concepts of ideological bases and principles of criminal proceedings are touched upon. As a result of the conducted research, it is concluded that the concept of the ideological foundations of criminal proceedings can become a missing element in the system of basic concepts of criminal procedure theory and, in accordance with the principle of emergence, give new and previously unknown meanings to the whole criminal procedure.

Keywords: ideological foundations of criminal proceedings; conceptual analysis; ideological approach; principles of criminal procedure.

Понятие идеологических основ уголовного судопроизводства относится к числу слабо разработанных понятий отечественной юридической теории. По сути, отечественная наука уголовного процесса до сих пор «не разглядела» его особой эв-

ристической теоретико-методологической миссии, которая, по нашему мнению, вне всякого сомнения, ему присуща. Не отказываясь от самого термина «идеологические основы уголовного судопроизводства» в своих научных текстах, процессуалисты игнорируют потребность строгого логического прояснения инструментальной сущности скрывающегося за термином понятия.

Как представляется, подобное индифферентное отношение к логической и диалектической разработке понятия идеологических основ уголовного судопроизводства обусловлено рядом субъективных и объективных факторов.

Прежде всего следует выделить такой фактор, как презюмируемая очевидность данного понятия. Анализ публикаций, содержащих соответствующую терминологию, показал, что авторы, которым понадобилось это понятие, используют его как само собой разумеющееся, как тривиальный словесный конструкт, являющий собой синтез наименее понятных слов «идеология» и «основы».

«Потребители» анализируемого понятия, судя по всему, полагают, что применительно к идеологическим основам уголовного судопроизводства не обязательно иметь четкое представление о логически идентифицированной дефиниции указанного понятия. Гораздо важнее для них определиться с той заветной идеей, на которую может опереться уголовное судопроизводство на своем тернистом пути к совершенству. Именно красота и энергетика самой идеи являются главным «фундаментирующим идеологизатором». Таким образом, подспудно складывается априорное, нигде не формулируемое понятие, согласно которому в качестве идеологической основы уголовного судопроизводства может рассматриваться всякая идея (или группа идей), имеющая значение для развития и укрепления уголовного процесса. Ключевым критерием (подчас весьма субъективным) здесь являются содержание и созидательный потенциал предлагаемой идеи. Именно этот потенциал и наделяет презентуемую идею статусом идеологической основы.

Следовательно, понятие идеологических основ в современном уголовном процессе на сегодняшний день можно от-

нести к понятиям спонтанно-интуитивным, а если еще точнее, то к интуитивно-ситуативным.

И этот интуитивно-ситуативный уровень понимания идеологических основ вполне устраивает ученых, размышляющих о «животворящих» идеологических трансформациях уголовного судопроизводства. Так, профессор В.А. Азаров пишет: «Думается, что идеологической основой нового УПК РФ должны служить идеи, взгляды и представления об усилении влияния государства через своих представителей в сфере уголовного судопроизводства» [1, с. 8]. Как видим, в контексте выдвигаемого им тезиса идеологическая основа УПК РФ преподносится как понятие, знакомое ему и узнаваемое читателями. И этот факт нельзя назвать недостатком, ибо он есть отражение общей тенденции.

Однако в отличие от нейтрально настроенных читателей у нас, как у вездыхлов разработчиков идеологических основ уголовного судопроизводства, при восприятии этой информации возникает формально-логический вопрос о том, какая субстанция в принципе может претендовать на статус идеологических основ. Кроме того, закономерен вопрос о том, должна ли быть непременно некая идея (как посланник объективных сфер) или мнение (субъективные взгляды и представления), а также о том, должно ли быть то и другое одновременно, порознь или в совокупности. Эти вопросы остаются за скобками интуитивно-ситуативного подхода (нам предлагаются в комплекте и идеи, и взгляды, и представления), но оказываются очень актуальными в рамках подхода интеллектуально-логического. Подобно тому, как понятие принципа не может определяться через мнение (мнение, по нашему глубокому убеждению, не может составлять суть понятия принципа), идеологические основы представляют собой исключительно идеи особого рода. Обнаруживать и квалифицировать такие идеи возможно посредством идеологического подхода и существующего в его рамках концептуального анализа. Опыт применения указанных исследовательских инструментов автором данной статьи был опубликован ранее [2, с. 107-111].

В рамках интуитивного подхода к соответствующему понятию статус иде-

ологических основ уголовного судопроизводства порой присваивают и весьма экзотическим идеям. В качестве примера можно привести размышления профессора М.П. Полякова, более десяти лет назад опубликовавшего статью с весьма эпатажным названием «Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса» [3, с. 191-195].

Термин «национал-процессуализм» вызывает разные ассоциации. Видимо, эту цель и преследовал автор, дабы привлечь внимание научной общественности к своим тезисам. Правда, более близкое знакомство с этой работой показало, что в своем понимании идеологических основ уголовного судопроизводства М.П. Поляков не предлагает нечто из ряда вон выходящее. В содержательном смысле он стоит на одной идеологической платформе с В.А. Азаровым. Оба автора исходят в своих идеологических предпочтениях из примата публичной ориентации отечественного уголовного процесса и взвешенного подхода к защите прав личности.

М.П. Поляков пишет: «Интересы личности должны непременно учитываться. Однако во времена, когда лозунг “Отечество в опасности”, указанные интересы должны приниматься во внимание лишь в контексте национальных интересов. Именно национальные интересы России должны стать главным приоритетом в развитии и укреплении уголовно-процессуального законодательства. Мы придумали и имя для этой установки — национал-процессуализм. В этом термине сосредоточена вся энергетика центральной идеологической проблемы отечественного уголовного процесса» [3, с. 191].

Приведенная цитата весьма любопытна и имеет большее значение, чем простая иллюстрация к сформулированному выше тезису. В ней содержится целый клубок вопросов, связанных с понятием идеологических основ уголовного судопроизводства, которые сам автор цитаты не формулирует, но на которые невольно наводит неравнодушного читателя.

Вопрос первый, в каком-то смысле терминологический. Нуждаются ли идеологические основы уголовного судопроизводства в соответствующей «эпатирующей» идеологеме, призванной оказывать

не просто информационное, но и внушающее воздействие на сферу уголовного судопроизводства, на сознание и подсознание его профессиональных и ситуативных участников, а также на социальное окружение уголовного судопроизводства в целом? Кроме того, не ясно, должна ли быть эта идеологема сродни политическому лозунгу, рекламному слогану, а также кто является главным адресатом «излучения» идеологических основ.

Без четкой научной разработки понятия идеологических основ на эти вопросы обстоятельно ответить невозможно. Без ответов на эти вопросы невозможно составить концептуальное представление о сущности идеологических основ уголовного судопроизводства.

Второй вопрос, который вызывает цитата из статьи М.П. Полякова, связан с тем, что предложенный им слоган «национал-процессуализм» выражает не только констатацию идеологических основ, но и, по его же словам, энергетика центральной идеологической проблемы уголовного судопроизводства. Следовательно, в сфере уголовного судопроизводства имеет место определенная «энергетическая» смычка идеологических основ и идеологических проблем уголовного судопроизводства. В связи с этим можно допустить, что идеологические основы есть особый вариант решения идеологических проблем.

Не исключено, что М.П. Поляков упоминает об энергетической подоплеке идеологической проблемы из чисто риторических побуждений. В тексте статьи мы так и не нашли зацепок для осознания его персональных представлений об этой загадочной центральной идеологической проблеме. Нет ее следов и в других публикациях профессора. Размышляя об идеологических основах концепции уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-розыскной деятельности, он также обходит этот момент стороной, делая акцент лишь на том, что «не теория и не право, а именно идеология определяет скорость и качество разрешения проблемы противодействия преступности» [4, с. 290-311].

Автор данной статьи пытался восполнить этот пробел в личном общении с М.П. Поляковым. Однако он затруднился

вспомнить формулу идеологической проблемы, сказав лишь, что в 2005 г. проблема эта была ему предельно ясна и привлекательна. Таким образом, нам досталось лишь ощущение предвкушения собственной формулировки идеологической проблемы и нацеленность на поиск и конкретизацию «ингредиентов», ее составляющих.

Идеологическая проблема, как и любая другая, предполагает наличие некоего противоречия, предшествующего осознанию «знания о незнании». И в этом смысле отсутствие строго определенного теоретического понятия идеологических основ уголовного судопроизводства тоже есть идеологическая проблема. Следовательно, понятие идеологических основ уголовного судопроизводства изначально проблемное.

Проблемным оно является в первую очередь потому, что понятие «идеология», на которое оно должно опираться, весьма трудное для однозначного определения. Полагаем, что это обстоятельство также служит немаловажным фактором отклонения науки от разработки понятия идеологических основ уголовного судопроизводства.

Объем и глубина понятия идеологии зависят от разных обстоятельств, и прежде всего от контекста, в котором оно употребляется. Несмотря на то, что имеется огромное количество компактных и развернутых дефиниций идеологии, в текстах коллег-процессуалистов данное понятие является преимущественно контекстуальным.

Так, в докторской диссертации М.П. Полякова, с одной стороны, оказалось достаточно всего лишь одной сноски, в которой была приведена словарная трактовка «идеологии». Однако, с другой стороны, тот сценарий, по которому он выстраивал идеологические основы своей концепции, показал, что идеи, о которых он вел речь, не во всем увязывались с общим понятием идеологии.

Перед нами стоят несколько иные задачи. Нам нужны не просто подходящие идеи, которые возможно приспособить в качестве идеологических основ, а набор специальных интеллектуальных инструментов, который позволял бы не приспособливать «проектные идеологии», а давал возможность пробиться к источнику истинной идеологии уголовного судопро-

изводства, хранящему ключевые «примаконцепты».

Понятие идеологических основ как раз и является таким инструментом. Однако его невозможно сконструировать без погружения в «разноцветное» и разностороннее понятие идеологии, которое отдельные философы признают непригодным для описания социальных явлений, поскольку понятие это как бы и не понятие вовсе. Так, А.А. Зиновьев вполне обоснованно считает, что термин «идеология» неоднозначен, плохо определен и вызывает нежелательные ассоциации [5, с. 6].

В «неуловимости» предметной сущности понятия идеологии мы убедились лично, когда попытались провести его операционализацию для нужд собственного исследования. Текст получился объемный, а вот в инструментальном смысле случился в некотором роде «сократовский эффект» — чем более глубоким было погружение в философские и политические нюансы идеологии, тем меньше конкретики оставалось в соответствующем понятии [6, с. 119-125].

И это еще один довод в пользу актуальности специальной разработки понятия идеологических основ для науки уголовного судопроизводства. Повторимся, что такого понятия в науке уголовного процесса пока нет. Как нет и понятия уголовно-процессуальной идеологии (в целесообразности которого мы пока не определились). Есть лишь соответствующая терминология и сопутствующие ей контекстуальные интерпретации.

Отсутствие этого понятия, возможно, обусловлено и сложившимся убеждением, что все идеологические функции в уголовно-процессуальной теории выполняет учение о принципах уголовного процесса. И что само понятие принципа в своей квинтэссенции и есть своеобразное понятие идеологических основ как идеи о сущем и должном. Это еще один фактор, стоящий на пути понятия идеологических основ уголовного судопроизводства в систему основных понятий науки уголовного процесса.

Действительно, данное учение построено на исходном положении о том, что принцип — это идея [7, с. 112]. Но, как не всякая идея является принципом, так и

не всякий принцип может претендовать на статус идеологической основы уголовного судопроизводства. То обстоятельство, что принцип состязательности пытаются представить как идеологическую основу современного уголовного судопроизводства, не отменяет этого правила. Прежде всего, состязательность далеко не всеми признается подобной идеологической основой. Более того, не всеми эта идея признается даже принципом уголовного процесса. Ей отводится место общего условия стадии судебного разбирательства [8, с. 258-264].

Полагаем, что понятия идеологических основ и принципов уголовного процесса находятся в очень непростых взаимоотношениях. Даже не имея пока перед собой четко структурированного понятия идеологических основ, вполне можно предположить, что представлять соотношение объемов этих понятий как части и целого было бы не совсем верно. Возможно, что и предназначение этих понятий может различаться. Очевидно лишь то, что эта связь, несомненно, существует, и что понятие идеологических основ, конкретизируемое в определенных идеях, оказывает программирующее воздействие на принципы уголовного процесса.

Подобным образом рассуждает и М.П. Поляков. Он, в частности, пишет: «Главный реформаторский удар пришелся именно по социалистической идеологии процесса, суть которой состояла в том, что отечественный уголовный процесс должен служить в первую очередь общему благу (обществу) и государству и лишь затем отдельному человеку. В процессе реформы эта “соборная” идеология была заменена набором частных идей: в центр процесса (как и российской жизни вообще) поместили интересы отдельной личности. Идеологией уголовного процесса, по сути, стал — эгоизм» [3, с. 192].

«Изменилось и понимание принципов. Из “идей коммунистического мировоззрения” (В.Т. Томин) принципы в одночасье превратились в безликие мировоззренческие идеи, а то и просто в конституционные (правовые) идеи. Однако, по нашему мнению, мировоззрения как «просто мировоззрения» не бывает. Картина мира всегда опирается на некую идеологическую концепцию. Думается,

что не будет преувеличением сказать, что идеи коммунистического мировоззрения усилиями отдельных реформаторов были заменены идеями капиталистического мировоззрения. Капитализация отечественного уголовного процесса проявила себя идеологией, которую мы условно называем — частной идеологией» [3, с. 191].

В приведенном фрагменте более интересными представляются рассуждения о влиянии идеологических трансформаций на «идейные» понятия принципов. М.П. Поляков считает, что замена идеологических основ ведет и к определенной ревизии понимания сущности принципов уголовного процесса. Однако мы бы не стали говорить о том, что это понимание меняется в соответствии с новыми идеологическими установками. Закономерен скорее иной процесс, который можно назвать теоретической прострацией. Хотя и этот образ может оказаться не совсем адекватным возникающей при этом проблемной ситуации.

Как представляется, подход, подобный интуитивному подходу к понятию идеологических основ уголовного судопроизводства, отчасти имеет место и по отношению к «идейным» определениям понятия принципов. Дело в том, что для многих авторов формула «принцип есть идея» — лишь общая, ни к чему не обязывающая констатация, безобидная «стартовая» позиция для дефиниции, исходное аксиоматическое положение. Немало определений начинается именно с этой констатации: «принцип — это идея...». Но далее авторы углубляются в проблематику форм выражения этих идей в законе и забывают объяснить, а в чем же, собственно, заключается концептуальная (идейная) сущность самого этого понятия. Складывается впечатление, что тезис «принцип — это идея...» воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Но нас подобное отношение к концептуальной сущности «идейного» понятия принципа совсем не устраивает. Нам крайне интересно узнать о том, откуда берутся идеи, которые помещаются в системы принципов уголовного процесса; где находится «природный ареал» их обитания до обретения этого статуса; каков идеологический характер этих идей; кто

или что генерирует эти идеи. Может быть, эти идеи от Бога? Может быть, от пророков? Возможно, это вовсе не объективно обусловленные «небесные идеи», а лишь человеческие идеологемы, представляющие собой «философское» оправдание стихийных концептуальных находок или же, напротив, проектное воплощение «коварных замыслов» конструкторов готовых идеологий.

В свое время посредством концептологического анализа мы попытались найти ответ на эти загадки, сливающиеся в главный вопрос – вопрос о том, что означает понимание принципа как идеи и какие концептуальные последствия несет в себе это понимание [2, с. 10-11]. И первый опыт применения данного интеллектуального инструмента оказался весьма обнадеживающим.

Возвращаясь к главному тезису настоящей статьи, следует констатировать: приведенные выше аргументы говорят в пользу того, чтобы наука включилась в активную разработку понятия идеологических основ уголовного судопроизводства. Данное понятие необходимо для понимания сущности современного уголовного процесса и путей его дальнейшего развития.

Современная наука постепенно осознает эту потребность. Например, В.П. Проценко пишет: «Ни один учебник по уголов-

ному процессу не дает понятие и не раскрывает содержание, не называет истоки правовой идеологии и уголовно-процессуальной политики, положенных в основу уголовно-процессуального права России. Это ведет к недопониманию студентами, а в последующем и практическими работниками концептуальных положений теории уголовного процесса, то есть к недопониманию основных проблем уголовного процесса, по отношению к которым процессуальная форма, гарантии прав личности, уголовно-процессуальные функции и другие институты уголовного процесса имеют важный, но подчиненный и производный характер» [8, с. 8].

Данная позиция была опубликована десять лет назад. Но теоретического прорыва пока так и не случилось. Да, тема идеологических основ уголовного судопроизводства сложна для понимания и теоретического описания. Но эта сложность не должна останавливать исследователей. Напротив, она должна стимулировать научное любопытство. У нас есть предчувствие, что понятие идеологических основ уголовного судопроизводства сможет стать недостающим элементом в системе основных понятий уголовно-процессуальной теории и в соответствии с принципом эмерджентности придать всему уголовному процессу новые, неведомые ранее смыслы.

Список литературы

1. Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. N 3. С. 5-8.
2. Конев А.Н. Идеологический (концептологический) анализ «идейного» понятия принципа уголовного процесса // Труды Академии управления МВД России. 2018. N 2 (46) С. 107-111.
3. Поляков М.П. Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 191-195.
4. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 442 с.
5. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. 528 с.
6. Конев А.Н. Операционализация понятия «идеология» при анализе состояния юридической науки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. N 1 (25). С. 119-125.
7. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013. 799 с.
8. Проценко В.П. Принципы уголовного процесса: учеб. пособие. Краснодар: Краснодарский гос. аграрный ун-т, 2008. 92 с.

References

1. Azarov V.A. Ugolovno-protsessual'naya ideologiya i odnoimennaya frazeologiya [Criminal procedural ideology and phraseology of the same name]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Orenburg State University, 2006, no. 3, pp. 5-8.

2. Konev A.N. Ideologicheskii (kontseptologicheskii) analiz "ideynogo" ponyatiya printsiipa ugolovnogo protsesssa [Ideological (conceptological) analysis of the "ideological" concept of the principle of the criminal process]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 2 (46), pp. 107-111.
3. Polyakov M.P. Natsional-protssesualizm kak ideologicheskaya osnova otechestvennogo ugolovnogo protsesssa [National proceduralism as the ideological basis of the domestic criminal process]. Pyat'desyat let kafedre ugolovnogo protsesssa UrGYuA (SYul). V 2 ch. [Fifty years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (Sverdlovsk Law Institute). In 2 parts]. Ekaterinburg, 2005. Part 2. Pp. 191-195.
4. Polyakov M.P. Ugolovno-protssesual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti. Dokt. Diss. [Criminal procedure interpretation of the results of operational-search activity. Doct. Diss.]. N. Novgorod, 2002. 442 p.
5. Zinov'ev A.A. Faktor ponimaniya [Understanding factor]. Moscow, 2006. 528 p.
6. Konev A.N. Operatsionalizatsiya ponyatiya "ideologiya" pri analize sostoyaniya yuridicheskoy nauki i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, 2014, no. 1 (25), pp. 119-125.
7. Ugolovniy protsess. Problemnye lektsii [Criminal process. Problem lectures]. Moscow, 2013. 799 p.
8. Protsenko V.P. Printsipy ugolovnogo protsesssa [Principles of the criminal process: studies]. Krasnodar, Krasnodar State Agrarian University, 2008. 92 p.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ГРАЧЕВ С.А., кандидат юридических наук, доцент, sergeyag@inbox.ru Кафедра предварительного расследования; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3	GRACHEV S.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, sergeyag@inbox.ru Chair of preliminary investigation; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Ankudinovskoe Highway 3, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
--	---

К ВОПРОСУ О ПРЯМОМ ДЕЙСТВИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации принята 25 лет назад, положение о прямом действии ее норм не всегда реализуется должностными лицами и органами, ведущими уголовное судопроизводство. В статье отмечается, что механизм реализации права на защиту (по назначению) лица, законные интересы которого могут быть существенно затронуты действиями, проводимыми по проверке сообщения о преступлении, в том числе и сообщающего о явке с повинной, законодательством не определены. Правовой режим осмотра жилища, в котором было совершено преступление, в отсутствие проживающих в нем лиц создает препятствия для правоохранительной деятельности. Автором сделан вывод о том, что, несмотря на развитие отдельных положений Конституции Российской Федерации, в отраслевом законодательстве, позициях Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации не содержится исчерпывающего механизма, позволяющего обеспечить конституционные права и свободы личности, в результате чего происходит их ограничение. В связи с указанными обстоятельствами констатируется, что нормы Конституции Российской Федерации не всегда имеют прямое действие в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; прямое действие; уголовное судопроизводство; проверка сообщения о преступлении; права и свободы; следственные действия.

TO THE QUESTION OF DIRECT ACTION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. Despite the fact that the Constitution of the Russian Federation was adopted 25 years ago, the provision concerning the direct action of its norms is not always implemented by the officials and bodies conducting criminal proceedings. The author of the article notes that the mechanism for exercising the right to protection of a person whose legitimate interests can be significantly affected by the actions carried out to verify the reported crime is not defined by the legislation. It also applies to reporting a confession. The legal regime of inspecting the dwelling in which the crime was committed, in case the persons living in it are absent, creates obstacles to law enforcement activities. The author comes to the conclusion that despite the development of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation, the legislation, as well as the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation do not contain a comprehensive mechanism to ensure the constitutional rights and freedoms of the individual. This results in their restriction. Due to these circumstances, it is stated that the provisions of the Constitution of the Russian Federation do not always have direct effect in criminal proceedings.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; direct action; criminal proceedings; verification of reported crime; rights and freedoms; investigative actions.

В текущем году отмечается 25-летие принятия Конституции Российской Федерации. Значительный период ее действия

позволяет оценить, насколько положения данного акта, который занимает главенствующее место в правовой системе стра-

ны, обеспечивают реальное функционирование прав и свобод человека и гражданина.

Конституция Российской Федерации непосредственно закрепляет прямое действие своих норм (ч. 1 ст. 15). Пленум Верховного Суда Российской Федерации, развивая указанное положение, в постановлении от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» обращает внимание правоприменителя на то, что следует «во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия»*.

Не вдаваясь в дискуссию о сути и содержании прямого действия Конституции Российской Федерации, поддержим позицию М.А. Краснова и В.А. Кряжкова о том, что прямое действие Конституции Российской Федерации представляет собой принцип, действие которого проявляется в том, что ее нормы применяются непосредственно на всей территории Российской Федерации без каких-либо исключений и независимо от существования детализирующего законодательства, не нуждаются в подтверждении или воспроизводстве на региональном уровне либо принятии специального акта. Конституция Российской Федерации подлежит реализации независимо от наличия или отсутствия конкретизирующих и развивающих ее нормативных актов, что имеет особое значение и специально фиксируется применительно к правам, свободам и обязанностям граждан Российской Федерации [1, с. 318].

Для уголовного судопроизводства положение о прямом действии и верховенстве Конституции Российской Федерации, как представляется, состоит в том, что если в нормах отраслевого закона (то есть УПК РФ) отсутствуют необходимые нормы – регуляторы отношений, то должностным лицам и органам, ведущим процесс, следует применять Конституцию Российской Федерации. Кроме того, если нормы отраслевого закона регулируют общественные отношения иначе, чем нормы Конституции, то применяются нормы последней.

* Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. N 2.

Конституция, являясь актом высшей юридической силы, обеспечивает, как правило, более высокий стандарт прав и свобод человека и гражданина по сравнению с отраслевым законом. В связи с этим в таком случае следует применять нормы Конституции.

Нормы Конституции Российской Федерации, регулирующие уголовно-процессуальные отношения, нашли свое продолжение и детализацию в УПК РФ, и прежде всего в качестве принципов уголовного судопроизводства. В частности, в процессуальном законодательстве провозглашено равенство всех перед законом и судом, неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений, право на защиту от подозрения и обвинения и другие.

Прежде всего следует обратить внимание на право любого человека не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников. Во-первых, отметим, что предусмотренное ст. 51 Конституции Российской Федерации право должностными лицами органов уголовного преследования разъяснялось участникам уголовного судопроизводства избирательно, с учетом проводимых в их отношении процессуальных действий и стадии уголовного судопроизводства, на которой это лицо вовлекается в процесс. При допросе рассматриваемое право разъяснялось всем допрашиваемым, а при получении объяснений это происходило не всегда.

Необходимость разъяснения положений ст. 51 Конституции Российской Федерации применительно к порядку получения объяснений в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) была прямо закреплена в уголовно-процессуальном законе только спустя два десятилетия с момента принятия Конституции Российской Федерации**.

Естественно, что подобной детализации данного права опрашиваемого непо-

** См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. N 3-ФЗ: ред. от 28 дек. 2013 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

средственно в тексте ст. 144 УПК РФ требовала необходимость защиты прав и свобод личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, поскольку при получении объяснений в правоохранительной практике такое право лицам повсеместно не разъяснялось.

Более того, сотрудники органов дознания и предварительного следствия, не разъяснявшие положения ст. 51 Конституции Российской Федерации при получении объяснений, аргументировали это тем, что право не свидетельствовать может возникнуть только в процессе свидетельствования, то есть при даче показаний — на допросе. Во всех остальных случаях свидетельствования нет, следовательно, рассматриваемое право разъяснению и реализации в ходе получения объяснений (доследственной проверки) не подлежит.

К тому же, несмотря на доказательственное по своей сути значение объяснений в уголовном судопроизводстве*, суды Российской Федерации, в том числе и Верховный Суд Российской Федерации, неоднократно отмечали, что доказательственным значением объяснения, полученные при проверке сообщения о преступлении, не наделяются. Подобная точка зрения, как представляется, утвердилась в теории [4, с. 16-22; 5, с. 195-199; 6, с. 148-149] и правоохранительной практике отчасти в связи с тем, что при получении объяснений отсутствуют необходимые гарантии достоверности полученной информации, такие как неразъяснение уголовной ответственности за отказ от дачи объяснений и их заведомую ложность, а также возможность применения процессуального принуждения к лицам, отказывающимся давать объяснения.

Именно в силу этого, как представляется, значение обеспечения прав и свобод человека при получении объяснений снижалось. В настоящее время подобная практика меняется, однако темпы ее изменения остаются недостаточными.

Право на неприкосновенность жилища закреплено в ст. 25 Конституции Россий-

ской Федерации. Нарушение этого положения возможно лишь в исключительных случаях, предусмотренных федеральным законом, или по судебному решению.

Это конституционное положение нашло свое развитие в УПК РФ в следующих нормах:

— для проведения осмотра жилища необходимо согласие проживающих в нем лиц;

— отсутствие такого согласия является основанием для обращения в суд за получением согласия на осмотр жилища;

— обыск и выемка в жилище возможны только по судебному решению.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации применительно к порядку проведения рассматриваемого следственного действия детализировал категорию «согласие проживающих лиц», установив, что согласие на производство осмотра жилища означает согласие всех проживающих в данном жилище лиц на его осмотр. На производство осмотра жилища необходимо получить судебное решение, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра**. Таким образом, согласия одного из проживающих в жилище (при несогласии остальных на такой осмотр) явно недостаточно для проведения рассматриваемого следственного действия без судебного решения.

Подобную правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации следует признать целесообразной, поскольку названное постановление, по сути, устанавливает более высокий стандарт обеспечения указанного права граждан, чем УПК РФ. В практической деятельности имели место случаи избирательного получения такого согласия только одного проживающего и проведения осмотра жилища без получения судебного решения при наличии возражений против осмотра других жильцов.

** См. пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. N 7).

* Автор разделяет точку зрения ряда ученых о том, что объяснения обладают доказательственным значением [см.: 2; 3].

Полагаем, что рассматриваемая норма должна работать следующим образом: следователь перед осмотром жилища получает на это согласие находящихся в жилище лиц из числа проживающих и обязательно обращается в суд по вопросу осмотра жилища, если хотя бы один из них против этого возразил. Если создается опасность уничтожения обстановки и следов преступления, то необходимо провести осмотр (как в исключительном случае, не терпящем отлагательства) с последующим уведомлением суда и прокурора о проведенном следственном действии для определения его законности, а также оценки допустимости собранных доказательств.

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации не указывает в своем постановлении другой аспект, а именно возможность исключения из названной процедуры и правовой режим проведения сотрудниками правоохранительных органов осмотра жилища, в котором предположительно совершено преступление. Можно допустить, что, по мнению Верховного Суда, никаких отступлений от указанной процедуры быть не может, поэтому специального указания для регламентации подобной ситуации не требуется.

Как известно, проблемы с осмотром жилища возникают в случае, если отсутствуют лица, в жилище которых предположительно совершено преступление. В данной ситуации нет возможности выполнения требований закона по поводу получения согласия на производство осмотра. Однако сложности могут возникнуть и в случаях, когда жильцы имеются, но они не дают согласия на проведение осмотра.

При этом следственная практика может пойти разными путями.

Первый из них — отказаться от проведения осмотра и поручить органу дознания производство проверочных действий в рамках оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). В данном случае сотрудники органа дознания вправе провести обследование жилища. Однако для применения этой процедуры также необходимо соответствующее основание — наличие материалов дела оперативного учета, позволяющих обратиться в суд за получением разрешения о проведении ОРМ.

Если, например, соседи сообщили о возможном совершении кражи из квартиры, жильцы которой уехали в другой город (страну) на длительное время, то осмотр жилища не проводится до возвращения лиц, могущих дать согласие на осмотр.

Указанный способ решения возможен не всегда, поскольку не позволяет во всех случаях изъять следы преступления (которые могут по прошествии времени исчезнуть) и зафиксировать обстановку места происшествия немедленно после совершения преступления (она также может подвергнуться изменению).

Для проверки поступившего сообщения о совершенном в жилище преступлении следователь может воспользоваться правом провести осмотр.

Если необходимо проведение осмотра жилища, в котором совершено преступление, то целесообразно поступить следующим образом: провести осмотр места происшествия с соблюдением дополнительных требований, установленных для осмотра жилища. В данном случае можно провести аналогию с ситуацией, когда на месте совершения преступления обнаруживается труп. При этом проводится осмотр места происшествия с соблюдением требований, установленных ст. 178 УПК РФ для осмотра трупа: к участию в следственном действии для осмотра тела покойного привлекается судебно-медицинский эксперт, а при невозможности его участия — врач; могут быть привлечены другие специалисты.

Однако на практике в случае необходимости осмотра жилища при наличии информации о совершенном в нем преступлении выполнение требований, предусмотренных ст. 12 УПК РФ, не происходит. Следователи поступают по-разному.

В первом случае следователи получают согласие проживающих лиц, когда сомнений в получении такого согласия не возникает. Например, от жителей квартиры, заявивших о краже их имущества из этой квартиры. При этом полученное согласие, по сути, носит формальный характер. Действительно, если гражданин обратился за помощью в правоохранительные органы по поводу совершенного в отношении его имущества преступления, вряд ли он станет возражать против действий (осмотра

жилища), направленных на поиск следов лиц, совершивших преступление.

Вторым вариантом, имеющим распространение на практике, является проведение осмотра места происшествия без выполнения требований, установленных для осмотра жилища (ст. 12 УПК РФ).

В этом случае проникновение в жилище осуществляется сотрудниками полиции на основании ст. 15 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*, и при удостоверении факта совершения преступления в данном жилом помещении жильцы задерживаются и доставляются в орган внутренних дел. При проведении осмотра присутствующим разъясняется, что в жилом помещении совершено преступление и правовой режим правоохранительных действий в таком случае – проведение осмотра места происшествия. На момент осмотра дверь в жилое помещение открыта, жильцов в помещении нет, осмотр проводится без соблюдения конституционных условий. Соответственно, вопрос о согласии проживающих на месте происшествия на осмотр не поднимается, право на дачу согласия на осмотр жилища им не разъясняется. При этом не происходит и выполнение требований ч. 5 ст. 165 УПК РФ об уведомлении контрольно-надзорных органов о проведении рассматриваемого следственного действия.

Действительно, даже при стремлении следователей обеспечить соблюдение названных ч. 5 ст. 165 УПК РФ требований и конституционных прав участвующих лиц, которые не согласны на производство осмотра, вряд ли у них была бы такая возможность, поскольку УПК РФ не содержит регламентацию процедуры обращения следственных органов в суд за санкционированием следственных действий по материалу проверки (в отсутствие расследуемого следователем уголовного дела).

Законом не предусмотрена четкая процедура поиска, обнаружения и изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, что заставляет следователей и оперативных сотрудников пытаться найти вариант обхода

конституционных требований. Речь идет о реализации правоохранительной деятельности по раскрытию и выявлению преступления без соблюдения прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование: подмена осмотром места происшествия фактического производства обыска, проведение личного досмотра граждан для получения достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В последнем случае речь идет о повсеместном проведении указанного административного действия для обнаружения наркотических средств, оружия с последующим исследованием изъятого вещества и возбуждением уголовного дела.

По нашему мнению, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях последних лет констатируют возможность осуществления уголовного преследования до принятия решения о возбуждении уголовного дела, то есть в процессе доследственной проверки сообщения о преступлении, постольку на законодательном уровне должна быть предусмотрена возможность проведения судебно-контрольных производств по вопросам ограничения конституционных прав граждан до возбуждения уголовного дела.

Напомним, что в своем постановлении Верховный Суд Российской Федерации закрепил возможность обжалования решений дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, отказа в приеме сообщения о преступлении, бездействия при проверке этих сообщений, решений и действий должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении**, которые могут иметь место до возбуждения уголовного дела.

** О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февр. 2009 г. N 1 // Рос. газ. 2009. 18 февр.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Статья 48 Конституции Российской Федерации закрепляет право граждан на получение квалифицированной юридической помощи с момента задержания или предъявления обвинения, устанавливая перечень лиц, имеющих рассматриваемое право (обвиняемый, подозреваемый), и момент его возникновения (момент задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения). Вместе с тем с момента принятия Конституции Российской Федерации стандарт обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве существенно повышен. В связи с этим правом на защиту, как отмечается в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, обладает не только подозреваемый и обвиняемый, но и лицо, в отношении которого проводятся процессуальные действия в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении, существенно затрагивающие его права.

В частности, в решениях Верховного Суда Российской Федерации неоднократно отмечалось, что правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный, а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица*.

В другом постановлении Верховный Суд Российской Федерации закрепляет необходимость разъяснения и реализации права лица, обратившегося с явкой с повинной, не свидетельствовать про-

тив самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования**. Речь в указанном случае также идет о стадии возбуждения уголовного дела, на которой следователь должен обеспечить заявившему о явке с повинной (по сути, потенциальному подозреваемому) реализацию права на адвоката-защитника. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом следователь в ходе доследственной проверки может обеспечить участие защитника (адвоката) лица, чьи права и законные интересы затрагиваются проводимыми действиями.

Представляется, что в подобной ситуации следователь должен принять меры к допуску защитника как по соглашению, так и по назначению при наличии обстоятельств, указанных в ст. 51 УПК РФ, однако перед следователем возникает вопрос об оплате участия защитника-адвоката по назначению органов предварительного следствия.

Если такое обременение возложить на государственный бюджет (при наличии к тому соответствующих оснований), то для оплаты услуг адвоката адвокатская контора и сам адвокат должны предоставить следователю необходимый пакет документов: реестр о взыскании гонорара, справку-график об участии адвоката в следственных действиях по уголовному делу, копию ордера адвоката, заявление адвоката на имя следователя о выплате, а следователь – постановление об оплате услуг адвоката. В составляемых документах, необходимых для осуществления выплаты адвокату, должны быть указаны не только дата и перечень проведенных с участием адвоката следственных (процессуальных) действий, но и номер уголовного дела, по которому эти действия проводились.

Статья 131 УПК РФ и нормативные акты, предусматривающие порядок расчета и возмещения процессуальных издер-

* См., например: Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. N 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

** Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. N 55 «О судебном приговоре». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

жек*, регулируют порядок оплаты труда адвоката-защитника по назначению исключительно при его участии в процессуальных действиях по уголовному делу. Таким образом, отсутствие номера расследуемого уголовного дела обоснованно вызовет вопросы ревизии о правомерности расходования бюджетных средств.

Единственным вариантом остается выбор лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, защитника по соглашению. Либо, в случае отсутствия такой возможности у лица, чьи права существенно затрагиваются проводимыми проверочными действиями, оплата услуг адвоката должна быть произведена из собственных средств следователя.

Указанное объясняет причину длительности решения следователями вопроса об обеспечении участия защитника-адвоката по назначению лицу, в отношении которого проводятся соответствующие процессуальные действия или заявившему о явке с повинной. Однако, как подчеркивает В.А. Лазарева, гарантированное Кон-

ституцией Российской Федерации право каждого на получение квалифицированной юридической помощи должно рассматриваться как неотъемлемое условие достижения самого назначения уголовного судопроизводства» [7, с. 184].

Проблемой в данном случае является не наличие конституционных норм или отраслевого законодательства, противоречащего нормам Конституции Российской Федерации, а то, что ведомственные инструкции запаздывают с регулированием правоотношений, развивающихся в связи с решениями высших судебных инстанций Российской Федерации. Принцип деятельности должностных лиц органов уголовного преследования, не позволяющий прямо исполнять положения Конституции Российской Федерации, как представляется, состоит в том, что «можно только то, что прямо разрешено» конституцией, уголовно-процессуальным кодексом и другими нормативными актами. Соответственно, даже если следователь привлекает адвоката в ходе доследственной проверки, то сотрудники финансовых подразделений не оплатят участие последнего. Если будет проведен осмотр жилища до возбуждения уголовного дела, то суд не примет на данном этапе материалы для проведения судебно-контрольного производства.

В подобной ситуации возникают проблемы у должностных лиц органов предварительного следствия и дознания, на которых возлагаются функции осуществления правоохранительной деятельности и достижение назначения уголовного судопроизводства, в условиях отсутствия в законах и подзаконных нормативных актах четкой процедуры обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Рассмотренные примеры правоохранительной деятельности не позволяют утверждать, что по прошествии 25 лет с момента принятия Конституции Российской Федерации все ее положения получили необходимое воплощение. Определенный сдвиг к повышению стандарта обеспечения в уголовном судопроизводстве предусмотренных конституцией прав и свобод произошел, однако утверждать, что все задачи решены, пока преждевременно. Кроме того, необходимо отме-

* О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации»): постановление Правительства Российской Федерации от 1 дек. 2012 г. N 1240: ред. от 26 янв. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 50 (ч. 6). Ст. 7058; URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Об утверждении порядка расчета вознаграждения адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела: приказ Минюста России и Минфина России от 5 сент. 2012 г. N 174/122н // Рос. газ. 2012. 21 сент.

титель, что отдельные нормы Конституции Российской Федерации имеют меньший стандарт обеспечения прав и свобод человека и гражданина, чем другие источники отечественного уголовно-процессуального права.

Список литературы

1. Краснов М.А. Кряжков В.А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 418 с.
2. Панокин А.М. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2013. N 11. С. 1461-1465.
3. Терехин В.В. Допустимость материалов проверки как доказательств // Российский следователь. 2013. N 13 С. 28-30.
4. Доля Е. Правовое значение результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы уголовного процесса // Законность. 2011. N 4. С. 16-22.
5. Кравец И.П. Организация первоначального и последующего этапа расследования преступлений, связанных с террористическими актами, совершенными посредством взрывов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. N 1. С. 195-199.
6. Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2016. N 5. С. 148-149.
7. Лазарева В.А. Некоторые вопросы реализации участниками уголовного судопроизводства конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. С. 183-184.

References

1. Krasnov M.A. Kryazhkov V.A. Tolkoviy slovar' konstitutsionnykh terminov i ponyatiy [Explanatory dictionary of constitutional terms and concepts]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2004.
2. Panokin A.M. Poryadok rassmotreniya soobshcheniya o prestuplenii v ugovnom protsesse [The procedure for considering a crime report in a criminal procedure]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law, 2013, no. 11.
3. Terehin V.V. Dopustimost' materialov proverki kak dokazatel'stv [Admissibility of evidence materials as evidence]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2013, no. 13.
4. Dolya E. Pravovoe znachenie rezul'tatov glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatiy dlya ugovnogo dela i reformy ugovnogo protsessa [The legal significance of the results of public investigative measures for the criminal case and the reform of the criminal process]. Zakonnost' – Legality, 2011, no. 4, pp. 16-22.
5. Kravets I.P. Organizatsiya pervonachal'nogo i posleduyushchego etapa rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s terroristicheskimi aktami, sovershennymi posredstvom vzryvov [The organization of the initial and subsequent phase of the investigation of crimes related to terrorist acts committed by explosions]. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation, 2015, no. 1, pp. 195-199.
6. Stel'mah V.Yu. Ob'yasneniya v ugovnom sudoproizvodstve: pravovaya priroda, protsessual'niy poryadok polucheniya, dokazatel'svennoe znachenie [Explanations in criminal proceedings: legal nature, procedural procedure for obtaining, evidentiary value]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. "Ekonomika i pravo" – Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law", 2016, no. 5, pp. 148-149.
7. Lazareva V.A. Nekotorye voprosy realizatsii uchastnikami ugovnogo sudoproizvodstva konstitutsionnogo prava na poluchenie kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi [Some issues of the implementation by participants in criminal proceedings of the constitutional right to receive qualified legal assistance]. Federal'noe zakonodatel'stvo ob advokature: praktika primeneniya i problemy sovershenstvovaniya [Federal legislation on the bar: application practice and problems of improvement]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004. Pp. 183-184.

Раздел 3. Административная деликтология

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Dmitri8@yandex.ru
Департамент магистратуры;
Тольяттинский государственный
университет,
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

LIPINSKY D.A.,
Doctor of Legal Sciences,
professor,
Dmitri8@yandex.ru
Graduate Department;
Tolyatti State University,
Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020,
Russian Federation

МУСАТКИНА А.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Musatkinaaaa@mail.ru
Департамент бакалавриата;
Тольяттинский государственный
университет,
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

MUSATKINA A.A.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
Musatkinaaaa@mail.ru
Undergraduate Department;
Tolyatti State University,
Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020,
Russian Federation

О НЕЗАКОННОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ НЕКОТОРЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ САНКЦИЙ*

Аннотация. В статье исследуются альтернативные меры дисциплинарной ответственности, предусмотренные постановлениями Правительства Российской Федерации, регулирующими дисциплину труда отдельных категорий работников. На основе анализа норм Трудового кодекса Российской Федерации и судебных решений авторы приходят к выводу о существовании коллизий между требованиями данного кодекса, прямо устанавливающими вид нормативного правового акта, в котором должны быть закреплены меры дисциплинарного воздействия, отличающиеся от предусмотренных в Трудовом кодексе Российской Федерации. Таким актом является федеральный закон. Анализируется юридическая природа лишения специального права, которое предусмотрено рядом постановлений Правительства Российской Федерации в отношении специальных субъектов дисциплинарной ответственности. По мнению авторов, в случае принятия специальных законов о дисциплине отдельных категорий работников в них не должна содержаться указанная мера ввиду ее уголовно-правовой и административно-правовой природы. Обосновывается, что одновременно с принятием указанных выше законов необходимо внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусмотрев специальные составы правонарушений на транспорте, которые и закрепляли бы меры ответственности в виде лишения специального права.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; специальная дисциплинарная ответственность; дисциплина труда; меры дисциплинарной ответственности; дисциплинарное правонарушение; виды дисциплинарных правонарушений; законность; порядок.

ON THE ILLEGAL ALTERNATIVITY OF SOME DISCIPLINARY SANCTIONS

Annotation. The alternative disciplinary measures provided by the resolutions of the Government of the Russian Federation regulating the labor discipline of certain categories of workers are analyzed in the article. Basing on the analysis of the norms of the Labor Code of the Russian Federation and court decisions, the authors come to the conclusion that there are conflicts between the requirements of this code, which directly establish the type of a normative legal act, in which disciplinary measures, different from those provided by the Labor Code of the Russian Federation, must be fixed. This act is a Federal Law. The legal nature of the deprivation of special right, which is provided by a number of resolutions of the Government of the Russian Federation with respect to special subjects of disciplinary liability,

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 17-03-00022 ОГН «Альтернативные санкции в механизме реализации дифференциации и индивидуализации юридической ответственности».

is analyzed. According to the authors' opinion, in case of the adoption of special laws concerning the discipline of certain categories of workers, they should not contain this measure due to its criminal law and administrative law nature. It is substantiated that it is necessary to amend the Code of Administrative Offences of the Russian Federation simultaneously with the adoption of the abovementioned laws. These amendments should provide for special elements of offences committed on transport, which would also fix the measures of liability in the form of deprivation of special right.

Keywords: disciplinary liability; special disciplinary liability; labor discipline; disciplinary measures; disciplinary offence; types of disciplinary offences; legality; law and order.

Согласно устоявшемуся в правовой доктрине мнению дисциплинарная ответственность подразделяется на общую, которая предусмотрена нормами Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), и специальную, которая закреплена в положениях и уставах о дисциплине, а также в федеральных законах, регулирующих прохождение различных видов государственной службы. Кроме того, она предусмотрена в нормативных правовых актах для лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В связи с этим дисциплинарную ответственность можно считать комплексным межотраслевым институтом в системе права. Комплексность обусловлена тем, что в ее состав входит несколько относительно самостоятельных субинститутов: общей дисциплинарной ответственности; специальной дисциплинарной ответственности; дисциплинарной ответственности государственных и муниципальных служащих, которая является разновидностью специальной дисциплинарной ответственности; дисциплинарной ответственности лиц, занимающих государственные должности.

В единый межотраслевой институт их позволяют объединить наличие общих мер юридической ответственности; схожие основания; специфика объекта посягательства и другие признаки (подробное обоснование данного межотраслевого образования дано нами в другой работе, в связи с чем в рамках настоящей статьи указанная проблема не рассматривается) [1]. Существование специальных субинститутов дисциплинарной ответственности обусловлено процессами специализации отечественного права. На наличие базовой отрасли и профилирующих со специальными отраслями права обратил в свое время внимание С.С. Алексеев [2, с. 34], а объективные процессы, которые происходят в системе отечественного права, неизбежно затра-

гивают и отдельные правовые институты с субинститутами, для которых свойственны два противоположных процесса специализации и унификации. Специализация характеризуется тем, что происходит относительное обособление группы норм, которые рассчитаны на специфику тех или иных общественных отношений. В этом смысле нормы нескольких разновидностей специальной дисциплинарной ответственности как раз и обусловлены различными элементами общественных отношений. На наш взгляд, в этом находит свое проявление принцип дифференциации юридической ответственности.

Альтернативные санкции дисциплинарной ответственности законодатель закрепляет на основе действия принципа дифференциации юридической ответственности с целью обеспечения правоприменителем реализации принципа индивидуализации юридической ответственности. Именно поэтому в ст. 192 ТК РФ предусмотрен альтернативный перечень мер дисциплинарной ответственности: замечание; выговор; увольнение по соответствующим основаниям. На выбор меры дисциплинарного взыскания должны влиять характер и степень общественного вреда совершенного правонарушения, личность виновного, форма вины, поведение субъекта до и после совершения правонарушения и другие обстоятельства.

Интересным для анализа представляется перечень мер специальной дисциплинарной ответственности, которые также являются проявлением принципа дифференциации юридической ответственности. Вместе с тем в процессе законодательного закрепления юридической ответственности и ее реализации должен соблюдаться общеправовой принцип законности, а также ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в которой провозглашается, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федераль-

ным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Следует обратить внимание на возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральными законами.

Согласно ч. 2 ст. 192 ТК РФ «федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине (часть пятая статьи 189 настоящего Кодекса) для отдельных категорий работников могут быть предусмотрены также и другие дисциплинарные взыскания». Однако между положениями, которые предусмотрены ч. 5 ст. 189 и ч. 2 ст. 192 ТК РФ, существует коллизия. Из требований ч. 5 ст. 189 ТК РФ следует, что положения и уставы о дисциплине должны быть приняты на уровне федерального закона, а в ст. 192, кроме федеральных законов, законодатель не указывает на вид нормативного правового акта, которым может быть закреплено положение о дисциплине или устав о дисциплине. Между тем в настоящее время действует целый комплекс нормативных правовых актов, принятых на уровне постановлений Правительства Российской Федерации и предусматривающих меры специальной дисциплинарной ответственности.

Вступает в противоречие с ч. 5 ст. 192 и ч. 4 ст. 192 ТК РФ. В ней указывается, что «не допускается применение дисциплинарных взысканий, не предусмотренных федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине». Законодатель наряду с федеральными законами перечисляет и иные виды нормативных правовых актов. В статье 330 ТК РФ законодатель вновь отмечает только один вид нормативного правового акта – федеральный закон, которым могут быть установлены меры специальной ответственности. Так, «дисциплина работников, труд которых непосредственно связан с движением транспортных средств, регулируется настоящим Кодексом, а также положениями (уставами) о дисциплине, если такие положения (уставы) о дисциплине установлены федеральными законами» (ст. 330 ТК РФ).

Проведенный анализ нормативных правовых актов показывает, что в настоя-

щее время действуют следующие постановления Правительства Российской Федерации: от 23 мая 2000 г. N 395 «Об утверждении Устава о дисциплине работников морского транспорта»*; от 21 сентября 2000 г. N 708 «Об утверждении Устава о дисциплине работников рыболовецкого флота Российской Федерации»**; от 22 сентября 2000 г. N 715 «Об утверждении Устава о дисциплине экипажей судов обеспечения Военно-Морского Флота»***; от 25 августа 1992 г. N 621 «Об утверждении Положения о дисциплине работников железнодорожного транспорта Российской Федерации»****.

Все уставы о дисциплине были приняты до вступления в силу ТК РФ и соответствовали положениям КЗоТ РСФСР от 9 января 1971 г. Трудовой кодекс Российской Федерации вступил в силу с 1 февраля 2002 г., в связи с чем было более чем предостаточно времени, чтобы принять соответствующие федеральные законы, регулирующие различные виды специальной дисциплинарной ответственности.

Существующее положение с задержкой принятия различных федеральных законов «О дисциплине...» могло быть нивелировано, если бы в указанных выше постановлениях Правительства Российской Федерации были предусмотрены меры дисциплинарной ответственности, которые идентичны мерам, установленным в ТК РФ. Однако анализ данных нормативных правовых актов показывает совершенно иное. Наряду с такими мерами дисциплинарной ответственности, как замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям, в них предусмотрены: строгий выговор; предупреждение о неполном служебном соответствии; изъятие дипломов у капитанов и лиц командного состава рыболовецкого флота Российской Федерации на срок до трех лет; лишение машиниста права управления локомотивом, мотор-вагонным подвижным составом, специаль-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 33. Ст. 2311.

** Там же. 2000. N 40. Ст. 3965.

*** Там же. Ст. 3966.

**** Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1992. N 9. Ст. 608.

ным самоходным подвижным составом, права управления дрезиной, а также свидетельства помощника машиниста и помощника указанных выше железнодорожных подвижных средств.

Следует отметить, что Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 1992 г. N 621 «Об утверждении Положения о дисциплине работников железнодорожного транспорта Российской Федерации» стало предметом рассмотрения в высшей судебной инстанции. В определении Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2003 г. N КАС03-23 меры дисциплинарной ответственности признаны незаконными. При этом высшая судебная инстанция обосновала свою позицию тем, что статьями 192 и 330 ТК РФ предусмотрена возможность закрепления дополнительных видов дисциплинарных взысканий только федеральным законом*.

Вводя дополнительные альтернативы и расширяя перечень мер дисциплинарной ответственности, законодатель стремился соблюдать принцип дифференциации и создавать предпосылки для реализации принципа индивидуализации. Но одновременно существует и принцип законности, который в иерархии принципов юридической ответственности находится на уровне выше. Его действие обязательно для всех субъектов общественных отношений, в том числе для законодателя и правоприменителя. Кроме того, в теоретических разработках, посвященных принципу законности и верховенству федерального закона, неоднократно указывалось, что меры юридической ответственности должны устанавливаться только на уровне федерального закона [3, с. 8; 4, с. 213].

На основе системного анализа норм ТК РФ, а также решения высшей судебной инстанции можно сделать вывод, что все положения и уставы, регламентирующие дисциплинарную ответственность субъектов, которые приняты на уровне не законов, а постановлений Правительства Российской Федерации, не соответствуют данному кодексу. Примечательно, что суд не принял во внимание положения ч. 2

ст. 423 ТК РФ, согласно которой «изданные до введения в действие настоящего Кодекса нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации по вопросам, которые в соответствии с настоящим Кодексом могут регулироваться только федеральными законами, действуют впредь до введения в действие соответствующих федеральных законов». Очевидно, что суд руководствовался конституционным положением о допустимости ограничений прав и свобод человека только федеральным законом, а также положениями ст. 5 ТК РФ (трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права), согласно которым «постановления Правительства Российской Федерации, содержащие нормы трудового права, не должны противоречить настоящему Кодексу».

Еще раз подчеркнем, что, по нашему мнению, все положения (уставы) о дисциплине труда, которые приняты на уровне постановлений Правительства Российской Федерации, предусматривающие дополнительно к существующим в ТК РФ специальные меры дисциплинарной ответственности, являются не соответствующими ТК РФ, и признание их таковыми остается только вопросом времени и обращения в суд того или иного субъекта, к которому будет применена указанная санкция, либо необходимо дожидаться, когда же отреагирует Прокуратура Российской Федерации в защиту неопределенного числа граждан. Кроме того, с момента вступления в силу ТК РФ прошло более шестнадцати лет, и остаются непонятными причины, по которым законодатель в течение такого длительного времени так и не принял «пакет» законов, регулирующих специальные виды дисциплинарной ответственности. Известен только один нормативный правовой акт подобного рода — Федеральный закон от 8 марта 2011 г. N 35-ФЗ «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии»**. Таким образом, остается только ожидать принятия федеральных зако-

* Гарант: справ.-правовая система. URL: http://base.garant.ru/12130074/#block_1111

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 11. Ст. 1504.

нов, регулирующих вопросы специальной дисциплинарной ответственности. Однако в настоящее время проекты таких федеральных законов не внесены в порядке законодательной инициативы.

Как отмечалось ранее, дифференциация юридической ответственности непосредственно связана с принципом индивидуализации. На первом уровне действия принципа дифференциации юридической ответственности законодателем «распределяются» меры юридической ответственности на основе различных критериев по отраслевым институтам путем внесения соответствующих изменений или дополнений в существующие нормативные правовые акты, а иногда (что происходит достаточно редко) формируется новый институт юридической ответственности. Содержание проблемы заключается в том, что законодатель должен руководствоваться юридической природой тех или иных мер, общественной вредностью того или иного правонарушения, не должно допускаться дублирование и создание коллизий.

В связи с этим вызывает возражение «вторжение» некоторых мер специальной дисциплинарной ответственности в сферу регулирования, присущую административной ответственности. В качестве примера можно привести такие меры дисциплинарной ответственности, как «изъятие дипломов у капитанов судов»; «изъятие документов, дающих право на управление железнодорожными транспортными средствами». Употребление понятия «лишение специального права» с очевидностью вытекает из указанных мер, так как именно данные документы дают право на управление транспортным средством. Лишение специального права — это мера административной ответственности и уголовной ответственности, а изъятие документов, предоставляющих то или иное право, выступает способом, который обеспечивает данное наказание, лишая субъекта юридической возможности пользоваться тем или иным правом [4, с. 120].

Следует отметить, что в Особенной части КоАП РФ за конкретные административные правонарушения предусматривается наказание в виде лишения права управления судном, например в ст. 11.7 «Нарушение правил плавания». В статье 1.1 КоАП РФ указано: «законодательство

об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях». Как аксиома звучит и положение том, что наказуемость и «иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (ст. 3 УК РФ). Примечательно, что верхний предел лишения специального права по дисциплинарным уставам превышает в три раза нижний предел уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве основного вида наказания (ч. 2 ст. 47 УК РФ).

Исходя из этого меры юридической ответственности, существенно ограничивающие права граждан, должны быть предусмотрены соответствующим нормативным правовым актом, который закрепляет особый порядок их реализации. В связи с этим аксиоматичным представляется и утверждение о том, что административный процесс и уголовный процесс предоставляют больше прав и свобод субъекту, совершившему правонарушение, в сравнении с дисциплинарным производством, в котором даже и само дело о правонарушении может рассматривать субъект, не обладающий специальными познаниями в области юриспруденции.

Вполне понятно, что в ведомственном правовом регулировании введение подобных мер основано на том, что субъекты обращаются с источниками повышенной опасности, от соблюдения ими разнообразных требований зависит не только их собственная жизнь, но и жизнь и здоровье сотен, а иногда и тысяч людей, экологическая и техносферная безопасность. Однако возникает вопрос о длительности законодательных мер по устранению противоречий. Правительство Российской Федерации обладает правом законодательной инициативы и вправе внести проекты соответствующих федеральных законов на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Таким образом, существует необходимость принятия специальных федеральных законов, регулирующих дисци-

плину труда отдельных категорий работников народного хозяйства. М.В. Яхина считает, что именно в них должны быть закреплены меры в виде лишения права машиниста управления железнодорожным составом, изъятия дипломов у капитанов судов [6, с. 9]. Если принять во внимание указанную позицию, то меры ответственности, обладающие уголовно-правовой и административно-правовой природой, будут предусмотрены в ином нормативном правовом акте, сущность которого совершенно другая. Проблема заключается и в том, что анализ главы КоАП РФ, посвященной административным правонарушениям на транспорте, показывает, что в ней содержатся составы правонарушений, не охватывающие всех правонарушений, совершаемых работниками, на которых распространяется специальная дисциплинарная ответственность. Выход из сложившейся ситуации видится в одновременном принятии пакета законов, регулирующих различные виды специальной дисциплинарной ответственности, и внесении дополнений в КоАП РФ. При этом в КоАП РФ составы с мерами ответственности в виде лишения специального права должны быть сформулированы по типу бланкетных с отсылкой к федеральным законам, регулирующим дисциплину отдельных категорий работников народного хозяйства. Типичные же для дисциплинарной ответственности меры в виде замечания, выговора, строгого выговора, предупреждения о неполном служебном соответствии должны содержаться в соответствующих будущих федеральных законах, а не в КоАП РФ.

На основании того, что производство по делам об административных правона-

рушениях не отличается оперативностью и динамичностью, как дисциплинарное производство, возможен риск того, что лицо, представляющее опасность, продолжает управлять железнодорожным составом, морским судном и т.п., ставя под угрозу жизни сотен людей. Представляется целесообразным закрепить меры защиты (не являющейся мерой ответственности) в виде временного отстранения данного лица на период расследования.

Итак, в завершение необходимо сделать выводы.

1. В целях реализации положений ТК РФ, устранения противоречий необходимо принятие федеральных законов: «Устав о дисциплине работников морского транспорта»; «Устав о дисциплине работников рыбопромыслового флота Российской Федерации»; «Устав о дисциплине экипажей судов обеспечения Военно-Морского Флота»; «Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта Российской Федерации». Альтернативные меры, отличающиеся от мер, предусмотренных в ТК РФ, в виде строгого выговора, предупреждения о неполном служебном соответствии, могут содержаться в настоящих нормативных правовых актах. Включение в них норм, предусматривающих меры в виде лишения специального права, представляется недопустимым.

2. Одновременно с принятием указанных выше федеральных законов необходимо внесение изменений в КоАП РФ, направленных на включение специальных составов административных правонарушений на транспорте, в которых следует предусмотреть меры ответственности в виде лишения специального права.

Список литературы

1. Институт юридической ответственности / Д.А. Липинский [и др.]; под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2017. 236 с.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
3. Станкин А.Н. Верховенство федерального закона в Российской Федерации: конституционные вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 22 с.
4. Ефремов А.Ф. Теоретические и практические проблемы реализации принципов законности в Российском государстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2000. 559 с.
5. Максимов И.В. Административные наказания. М.: Норма, 2009. 464 с.
6. Яхина М.Р. Специальная дисциплинарная ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 22 с.

References

1. Lipinsky D.A. [i dr.]. Institut yuridicheskoy otvetstvennosti [Institute of Legal Responsibility]. Moscow, RIOR Publ., 2017. 236 p.

2. Alekseev S.S. *Struktura sovetskogo prava* [Structure of Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1975. 264 p.

3. Stankin A.N. *Verhovenstvo federal'nogo zakona v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnye voprosy*. Avtoref. Kand. Diss. [The supremacy of federal law in the Russian Federation: constitutional issues. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2007. 22 p.

4. Efremov A.F. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy realizatsii printsipov zakonnosti v Rossiyskom gosudarstve*. Dokt. Diss. [Theoretical and practical problems of the implementation of the principles of legality in the Russian state. Doct. Diss.]. Samara, 2000. 559 p.

5. Maksimov I.V. *Administrativnye nakazaniya* [Administrative penalties]. Moscow, Norma Publ., 2009. 464 p.

6. Yahina M.R. *Spetsial'naya distsiplinarnaya otvetstvennost'*. Avtoref. Kand. Diss. [Special Disciplinary Responsibility. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2017. 22 p.

ЛЕТАЕВА Е.А., кандидат юридических наук, letaeva_lena@mail.ru	LETAEVA E.A., Candidate of Legal Sciences, letaeva_lena@mail.ru
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел;	Chair of administrative activities of the internal affairs bodies;
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников	Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел Российской Федерации,	of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	625049, Russian Federation

КАЧЕСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНО- ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. Проблема качества законодательства – одна из актуальных проблем как для современной теории права, так и для правоприменительной практики. В статье определены критерии, позволяющие отграничить качественное законодательство от некачественного, рассмотрены собственно-юридические и языковые свойства, характерные для качественного законодательства. Приводятся определения понятий «эффективность» и «эффективность правоприменительной деятельности». Анализируются факторы, оказывающие влияние на оценку эффективности правоприменительной деятельности. Как обязательные критерии эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел рассматриваются цель, средства, результаты правоприменительной деятельности, а также время, затраченное на достижение цели правоприменения. На основе примеров из правоприменительной практики оценивается качество норм административного законодательства, выявляются пробелы в правовом регулировании общественных отношений. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что качество административно-деликтного законодательства оказывает прямое влияние на эффективность правоприменительной деятельности органов внутренних дел, поскольку отсутствие правовой регламентации общественно значимых правоотношений либо наличие некачественных правовых норм затрудняет процесс реализации законодательства, что, в свою очередь, приводит к снижению уровня доверия со стороны общества к правоохранительным органам.

Ключевые слова: качество законодательства; административное законодательство; пробел в законодательстве; правоприменительная деятельность; эффективность; свойства качественного законодательства.

QUALITY OF LEGISLATION AS A FACTOR INFLUENCING THE EFFICIENCY OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES (ON THE EXAMPLE OF THE RULES OF ADMINISTRATIVE AND TORT LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. The problem of the quality of legislation is one of the urgent problems both for the modern theory of law and for the law enforcement practice. The criteria allowing to distinguish high-quality legislation from low-quality legislation are defined in the article. The actual legal and linguistic characteristic properties of high-quality legislation are analyzed. The definitions of the concepts “effectiveness” and “effectiveness of law enforcement activity” are given. The factors affecting the assessment of the efficiency of law enforcement activity are considered. The goal, means, results of law enforcement activities, as well as the time spent on achieving the goal of law enforcement are considered as obligatory criteria of the effectiveness of law enforcement activity of the internal affairs bodies. Basing on the analysis of law enforcement practice, the examples of the norms of administrative legislation which allow to assess its quality and identify gaps in the legal regulation of public relations are given. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the quality of administrative and tort legislation has a direct impact on the effectiveness of law enforcement activity of the internal affairs bodies, since the lack of legal regulation of socially significant legal relations or applying the

low-quality legal norms complicates the process of implementation of legislation, which, in turn, leads to reducing the level of public confidence in law enforcement agencies.

Keywords: quality of legislation; administrative legislation; gap in legislation; law enforcement activities; efficiency; characteristics of high-quality legislation.

Проблема качественного законодательства является одной из самых сложных и неразрешенных для российского правоведения. Целью законодательства является нормативное урегулирование юридически значимых общественных отношений, необходимых для государства и общества в целом. Качество законодательства должно предполагать прежде всего четкое формулирование, логическую связь нормативных правовых актов, а также стабильность. Отметим, что под законодательством в данном случае следует понимать систему нормативных правовых актов, изданных уполномоченными правотворческими органами государства.

Однако российское законодательство на современном этапе несовершенно по ряду субъективно-объективных причин [1, с. 18-19], вследствие чего уменьшается или сводится к нулю эффективность правоприменительной деятельности, затрудняется процесс реализации правовых норм.

Согласно словарю С.И. Ожегова эффективность – понятие, характеризующие свойство, способность этого явления или предмета приносить (вызывать) какой-то эффект [2, с. 745]. Анализ юридической литературы позволяет прийти к выводу, что понятие «эффективность» аккумулирует в себе три необходимых компонента: 1) цель (степень ее достижения), 2) затраты средств для достижения цели, 3) конечный результат каких-либо действий [3, с. 67]. Таким образом, понятие «эффективность» схематично можно представить следующим образом: цель – средства – результат. Именно результат определяет эффективность деятельности. Чем выше результат достижения целей, выявляемый при оценивании правоприменительной деятельности, тем выше ее эффективность, и наоборот.

Цель правоприменения определяется целью применяемой правовой нормы, но не отождествляется с ней. В связи с этим под эффективностью правоприменительной деятельности органов внутрен-

них дел следует понимать фактический результат правоприменения этих органов по достижению социальных целей правоприменителя, обусловленных целями применяемых правовых норм, соотношенный (сопоставленный) с затратами на достижение этого результата, израсходованными за определенное время деятельности органов внутренних дел [4, с. 107].

Следует согласиться с В.П. Тимохиным, который отмечает взаимосвязь результата правоприменительной деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) со временем, израсходованным сотрудниками ОВД при осуществлении профессиональной деятельности, поскольку производство по делу об административном правонарушении сопряжено с соблюдением должностными лицами сроков применения норм права. Например, согласно ч. 1 ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, – по истечении трех месяцев) со дня совершения административного правонарушения, в связи с чем можно заключить, что в случае несоблюдения (нарушения) сроков производства по делу об административных правонарушениях лицо, совершившее административное правонарушение, может избежать привлечения к административной ответственности.

На эффективность правоприменительной деятельности влияет много факторов, однако качество законодательства является основным из них, поскольку деятельность правоприменительных органов (должностных лиц) направлена на реализацию правовых норм.

На практике качественным чаще всего считают то законодательство, которое применяется (реализуется), а некачественным (неработающим, или формальным) – то, которое не воплощается в правоприменительных действиях.

Точка зрения об отождествлении некачественного законодательства с неработающим получила достаточно большое распространение в юридической литературе. По мнению ученого-правоведа Б. Спасова, «закон живет лишь тогда, когда он применяется» [5, с. 54]. Исходя из этой же посылки, венгерский теоретик права Р. Лукач формулирует следующий вывод: «Лучше несовершенно право, которое применяется, чем совершенное, которое не применяется» [6, с. 288]. В частности, нормы о мелком хулиганстве (ст. 20.1 КоАП РФ) и о хулиганстве как уголовно наказуемом деянии (ст. 213 УК РФ) постоянно подвергаются критике ввиду несовершенства диспозиций статей, описывающих признаки указанных деяний. В то же время это одни из наиболее часто применяемых норм. Кроме того, несмотря на закрепленное в ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации положение о равенстве прав и обязанностей родителей, а также возможность специально уполномоченных органов и должностных лиц привлекать к ответственности обоих родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних по ст. 5.35 КоАП РФ, правоприменительная практика такова, что к административной ответственности привлекается только один родитель, поскольку бездействие родителей или законных представителей рассматривается как одно событие правонарушения.

Приведенные выше суждения ученых о качестве законодательства отчасти справедливы, так как основная сфера бытия закона — практические действия его адресатов. Вместе с тем не следует забывать, что действующими могут быть и некачественные законы, активно воздействующие на поведение и деятельность людей, вызывающие в социальной сфере изменения, которые имеют губительные последствия для общества (например, карательно-репрессивные меры в отношении инакомыслия в хозяйственно-экономической сфере) [7, с. 155]. Необходимо отметить, что не каждый закон, который не реализуется в практической деятельности людей, то есть не вызывает соответствующих его целям и содержанию социально-правовых действий, можно отнести к некачественным. Причиной могут быть внешние

по отношению к нему факторы (актуальность сферы правоотношения).

Следовательно, важно определить с теми свойствами, которые составляют качество законодательства.

В юриспруденции даются различные трактовки понятия качества нормативных правовых актов. Например, С.В. Поленина понимает под качеством нормативного правового акта его соответствие общественным потребностям и реальное регулирование общественных отношений в соответствии с поставленными при его издании целями [8, с. 37]. На наш взгляд, качественное законодательство следует определять как совокупность свойств, необходимо присущих каждому нормативному правовому акту, характеризующих его в качестве регулятора общественных отношений. С целью рассмотрения данного вопроса выделены следующие свойства, определяющие качество законодательства: нормативность, общеобязательность, полнота и конкретность нормативно-правового регулирования, представительско-обязывающий характер, ясность и доступность языка, формальная определенность, точность и определенность терминов и формулировок, логическая непротиворечивость актов, эффективность, соответствие норм закономерностям и потребностям общественного развития и др.

Вышеуказанные свойства качественного законодательства позволяют подразделить их на два вида: собственно-юридические и языковые.

К собственно-юридическим свойствам нормативных правовых актов, характеризующим их как регулятор юридически значимых отношений, следует отнести нормативность, общеобязательность, полноту и конкретность нормативно-правового регулирования [9, с. 171]. Отсутствие данных свойств у нормативного правового акта позволяет сделать вывод о его неэффективности при осуществлении правоприменительной деятельности.

На наш взгляд, определяющим собственно-юридическим свойством является нормативность, означающая, что закон как государственная воля общества проявляется вовне, выступает в реальной жизни как система официально признаваемых и действующих в данном государстве юри-

дических норм в их материалистическом понимании [10, с. 87].

От степени правовой регламентации социально значимых правил поведения зависит качество осуществления правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Например, отсутствие административной ответственности за отдельные нарушения требований Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД) создает иллюзию безнаказанности и вседозволенности со стороны некоторых участников дорожного движения, нередко являющуюся причиной совершения дорожно-транспортных происшествий [11, с. 368]. В КоАП РФ отсутствуют нормы, устанавливающие административную ответственность за нарушение требований п. 8.12 (создание помех при движении задним ходом), абз. 2 п. 10.1 (снижение скорости вплоть до остановки транспортного средства при возникновении опасности для движения) и абз. 4 п. 10.5 (о запрещении применения резкого торможения), которые, как правило, выявляются в ходе административного производства при оформлении дорожно-транспортных происшествий, хотя по сути данные нарушения норм ПДД имеют выраженную социальную опасность.

Общеобязательность означает неременность выполнения всеми членами общества требований, содержащихся в нормах права. Она возникает в момент вступления в силу нормативного правового акта и прекращается с его отменой. Например, в законодательстве Российской Федерации с 1 июля 2015 года действует правило передвижения пешеходов в темное время суток на загородных дорогах*. В течение нескольких лет указанная норма носила рекомендательный характер. В настоящее время в соответствии с абз. 4 п. 4.1 ПДД пешеходы вне населенных пунктов обязаны иметь при себе предметы со световозвращающими элементами и обеспечивать видимость этих предметов водителями транспортных средств. За нарушение данной нормы предусмотрена админи-

стративная ответственность в виде штрафа в размере 500 рублей (ст. 12.29 КоАП РФ).

С 18 марта 2018 года подобная обязанность установлена для водителей. Пункт 2.3.4 ПДД предусматривает обязанность водителей в случае вынужденной остановки транспортного средства или ДТП вне населенных пунктов в темное время суток либо в условиях ограниченной видимости при нахождении на проезжей части или обочине быть одетыми в куртку, жилет или жилет-накидку с полосами световозвращающего материала, соответствующими требованиям ГОСТа 12.4.281-2014**. За нарушение данного требования статьей 12.27 КоАП РФ установлена административная ответственность, аналогичная ответственности за невыполнение водителем обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием. В то же время юридическая ответственность не предусмотрена, если водитель произвел остановку автотранспортного средства в темное время суток и вышел из него по иной причине, не связанной с ДТП, без куртки, жилета или жилета-накидки с полосами световозвращающего материала, что свидетельствует о наличии пробела в законодательстве. Однако на практике действия водителя в данной ситуации будут отождествлены с действиями пешехода, привлекаемого к административной ответственности по ст. 12.29 КоАП РФ.

Полнота нормативных правовых актов предполагает, что законодательные акты предусматривают механизм действия каждой нормы, которая определяет перечень субъектов, участвующих в том или ином правоотношении, их права и обязанности, а при необходимости и санкцию, применяемую за нарушение установленных обязанностей. Соответственно, отсутствие указанного свойства законодательства приводит к безнаказанности граждан, создающих угрозу общественной безопасности, а также создает условия, при которых правоприменитель не имеет возможности в полной мере осуществлять свои функциональные обязанности по контролю и над-

* О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 14 нояб. 2014 г. N 1197 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 47. Ст. 6557.

** ГОСТ 12.4.281-2014. Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Одежда специальная повышенной видимости. Технические требования (введен в действие приказом Росстандарта от 26.11.2014 N 1813-ст). М.: Стандартинформ, 2015.

зору в той или иной сфере общественных отношений. В качестве примера можно привести частичную правовую регламентацию ст. 12.36.1 КоАП РФ «Нарушение правил пользования телефоном водителем транспортного средства», которая предназначена для реализации административной ответственности за нарушение запрета отвращения водителя от дорожной ситуации. На наш взгляд, следует согласиться с мнением ряда авторов, считающих, что помимо запрета на осуществление водителем разговоров по телефону во время управления транспортным средством без системы, обеспечивающей свободное движение рук, необходимо предусмотреть административную ответственность за любое использование радиоэлектронных средств (например, набор СМС-сообщения, определение местонахождения при помощи средств навигации и др.) во время управления транспортным средством [12, с. 35].

В качестве примера неполноты правовых актов следует отметить:

1) отсутствие исчерпывающего перечня случаев проведения личного досмотра без участия понятых (ст. 27.7 КоАП РФ). Закон предусматривает возможность проведения без участия понятых личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия. Вместе с тем указанный перечень случаев является далеко не полным и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Это связано с тем, что иногда такое участие невозможно, поскольку жизни и здоровью понятых может угрожать опасность в связи с боевыми действиями, стихийными бедствиями, техногенными катастрофами и т.д. Кроме того, опасность может исходить от самого досматриваемого, например, в случае наличия у него инфекционного или вирусного заболевания, которым могут быть заражены понятые [13, с. 78];

2) КоАП РФ не предусмотрена прямая обязанность сотрудников полиции при доставлении лица, совершившего административное правонарушение, по составлению протокола об административном задержании. Это может привести к практике оформления факта доставления

в ОВД и составления протокола об административном правонарушении. Однако составление протокола об административном задержании после доставления следует считать обязательным в связи с тем, что после составления протокола о доставлении доставление считается окончательным, но и после этого лицо максимально в течение трех часов остается ограниченным в свободе передвижения, то есть является задержанным в административном порядке. В соответствии с этим факт ограничения лица в свободе передвижения должен найти свое процессуальное оформление в протоколе об административном задержании [14, с. 68].

Конкретность нормативных правовых актов определяется точностью и конкретизацией закрепления прав и обязанностей субъектов правоотношений. Конкретность правового акта возможна лишь тогда, когда все входящие в него нормы отвечают вышеуказанным требованиям. Например, глава 25 КоАП РФ закрепляет правовой статус участников производства по делам об административных правонарушениях, их права и обязанности. В то же время правовой статус несовершеннолетнего как участника производства не закреплен. Имеются лишь отдельные указания, например, на обязательность уведомления прокурора о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним (ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ), присутствие педагога или психолога при опросе несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего возраста четырнадцати лет (ч. 4 ст. 25.6 КоАП РФ). Несовершеннолетнее лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, может быть удалено на время рассмотрения обстоятельств дела, обсуждение которых может оказать отрицательное влияние на указанное лицо (ч. 4 ст. 25.1 КоАП РФ). Полагаем, в соответствии с рассматриваемым свойством необходимо четко определить статус несовершеннолетнего участника производства по делу об административном правонарушении.

Кроме того, необходимо рассмотреть черты качественного законодательства, обуславливающие его эффективность. К ним следует отнести последовательность и ком-

плекность внесения изменений в нормы законодательства. Например, Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. N 477 «О внесении изменения в правила дорожного движения Российской Федерации» п. 2.7 ПДД дополнен термином «опасное вождение», относящимся к запрету на совершение водителем одного или нескольких следующих друг за другом действий, если эти действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба. В то же время отдельный вид административной ответственности за данное неправомерное деяние в КоАП РФ не предусмотрен. В связи с этим представляется целесообразным дополнение КоАП РФ отдельным составом административного правонарушения.

Кроме того, по нашему мнению, к настоящим свойствам качественного законодательства следует отнести законность нормативного материала, отсутствие противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам. Например, ст.ст. 31.7 и 31.9 КоАП РФ постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. N 14-П признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не позволяют разрешить в судебном порядке вопрос о правомерности дальнейшего содержания лица без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии на момент рассмотрения данного вопроса фактической возможности исполнения постановления об административном выдворении этого лица за пределы Российской Федера-

ции*. Кроме того, в качестве примера норм, противоречивших Конституции Российской Федерации следует отметить положение части 4 статьи 27.5 КоАП РФ, согласно которому срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется со времени его вытрезвления. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2016 г. N 25-П данное положение было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, влекущих в качестве одной из мер административного наказания административный арест, оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов, что, в свою очередь, нарушает конституционные права граждан**.

К языковым свойствам качественного законодательства следует отнести ясность, простоту, точность и краткость.

Ясность нормативного правового акта способствует правильному и полному выявлению содержащейся в нем информации, обеспечивает эффективность ее применения.

Простота изложения материала заключается в употреблении более простых понятий, известных и широко распространенных словосочетаний, но вместе с тем использовании профессиональной юридической терминологии.

Точность нормативных актов определяется четким выражением мысли, позиции, цели законодателя, исключая двусмысленность и искажения. Для достижения точности нормативных актов необходимо пользоваться только терминами, имеющими строго определенное значение, максимально четко и полно выражающими их содержание.

* О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3032.

** По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова: постановление Конституционного Суда РФ от 17 нояб. 2016 г. N 25-П // Там же. 2016. N 48 (ч. III). Ст. 6840.

Краткость изложения правового материала позволяет не упустить логическую связь в тексте закона и эффективно регулировать соответствующие общественные отношения.

Частичное отсутствие таких свойств качественного законодательства, как точность и ясность, можно выявить, анализируя ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои». В первом случае название указанной статьи не в полной мере соответствует своему содержанию, поскольку административная ответственность по данной статье установлена и за побои, и за иные действия насильственного характера, которые причинили физическую боль, но не повлекли последствий, перечисленных в ст. 115 УК РФ, и если при этом данные действия не являются частью какого-то иного уголовного деяния. Между тем побои являются одним из видов насильственных действий, которые причиняют физическую боль потерпевшему, поэтому их выделение из ряда таких действий нецелесообразно [15, с. 18]. Во втором случае в указанной статье, как и в иных правовых нормах, не содержится определение понятия не только побоев, но и других насильственных действий, что, в свою очередь, ведет к чрезмерно узкому или чрезмерно широкому их толкованию на практике [15, с. 18-19].

Проанализировав нормы административно-деликтного законодательства Российской Федерации, следует отметить, что оно не в полной мере отвечает заявленным требованиям качественного законодательства, о чем свидетельствует систематическое внесение в него изменений. Например, только в 2017 году в КоАП РФ были внесены изменения и дополнения 42 федеральными законами, за 9 месяцев 2018 года – 23 федеральными законами.

Таким образом, качество законодательства является ключевым моментом, определяющим его эффективность, нередко зависящим от соблюдения правил юридической техники в правотворческом процессе. Под качеством законодательства следует понимать совокупность собственно юридических и языковых свойств, необходимо присущих каждому правовому акту, характеризующих его как регулятора общественных отношений.

Качество законодательства является одним из главных объективных и в то же время субъективных факторов, оказывающих влияние на оценку эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел.

Под эффективностью правоприменительной деятельности органов внутренних дел следует понимать фактический результат правоприменения настоящих органов по достижению социальных целей правоприменителя, обусловленных целями применяемых правовых норм, сопоставленный (сопоставленный) с затратами на достижение этого результата, израсходованными за определенное время деятельности органов внутренних дел.

Наличие в российском административном законодательстве разного рода дефектов оказывает негативное влияние на процесс реализации норм права человеком (гражданином, иностранным гражданином, лицом без гражданства), нарушая при этом его конституционные права. Кроме того, это затрудняет осуществление правоприменительной деятельности органов внутренних дел и связано прежде всего с невозможностью соблюдения срока производства по делам об административных правонарушениях, с отсутствием законных оснований для привлечения виновных к административной ответственности, а также единой позиции по практике применения норм законодательства и с другими факторами.

Для оптимизации правоприменительной деятельности органов внутренних дел в целях повышения качества административного законодательства нами предлагается внесение в него изменений. Например, ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ необходимо дополнить следующим положением: «В исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, в случае угрозы жизни и здоровью понятых в связи с боевыми действиями, техногенными катастрофами и т.д., а также инфекционного или вирусного заболевания у досматриваемого личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых».

Список литературы

1. Летаева Е.А. Источники возникновения пробелов в законодательстве // Научные исследования высшей школы: сб. тез. докл. и сообщ. на итоговой науч.-практ. конференции. Тюмень, 2010. С. 18-19.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 796 с.
3. Мурсалимов К.Р. Влияние качества нормативной правовой базы на эффективность правоприменения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. N 4. С. 67-70.
4. Тимохин В.П. Эффективность правоприменительной деятельности (теоретико-прикладной аспект): дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.01. СПб., 2002. 190 с.
5. Спасов Б. Закон и его толкование. М., 1986. 247 с.
6. Лукач Р. Методология права. М., 1981. 304 с.
7. Евдокимова Е.Г. Правоприменительные отношения в сфере расследования преступлений органами внутренних дел (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 207 с.
8. Поленина С.В. Качество и эффективность законодательства. М., 1993. 56 с.
9. Сырых Е.В. Техничко-юридические критерии качества закона // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 170-175.
10. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. 224 с.
11. Сидорова М.В. О некоторых проблемах обеспечения безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования). К 40-летию со дня образования ОРЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова: сб. материалов X междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 366-370.
12. Гололов В.В., Бекетов О.И., Майоров В.И. Повышение эффективности административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. N 2 (65). С. 34-38.
13. Черкасова Е.К. Досмотровые мероприятия в деятельности строевых подразделений полиции (правовая основа и тактические основы проведения) // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. N 1 (16). С. 76-85.
14. Деятельность дорожно-патрульной службы ГИБДД: учеб.-практ. пособие. 2-е изд. / М.В. Доцкевич [и др.]. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 206 с.
15. Отдельные направления профилактической работы органов внутренних дел с несовершеннолетними с учетом изменений административно-деликтного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства: метод. рек. / Л.Б. Антонова [и др.]. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2018. 79 с.

References

1. Letaeva E.A. Istochniki vozniknoveniya probelov v zakonodatel'stve [Sources of gaps in the legislation]. Nauchnye issledovaniya vysshey shkoly [Scientific studies of higher school]. Tyumen, 2010. Pp. 18-19.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1987. 796 p.
3. Mursalimov K.R. Vliyanie kachestva normativnoy pravovoy bazy na effektivnost' pravoprimereniya [The influence of the quality of the regulatory legal framework on the effectiveness of law enforcement]. Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii – Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008, no. 4, pp. 67-70.
4. Timohin V.P. Effektivnost' pravoprimeritel'noy deyatel'nosti (teoretiko-prikladnoy aspekt). Kand. Diss. [The effectiveness of law enforcement (theoretical and applied aspect). Cand. Diss.]. St. Petersburg., 2002. 190 p.
5. Spasov B. Zakon i ego tolkovanie [Law and its interpretation]. Moscow, 1986. 247 p.
6. Lukach R. Metodologiya prava [Methodology of law]. Moscow, 1981. 304 p.
7. Evdokimova E.G. Pravoprimeritel'nye otnosheniya v sfere rassledovaniya prestupleniy organami vnutrennih del (teoretiko-pravovoy aspekt). Kand. Diss. [Law enforcement relations in the field of crime investigation by internal affairs bodies (theoretical and legal aspect). Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2001. 207 p.
8. Polenina S.V. Kachestvo i effektivnost' zakonodatel'stva [Quality and effectiveness of legislation]. Moscow, 1993. 56 p.
9. Syryh E.V. Tehniko-yuridicheskie kriterii kachestva zakona [Technical and legal criteria for the quality of the law]. Problemy yuridicheskoy tehniki [Problems of legal technology]. Nizhny Novgorod, 2000. Pp. 170-175.
10. Alekseev S.S. Teoriya prava [Theory of Law]. Moscow, 1994. 224 p.
11. Sidorova M.V. O nekotorykh problemah obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [On some problems of ensuring road safety]. Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya). K 40-letiyu so dnya obrazovaniya ORYuI MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova – Managing activities to ensure road safety (status, problems, ways to improve). For the 40th anniversary of the formation of the ORYUI Russian Interior Ministry named after V.V. Lukyanov. Orel, 2016. Pp. 366-370.

12. Golovko V.V., Beketov O.I., Mayorov V.I. Povyshenie effektivnosti administrativnoy otvetstvennosti za pravonarusheniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya [Improving the efficiency of administrative responsibility for violations in the field of road traffic]. Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 2 (65), pp. 34-38.

13. Cherkasova E.K. Dosmotrovye meropriyatiya v deyatelnosti stroevykh podrazdeleniy politsii (pravovaya osnova i takticheskie osnovy provedeniya) [Inspection measures in the activities of combat police units (legal basis and tactical basis of conduct)]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Law and order: history, theory, practice, 2018, no. 1 (16), pp. 76-85.

14. Dotskevich M.V. [i dr.]. Deyatel'nost' dorozhno-patru'noy sluzhby GIBDD [The activities of the traffic police traffic police]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2018. 206 p.

15. Antonova L.B. [i dr.]. Otdel'nye napravleniya profilakticheskoy raboty organov vnutrennih del s nesovershennoletnimi s uchetom izmeneniy administrativno-deliktnogo, ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Separate areas of preventive work of the bodies of internal affairs with minors, taking into account changes in administrative-tort, criminal and criminal procedure legislation]. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 79 p.

ИЗИНГЕР А.В., кандидат юридических наук, alexander_16.08@mail.ru Кафедра организации охраны общественного порядка; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	IZINGER A.V., Candidate of Legal Sciences, alexander_16.08@mail.ru The chair of public order maintenance; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	--

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 20.21 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с доказыванием совершения лицом такого административного правонарушения, как появление в общественных местах в состоянии опьянения. Рассматривается проблематика определения состояния опьянения лица, субъективизм в оценке состояния правонарушителя как оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность. Так, одним из основных документов, имеющих доказательственное значение при привлечении лица к ответственности по статье 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, является акт его медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В связи с этим представляется спорной сложившаяся правоохранительная практика подтверждения состояния опьянения иной совокупностью доказательств, если медицинское освидетельствование по каким-либо причинам не проводилось. Автором статьи сделан акцент на невозможности доказывания виновности лица при его отказе пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения и обоснованности привлечения его в таком случае к ответственности за умышленное невыполнение требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, либо за неповиновение законному требованию сотрудника полиции. Предложено внести соответствующие изменения в статьи 20.21, 17.7, 27.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное правонарушение; медицинское освидетельствование; состояние опьянения; оскорбление общественной нравственности; оскорбление человеческого достоинства.

SOME PROBLEMS OF PROVING IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS CONCERNING THE CASES PROVIDED BY ARTICLE 20.21 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the issues related to proving the commission of such administrative offence as drunken appearance in public places. The problems of determining the state of alcohol intoxication, as well as the subjectivity in assessment of the offender's state as insulting human dignity and public morality, are considered. So, one of the main documents having evidentiary value when bringing the person to responsibility under the Article 20.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation is the act of his (or her) medical examination for intoxication. In this regard, the current law enforcement practice of confirming the state of alcohol intoxication by another kind of evidence in case the medical examination was not carried out for any reason seems controversial. The author of the article focuses on the impossibility of proving the guilt of a person in case of his (or her) refusal to undergo a medical examination for intoxication. In this case, the validity of bringing him (or her) to responsibility for the deliberate failure to comply with the requirements of the official conducting the administrative proceedings or failure to obey the lawful order of a police officer is quite evident. It is proposed to make the appropriate amendments to Articles 20.21, 17.7, 27.12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: administrative offence; medical examination; state of alcohol intoxication; violating public morality; insult to human dignity.

В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* (далее – ФЗ «О полиции») общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции. При этом решающее значение для формирования положительного общественного мнения играет чувство защищенности граждан от противоправных действий, то есть общественная безопасность, а также общественный порядок, предусматривающий урегулированность общественных отношений социальными нормами (нормами права, нравственными и иными социальными нормами). Значимым фактором, влияющим на общественный порядок и общественную безопасность в этом случае, является административная деликтность, что обусловлено преимущественно ее высоким уровнем. В большинстве случаев совершение правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, таких как мелкое хулиганство, появление в общественных местах в состоянии опьянения, вызывает существенный общественный резонанс, обуславливая необходимость оперативной и адекватной реакции со стороны органов внутренних дел [1].

Вместе с тем при наличии формальных признаков административного правонарушения, предусмотренного главой 20 КоАП РФ, и требования общества о соответствующей реакции на него правоохранителей последние нередко сталкиваются с определенными сложностями в доказывании данных противоправных деяний.

Представляется проблемным в части доказывания административное правонарушение, выражающееся в появлении в общественном месте в состоянии опьянения, наказание за которое предусмотрено ст. 20.21 КоАП РФ. Во-первых, данное деяние признано противоправным исходя из моральных и нравственных норм, то есть фактически лицо, находящееся в состоянии опьянения, не причиняет физического вреда гражданам, но негативно влияет на их ощущение безопасности, а также на процесс воспитания несовершеннолетних, формируя терпимое отношение к такому поведению.

Его негативность проявляется также в том, что лицо находится не просто в состоянии опьянения, а именно в оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Во-вторых, отсутствие четких законодательно установленных критериев, позволяющих разграничить состояние опьянения вообще и состояние опьянения, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность, приводит к некоторым сложностям в определении наличия состава административного правонарушения в действиях конкретного лица.

В частности, объективная сторона правонарушения, предусмотренного данной статьей КоАП РФ, условно включает в себя два составных элемента:

- нахождение в состоянии опьянения;
- нахождение в состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

Отсутствие либо недоказанность одного из указанных элементов объективной стороны анализируемого правонарушения исключает его противоправность. Например, не подлежит привлечению к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ лицо, оскорбляющее своим видом человеческое достоинство и общественную нравственность, но не находящееся в состоянии опьянения, либо находящееся в таком состоянии, но опрятно одетое, не нарушающее общепризнанных норм и не утратившее способность ориентироваться.

С учетом вышеизложенного следует отметить, что наличие состояния опьянения является юридически значимым обстоятельством совершения указанного правонарушения. Иначе говоря, один из основных документов, имеющих доказательственное значение при привлечении лица по ст. 20.21 КоАП РФ, – акт его медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Порядок направления на медицинское освидетельствование определен ст. 27.12.1 КоАП РФ и Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. N 37**.

** Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административное правонарушение: постановление Правительства Российской Федерации от 23 янв. 2015 г. N 37 // Там же. 2015. N 5. Ст. 817.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

дицинского освидетельствования на состояние опьянения установлена приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. N 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)»*. Этим же приказом определены критерии, дающие достаточные основания полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, а именно:

- запах алкоголя изо рта;
- неустойчивость позы и шаткость походки;
- нарушение речи;
- резкое изменение окраски кожных покровов лица.

Вместе с тем наличие этих критериев не является доказательством состояния опьянения, а лишь дает основания полагать, что лицо находится в указанном состоянии. В свою очередь, нахождение лица в состоянии опьянения в обязательном порядке требует фактического подтверждения актом медицинского освидетельствования на состояние опьянения. При этом ввиду отмеченной выше доказательственной роли данного акта представляется спорной сложившаяся правоохранительная практика подтверждения состояния опьянения иной совокупностью доказательств, когда медицинское освидетельствование не проводилось по каким-либо причинам.

Например, при отказе лица пройти медицинское освидетельствование сотрудниками полиции, исходя из наличия у него признаков опьянения (запах алкоголя изо рта, нарушение речи и т.д.), приобщают к материалам дела об административном правонарушении объяснения свидетелей, отражающие субъективное мнение последних о нахождении лица в состоянии опьянения, тем самым считая данный факт установленным. Так, в решении мирового судьи судебного участка N 1 судебного района города окружного значения Салехард

* О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18 дек. 2015 г. N 933н // Рос. газ. 2016. 23 марта.

Ямало-Ненецкого автономного округа от 1 июня 2017 г. по делу N 5-671/2017 указывается: «как установлено из акта N 1632 от 31.05.2017 “медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения”, В. отказался от прохождения медицинского освидетельствования, о чем сделана запись... Состояние алкогольного опьянения у В., оскорбляющее человеческое достоинство и нравственность, тем не менее подтверждается иными доказательствами, кроме протокола медицинского освидетельствования. Из объяснения фельдшера... следует, что по внешним признакам (резкий запах алкоголя изо рта, невнятная речь) им сделан вывод о том, что В. находился в состоянии опьянения»**.

Таким образом, при отсутствии акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения и невозможности доказать, что данное лицо находилось именно в состоянии, оскорблявшем общественную нравственность и общественный порядок, должностными лицами фактически осуществляется подмена понятий. Она приводит к тому, что лицо по субъективным критериям определяется как находящееся в состоянии опьянения (степень в данном случае не играет никакой роли) и дается оценка его внешнего вида и поведения как оскорбляющих человеческое достоинство и человеческую нравственность.

Если в отношении лиц, по внешним признакам находящихся в состоянии опьянения сильной степени, можно допустить такую ситуацию, когда не вызывает сомнения их состояние как оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность***, то в иных случаях, например, когда лицо находится в легкой степени опьянения, ситуация оценивается

** Постановление мирового судьи судебного участка N 1 судебного района города окружного значения Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа от 1 июня 2017 г. по делу N 5-671/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://www.sudact.ru>

*** См., например: Постановление мирового судьи судебного участка N 3 г. Воткинск Удмуртской Республики от 29 марта 2017 г. N 5-161/2017 // Там же.

не так однозначно*. При этом исключение из доказательственной базы результатов освидетельствования на состояние опьянения, получаемых посредством технических средств измерения, а также замена их заключением либо объяснением, отражающим субъективную оценку, в том числе специалиста (например, врача-нарколога), вызывает вопросы.

Исходя из этого в настоящее время можно выделить следующие проблемы, требующие законодательного разрешения:

1. Диспозиция ст. 20.21 КоАП РФ не содержит признака того, что лицо своим видом должно оскорблять человеческое достоинство и общественную нравственность. В ней закреплено, что лицо находится именно в таком состоянии опьянения, которое оскорбляет данные социальные и личностные ценности. Вместе с тем понимание того, что конкретное физическое лицо при определенных обстоятельствах находится именно в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, является оценочным.

Нельзя исключать ситуации, когда у лица присутствуют признаки легкой степени алкогольного опьянения, но оно выглядит неподобающе и ведет себя таким образом, что оскорбляет общественную нравственность: «пьяные» выкрики, «агрессивное», но не переходящее в противоправное поведение, и т.д. Иначе говоря, делать вывод о том, что лицо находится именно в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, в данном случае нельзя. Оно не настолько «пьяно», а его поведение, обусловленное состоянием опьянения, негативно влияет на общественный порядок и общественную безопасность.

Таким образом, ситуация, когда степень противоправности действий лица определяется наличием лишь признаков, подтверждающих состояние опьянения, и субъективной оценкой свидетелей того,

* Постановление мирового судьи судебного участка N 3 Междуреченского городского судебного района г. Междуреченска Кемеровской области от 16 июня 2017 г. N 5-531/17-2 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://www.sudact.ru>

что данный человек оскорбляет своим внешним видом общественную нравственность и человеческое достоинство, представляется не соответствующей содержанию ст. 20.21 КоАП РФ.

2. С учетом того, что исключить субъективность в оценке состояния лица не представляется возможным, необходимо понимать, что подразумевается под действиями либо видом лица, «оскорбляющими человеческое достоинство и общественную нравственность». Различие в воспитании, отношении к обществу и многие другие факторы не позволяют сформулировать единые критерии указанной составной части административного правонарушения.

Например, в протоколах об административных правонарушениях часто указываются следующие признаки состояния опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность: нахождение в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте, шаткая походка, неопрятный внешний вид (местами грязная одежда). Они не позволяют сделать вывод о виновности лица в совершении вменяемого правонарушения. Степень шаткости походки у лица может быть разной, и при определенных обстоятельствах не оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность. Из содержания же протокола об административном правонарушении и других документов нередко невозможно сделать вывод о том, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, находилось в такой степени алкогольного опьянения, которая вызывала бы у окружающих отвращение.

Критерии, приводимые в научной литературе, могут лишь отчасти отражать такое состояние, которое оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, а именно: поведение лица в состоянии опьянения, явно нарушающее общепризнанные нормы (непристойные высказывания или жесты, грубые выкрики, назойливое приставание к гражданам и т.п.); нахождение в общественном месте в неприличном виде (грязная, мокрая, расстегнутая одежда, неопрятный внешний вид, вызывающий отвращение); из-

за опьянения лицо полностью или в значительной степени утратило способность ориентироваться (бесцельно стоит или передвигается с места на место, нарушение координация движения и т.п.); полная беспомощность пьяного (бесчувственное состояние) [2, с. 45]. При этом любой из указанных критериев может быть обусловлен не только опьянением, но и иными причинами, не связанными с неправомерными действиями (неприличный вид – принадлежность какому-либо неформальному течению; утрата способности ориентироваться или беспомощное состояние – наличие либо обострение какого-либо заболевания; непристойные высказывания – реакция на провокационные действия других лиц и т.д.).

Исходя из этого в материалах дела обязательно должны содержаться доказательства того, что свидетели правонарушения воспринимали состояние и действия лица как оскорбляющие человеческое достоинство и общественную нравственность, с детальным отражением в объяснении и протоколе того, в чем это конкретно проявлялось и почему не может быть соотнесено с поведением, соответствующим общественным нормам.

3. Для установления виновности лица необходимо определение содержания субъективной стороны правонарушения. Как представляется, данный элемент состава правонарушения должен включать в себя осознанное понимание лицом того, что своими действиями либо внешним видом, обусловленным состоянием опьянения, оно посягает на общественные ценности, нарушает их. В противном случае может складываться ситуация, когда гражданин, как уже отмечалось ранее, входящий в неформальную молодежную группу (например, панки как представители субкультуры, носящие своеобразную одежду, могут вызывать неприятие у приверженцев классического стиля одежды), находящийся в опьянении легкой степени, априори будет считаться правонарушителем. Кроме того, возможны ситуации, когда лицо, употребившее алкогольную продукцию дома и объективно находящееся в состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, вынуждено выйти в общественное место (например, в

подъезд, чтобы проверить электросчетчик, либо покинуть квартиру для встречи сотрудников полиции, вызванных по иному основанию*). В результате, не желая того, лицо совершает административное правонарушение и может быть привлечено к ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ.

4. Отсутствие на основании ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»** обязанности у граждан с признаками опьянения пройти медицинское освидетельствование фактически сводит к нулю доказательственную базу по данному правонарушению.

В этом случае сотрудник полиции вынужден идти на привлечение лица к административной ответственности не за само правонарушение, в котором состояние опьянения является квалифицирующим признаком, а за правонарушение, посягающее либо на институты государственной власти (ст. 17.7 КоАП РФ), либо порядок управления (ст. 19.3 КоАП РФ).

При этом ни среди ученых-правоведов, ни в судебной практике нет единого мнения о том, под санкцию какой статьи в конечном итоге подпадают действия лица, отказавшегося от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения [3].

Как представляется, квалификация факта отказа от медицинского освидетельствования по той либо иной статье КоАП РФ зависит от момента, когда данный отказ сделан. Так, если отказ от прохождения медицинского освидетельствования совершен после составления должностным лицом протокола о направлении на медицинское освидетельствование лица, совершившего административное правонарушение, когда дело об административном правонарушении считается возбужденным должностным лицом, он может расцениваться как умышленное невыполнение требований

* Постановление мирового судьи судебного участка N 5 г. Сарапула (Удмуртская Республика) от 19 дек. 2016 г. по делу N 5-880/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://www.sudact.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724.

должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, то есть как административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 17.7 КоАП РФ.

Если же отказ совершен в момент составления протокола о направлении на медицинское освидетельствование лица, совершившего административное правонарушение, до подписания его должностным лицом (т.е. в данной ситуации в силу п. 2 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ нельзя говорить о том, что уже возбуждено дело об административном правонарушении), то действия лица расцениваются как неповиновение законному требованию сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ). Это можно аргументировать тем, что в соответствии с п. 14 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» сотрудник полиции наделен правом направлять и (или) доставлять на медицинское освидетельствование в соответствующие медицинские организации граждан для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств, если результат освидетельствования необходим для подтверждения либо опровержения факта совершения преступления или административного правонарушения.

Вместе с тем вышеуказанные нормы не решают проблемы отказа от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, данного в ходе проведения самого освидетельствования, возможность которого предусмотрена приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. N 933н «Об порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». В данном случае говорить о том, что лицо не повинуется законному требованию сотрудника полиции либо умышленно не выполняет требования должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, нельзя, так как они ориентированы на направление на медицинское освидетельствование, а не на его прохождение.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующие существенные про-

блемные вопросы в доказывании совершения лицом административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ:

– подмена понятий в части определения состояния лица как оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность и его внешнего вида, негативно оцениваемого гражданами;

– субъективность в оценке гражданами состояния опьянения лица как оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность;

– возможность лица отказаться от медицинского освидетельствования, тем самым исключив основной доказательственный элемент по рассматриваемому административному правонарушению.

С целью разрешения сложившейся ситуации представляется необходимым внесение ряда законодательных изменений:

– изложить диспозицию ст. 20.21 КоАП РФ в следующей редакции: «Появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах в состоянии опьянения, оцениваемом гражданами исходя из поведения и внешнего вида лица как оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность...»;

– дополнить ст. 17.7 КоАП РФ частью 2 следующего содержания: «Невыполнение законных требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в соответствии со статьей 27.12.1 настоящего Кодекса, —» [3, с. 31] либо ввести самостоятельную статью указанного содержания по аналогии со ст. 12.26 КоАП РФ, предусмотрев санкции, соответствующие санкциям ст. 20.21 КоАП РФ;

– исключить из ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ привязку к лицу, управляющему транспортным средством, тем самым расширив перечень лиц, в отношении которых сотрудник полиции может проводить освидетельствование на состояние опьянения.

Список литературы

1. Гапонов О.Н. Реализация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2006. 186 с.
2. Николаева Т.Б. Пресечение и процессуальное оформление появления в общественных местах в состоянии опьянения // Наука. Мысль. 2017. N 3-2. С. 43-46.
3. Равнюшкин А.В. Проблема привлечения правонарушителей, имеющих признаки опьянения, к ответственности за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 2 (44). С. 26-32.

References

1. Gaponov O.N. Realizatsiya mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, posyagayushchih na obshchestvenniy poryadok. Kand. Diss. [The implementation of measures to ensure the production of cases of administrative offenses that encroach on public order. Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 186 p.
2. Nikolaeva T.B. Presechenie i protsessual'noe oformlenie poyavleniya v obshchestvennyh mestah v sostoyanii op'yaneniya [Suppression and procedural registration of appearance in public places intoxicated]. Nauka. Mysl' – Science. Think, 2017, no. 3-2, pp. 43-46.
3. Ravnyushkin A.V. Problema privlecheniya pravonarushiteley, imeyushchih priznaki op'yaneniya, k otvetstvennosti za otkaz ot prohozhdeniya meditsinskogo osvidetel'stvovaniya na sostoyanie op'yaneniya [The problem of bringing the offenders having the signs of intoxication to responsibility for refusal to undergo medical examination for the state of being intoxicated]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2018, no. 2 (44), pp. 26-32.

Раздел 4. Уголовный закон

ДАНИЛОВА Н.В., DANILOVA N.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
n.v.danilova@utmn.ru, associate professor,
Кафедра административного n.v.danilova@utmn.ru
и финансового права; Chair of administrative and financial law;
Тюменский государственный университет, Tyumen State University,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38 Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

ПЕТРОВ В.В., PETROV V.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
v.v.petrov@utmn.ru, associate professor,
Кафедра уголовного права и процесса; v.v.petrov@utmn.ru
Тюменский государственный университет, Chair of criminal law and procedure;
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38 Tyumen State University,
Russian Federation

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ САМОВОЛЬНОЙ ДОБЫЧИ
ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются спорные вопросы квалификации самовольной, то есть без получения лицензии на право пользования недрами, добычи полезных ископаемых. Изучение научной литературы и правоприменительной практики показывает, что безлицензионная добыча полезных ископаемых квалифицируется в одних случаях как незаконное предпринимательство, в других — как нарушение правил охраны и использования недр, в третьих — как кража. Анализ субъективных и объективных признаков рассматриваемого деяния позволяет авторам прийти к выводу, что в данной ситуации имеет место идеальная совокупность преступлений, предусмотренных статьями 158 и 255 Уголовного кодекса Российской Федерации. С одной стороны, деятельность по добыче полезных ископаемых без получения лицензии на право недропользования нарушает требования Закона Российской Федерации «О недрах» о рациональном использовании и охране недр. С другой стороны, очевидно, что добыча ведется нарушителем с целью незаконного завладения чужим имуществом, то есть добытыми полезными ископаемыми. Предлагаемая квалификация также снимает проблемы разграничения в данной ситуации уголовного преступления и такого административного проступка, как самовольное пользование недрами.

Ключевые слова: лицензия на право пользования недрами; самовольное недропользование; уголовная ответственность; экологическое преступление; незаконное предпринимательство; хищение.

**CRIMINAL LAW QUALIFICATION OF UNAUTHORIZED
MINING: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Annotation. The article deals with the controversial issues concerning the qualification of unauthorized mining, that is without obtaining a license for the right to use mineral resources. The study of the scientific literature and law enforcement practice shows that the unlicensed extraction of mineral resources is classified differently. In some cases, it can be classified as illegal entrepreneurship, in other cases — as a violation of the rules for the protection and use of mineral resources. It can also be qualified as a theft. The analysis of the subjective and objective elements of the considered act allows the authors to conclude that this case is an ideal cumulative crime, provided by articles 158 and 255 of the Criminal Code of the Russian Federation. On the one hand, mining activities without obtaining a license for the right to use mineral resources violate the requirements of the Law of the Russian Federation “On mineral resources” concerning the rational use and protection of mineral resources. On the other hand, it is obvious that mining is carried out by the infringer for the purpose of illegal possession of another’s property, that is, the extracted mineral resources. The proposed qualification

also eliminates the problems of distinguishing between a criminal offence and such administrative offence as unauthorized use of mineral resources in such cases.

Keywords: license for the right to use mineral resources; unauthorized use of mineral resources; criminal liability; environmental crime; illegal entrepreneurship; theft.

В соответствии со ст. 11 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. N 2395-1 «О недрах»* (далее – Закон «О недрах») предоставление недр в пользование оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии. Отсутствие лицензии при добыче полезных ископаемых является основанием для привлечения виновных лиц к юридической ответственности – уголовной, административной и гражданско-правовой. Следует рассмотреть проблемы уголовно-правовой квалификации указанного деяния. Как отмечают специалисты, квалификация действий лиц, совершивших незаконную добычу полезных ископаемых, относится к сложным проблемам в теории уголовного права, что нашло свое отражение в различной уголовно-правовой оценке подобных противоправных деяний [1, с. 15]. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) обычно содержат формулировку «в целях обеспечения единства судебной практики применения законодательства». Когда речь идет о самовольной добыче полезных ископаемых, судебная практика не является единой. В одних случаях безлицензионное недропользование квалифицируется по ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Незаконное предпринимательство», в других – по ст. 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр», в третьих – по ст. 158 «Кража». Составы преступлений, по которым привлекаются к ответственности правонарушители, не просто различаются, они расположены в разных главах УК РФ. Таким образом, закономерно возникает вопрос об общественных отношениях, которые нарушаются данными деяниями.

Статья 171 УК РФ предусматривает ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без реги-

страции или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Под крупным ущербом в данной статье понимается доход в размере более 1,5 млн руб. На практике достаточно распространена квалификация самовольного пользования недрами именно по этой статье. В качестве примера можно привести приговор Татищевского районного суда Саратовской области от 26 июня 2013 г. по делу N 1-56/2013**.

В данном деле по ч. 1 ст. 171 УК РФ был привлечен директор МУП «Татищевское ЖКХ», которому вменялось то, что он организовал технологический процесс водоснабжения, обеспечивающий незаконную добычу подземных вод, их транспортировку и отпуск добытой воды питьевого качества по водопроводным сетям населению и иным абонентам. При этом лицензия на недропользование у МУП отсутствовала. От реализации воды МУП получило доход в размере 3 971 099 руб. 23 коп.

Следственные органы и суд исходили из того, что деятельность по водоснабжению физических и юридических лиц является предпринимательской деятельностью, так как направлена на систематическое получение прибыли от оказания данных услуг, осуществляется самостоятельно, на свой риск указанным юридическим лицом. По смыслу закона при осуществлении организацией незаконной предпринимательской деятельности ответственности по ст. 171 УК РФ подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения возложены обязанности по руководству организацией, а также лицо, фактически выполняющее данные обязанности или функции руководителя организации.

Аналогичная квалификация рассматриваемого деяния имеется также в приговорах Дербентского районного суда Респу-

* О недрах: закон Российской Федерации от 21 февр. 1992 г. N 2395-1: ред. от 30 сент. 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 10. Ст. 823; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru>

блики Дагестан от 30 июня 2017 г. по делу N 1-92/2017, Верховного Суда Республики Хакасия от 10 мая 2017 г. по делу N 22-175/2017, апелляционном постановлении Московского областного суда от 14 марта 2017 г. по делу N 22-1466/2017, апелляционном постановлении Верховного Суда Удмуртской Республики от 9 марта 2017 г. по делу N 22-408/2017*.

На наш взгляд, квалифицировать самовольную добычу полезных ископаемых как незаконное предпринимательство нельзя. Конституирующим признаком данного состава преступления является отсутствие лицензии на осуществление предпринимательской деятельности. В качестве довода следственные и судебные органы приводят положения ст. 11 Закона «О недрах», которая требует наличия лицензии на пользование недрами. Однако лицензия на вид предпринимательской деятельности и лицензия на право пользования недрами не являются равнозначными по своему юридическому значению документами.

Обязанность получения лицензии на вид предпринимательской деятельности базируется на требованиях ст. 49 ГК РФ «Правоспособность юридического лица»: перечень видов деятельности, на которые требуется получить лицензию, установлен Федеральным законом от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»**. Лицензия на вид деятельности представляет собой конститутивный («правосубъектно-формирующий») административный акт, с помощью которого хозяйствующим субъектам (юридическим лицам и гражданам-предпринимателям) предоставляется специальная правоспособность (правосубъектность). В случае необходимости получения лицензии право юридического лица осуществлять данный вид деятельности возникает с момента получения такой лицензии или в указанный в ней срок и прекращается по истечении срока ее действия. Подчеркнем, что упоминаемое в этой статье «право» яв-

ляется не субъективным правом, а элементом правоспособности (правосубъектности). Роль лицензии на недропользование иная: она не формирует правоспособность, а является юридическим фактом, который влечет возникновение у лица субъективного имущественного права пользования определенным участком недр [2, с. 99-100]. Посредством лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности государство контролирует соответствие претендентов квалификационным требованиям, посредством лицензирования недропользования — распоряжается государственной собственностью — недрами. В связи с этим считаем применение ст. 171 УК РФ при безлицензионном недропользовании ошибочным.

Мнение о том, что самовольная добыча полезных ископаемых охватывается нормами ст. 255 УК РФ, разделяют многие авторы. В пользу данной квалификации высказываются Э.Н. Жевлаков [3, с. 55], Н.А. Лопашенко [4, с. 51-53], А.А. Толкаченко [5, с. 60-61], И.В. Попов [6, с. 31-34]. В следственной и судебной практике такая квалификация нередко имеет место (см., например: приговор Северского городского суда Томской области от 25 января 2018 г. по делу N 1-42/2018, приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 28 апреля 2015 г. по делу N 1-202/2015)***.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 255 УК РФ, состоит в нарушении правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба. В данном случае имеет место бланкетная диспозиция нормы. Основные требования по рациональному использованию и охране недр содержатся в ст. 23 Закона «О недрах». К ним относятся:

1) соблюдение установленного законодательством порядка предоставления недр в пользование и недопущение самовольного пользования недрами;

* Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru>

** О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 19. Ст. 2716.

*** РосПравосудие — судебная практика. URL: <https://rospravosudie.com>

2) обеспечение полноты геологического изучения, рационального комплексного использования и охраны недр;

3) проведение опережающего геологического изучения недр, обеспечивающего достоверную оценку запасов полезных ископаемых или свойств участка недр, предоставленного в пользование в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых;

4) проведение государственной экспертизы и государственный учет запасов полезных ископаемых, а также участков недр, используемых в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых;

5) обеспечение наиболее полного извлечения из недр запасов основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых и попутных компонентов и др.

Детальные требования по рациональному использованию и охране недр определяются рядом подзаконных актов. Так, Правила охраны недр устанавливают требования, касающиеся всех стадий освоения участка недр:

- проектирования, строительства и ввода в эксплуатацию объектов пользования недрами;

- геологического и маркшейдерского обеспечения использования участка недр;

- планирования и проектирования развития горных работ, добычных (очистных) работ; при этом особые требования предъявляются к разработке месторождений нефти и газа и месторождений, залегающих в сложных горно-геологических и других природных условиях;

- подготовки добытых полезных ископаемых к отгрузке потребителю и на первичную переработку;

- переработки минерального сырья;
- ликвидации и консервации объектов, связанных с использованием недрами.

В Правилах устанавливается, что место размещения площадок для строительства горных выработок, скважин, подъемных и рудоподготовительных комплексов, перерабатывающих производств, отвалов и иных объектов пользования недрами в пределах границ горного отвода выбирается пользователем недр в соответствии с условиями лицензии на пользование недрами.

Как видно, в числе требований по рациональному использованию и охране

недр указано и соблюдение установленного законодательством порядка предоставления недр в пользование, и недопущение самовольного пользования недрами.

Состав преступления, предусмотренный ст. 255 УК РФ, является материальным: преступление считается оконченным при наступлении последствий – причинении значительного ущерба и наличии причинно-следственной связи между деянием и указанными последствиями. Более того, при отсутствии таких последствий деяние не будет уголовно наказуемым. При оценке ущерба возникает по меньшей мере два вопроса. Во-первых, вопрос о том, охватывается ли понятием «значительный ущерб» только стоимость незаконно добытых полезных ископаемых, либо такой ущерб может быть причинен любым природным объектам.

Например, И.В. Попов считает, что под значительным ущербом как признаком преступления, предусмотренного ст. 255 УК РФ, должна пониматься стоимость незаконно добытого природного ресурса, поскольку на эту сумму уменьшается совокупное экономическое благо правообладателя недр – недропользователя (если они предоставлены) либо государства (если недра не предоставлены) как собственника недр в пределах государственной границы государства и его континентального шельфа [6, с. 34].

Полагаем, что ориентироваться исключительно на этот показатель нельзя. На практике при привлечении к уголовной ответственности по ст. 255 УК РФ под значительным ущербом понимается не только стоимость незаконно добытого полезного ископаемого, но и иной экологический вред. Например, из приговора Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 апреля 2015 г. по делу N 1-202/2015 следует, что подсудимому вменялось в вину то, что он, будучи лицом, ответственным за проведение работ на карьере, организовал на лесном участке незаконную добычу общераспространенных полезных ископаемых (супеси, суглинок) в объеме 733 069 м³. В соответствии с заключением судебной экологической экспертизы на лесном участке причинен вред (ущерб) окружающей среде, выраженный в изме-

нении рельефа и водного режима исследуемого участка местности, уничтожении исходного почвенного покрова и растительности, а также в утрате значительного по площади участка недр и создании угрозы для водных биологических ресурсов притоков реки Обь и нерестилищ*. Такое понимание ущерба представляется вполне оправданным.

Во-вторых, как и в большинстве составов экологических преступлений, законодатель применительно к ст. 255 УК РФ не уточняет размер ущерба, который можно считать значительным. Не содержит необходимых толкований этой нормы и имеющееся постановление Пленума ВС РФ по вопросам применения норм законодательства об охране окружающей среды**. Хотя и в отношении иных составов экологических преступлений данное постановление излишней конкретностью не отличается. Например, применительно к ст. 250 УК РФ значительность ущерба предлагается определять «в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств дела». Приходится признать, что ситуация вряд ли изменится, и «значительный ущерб» применительно к экологическим преступлениям так и останется оценочным понятием.

Как отмечалось выше, существует еще один вариант квалификации безлицензионного недропользования — как хищения чужого имущества. Эту точку зрения разделяет, например, З.А. Незнамова, которая полагает, что содержимое недр обладает признаками предмета хищения и, соответственно, незаконная добыча полезных ископаемых на участках недр должна квалифицироваться как хищение [7, с. 265].

С определенными оговорками разделяет эту точку зрения и Э.Н. Жевлаков. Необходимым условием квалификации незаконной добычи полезных ископаемых автор считает обособление участка недр.

* РосПравосудие — судебная практика. URL: <https://rospravosudie.com>

** О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 окт. 2012 г. N 21: ред. от 30 нояб. 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 12.

По его мнению, «необходимо признать обособленными, например, участки недр, на которых производилась геологоразведка и на местности есть шурфы, межевые знаки, а залежи природных ресурсов или участки недр оформлены документально, картографически, на этих участках построены добывающие предприятия, сооружения». Далее автор делает вывод, что такие действия, как изъятие и завладение песком, добытым кем-либо, или из разрабатываемого карьера либо даже только с обособленного указанными выше способами, но не разрабатываемого еще участка недр, могут быть квалифицированы как хищение [3, с. 60-61]. Аналогичную позицию высказывают А.М. Багмет и А.Л. Иванов [1, с. 19].

Подобная квалификация самовольного пользования недрами нередко имеет место на практике. В качестве примера можно привести приговоры Красногвардейского районного суда Республики Адыгея N 1-36/2016 от 16 марта 2016 г. по делу N 1-36/2016, Кировского районного суда г. Омска N 1-59/2015 1-772/2014 от 22 июня 2015 г. по делу N 1-59/2015, Дмитровского городского суда Московской области N 1-487/2013 от 16 декабря 2013 г. по делу N 1-487/2013, Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 7 апреля 2011 г. по делу N 1-24/11***. В мотивировочной части приговоров суды ссылаются на ч. 1 ст. 1.2 Закона «О недрах», согласно которой недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью.

Отметим, что на практике очень часто юридические лица за самовольное пользование недрами привлекаются к административной ответственности по ч. 1 ст. 7.3 КоАП РФ — за пользование недрами без лицензии. В качестве примера можно привести решение Алексеевского районного суда Белгородской области от 18 октября 2016 г. по делу N 12-71/2016****, которое является далеко не единственным.

Настоящая практика интересна тем, что ст. 7.3 помещена в главу 7 КоАП РФ

*** Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru>

**** Там же

«Административные правонарушения в области охраны собственности». Таким образом, законодатель признает, что объектом данного правонарушения являются прежде всего отношения собственности, а не экологические отношения. С этой позиции уголовно-правовая квалификация по ст. 158 выглядит, на первый взгляд, логично.

Однако в этом случае не учитывается следующее. Действительно, недра и содержащиеся в них полезные ископаемые являются государственной собственностью. Но извлечение из недр полезных ископаемых не ведет к исчезновению ни недр в целом, ни участков недр, эти объекты не выбывают из собственности государства, при незаконной добыче полезных ископаемых снижается лишь экономическая ценность месторождения. Говорить о хищении можно лишь тогда, когда полезные ископаемые уже извлечены из недр и могут быть идентифицированы как самостоятельный объект права, до этого момента предмет хищения отсутствует. Таким образом, сам процесс добычи полезных ископаемых понятием хищения не охватывается. Статья 7.3 КоАП РФ охраняет именно право государственной собственности на недра как часть земной коры, в то время как ст. 158 УК РФ может охранять лишь уже добытые полезные ископаемые.

Вместе с тем при квалификации самовольного недропользования исключительно по ст. 255 УК РФ не учитывается субъективная сторона деяния, а именно мотив и цель. Очевидно, что при самовольной добыче полезных ископаемых правонарушитель не ставит перед собой цель нарушить правила охраны и использования недр. Целью нарушения правил, побуждающим мотивом является все же извлечение полезных ископаемых для дальнейшего их использования, получения прибыли. Таким образом, процесс добычи полезных ископаемых без получения соответствующего разрешения, охватываемый диспозицией ст. 255 УК РФ, для нарушителя есть лишь способ достичь желаемого, а именно способ совершения иного преступления – хищения.

Полезные ископаемые, будучи извлеченными из среды залегания, обособляются от нее и приобретают свойства товара. В таком качестве они могут рассматриваться как предмет хищения. Более того, вся деятельность правонарушителя подходит под определение хищения, данное в примечании к ст. 158 УК РФ: совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Таким образом, считаем, что при незаконной добыче полезных ископаемых имеет место идеальная совокупность преступлений: одно деяние (а в субъективном восприятии виновного вся эта деятельность рассматривается как нечто целое, направленное на достижение единого результата) содержит признаки двух составов преступления, предусмотренных ст.ст. 158 и 255 УК РФ.

Следует отметить, что квалификация по совокупности значительно ужесточает ответственность за это деяние. Незаконная добыча полезных ископаемых, как правило, не осуществляется старателями-одиночками, имеет место либо группа лиц по предварительному сговору, либо организованная группа. Наличие этих отягчающих признаков позволяет квалифицировать деяние уже по ч. 2 или ч. 4 ст. 158 УК РФ, санкции которых предусматривают наказание до пяти или до десяти лет лишения свободы соответственно. Кроме того, предлагаемая нами квалификация по совокупности устраняет противоречие с административным законодательством, карающим подобные деяния как посягательство на отношения собственности.

Таким образом, для единообразного применения норм уголовного и административного законодательства в случае совершения рассматриваемых правонарушений Пленуму Верховного Суда Российской Федерации на основе обобщения практики и руководствуясь положениями теории уголовного права следует дать официальное разъяснение имеющихся спорных вопросов квалификации.

Список литературы

1. Багмет А.М., Иванов А.Л. Спорные вопросы квалификации незаконной добычи полезных ископаемых и их разрешение в судебной практике // Российский судья. 2014. N 7. С. 15-19.
2. Данилова Н.В. Развитие договорных отношений в сфере недропользования // Ученые записки Института государства и права. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. Вып. 1. С. 96-104.
3. Жевлаков Э.Н. О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. 2017. N 2. С. 55-63.
4. Лопашенко Н.А. Ответственность за нарушение правил охраны и использования недр // Российская юстиция. 2002. N 4. С. 51-53.
5. Толкаченко А.А. Нефтедобыча и нарушение правил использования недр // Уголовное право. 2006. N 4. С. 60-64.
6. Попов И.В. Безлицензионная (самовольная) добыча полезных ископаемых как нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК) // Уголовное право. 2012. N 4. С. 31-34.
7. Уголовное право: Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. 3-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2001. 960 с.

References

1. Bagmet A.M., Ivanov A.L. Spornye voprosy kvalifikatsii nezakonnoy dobychi poleznyh iskopaemyh i ih razreshenie v sudebnoy praktike [Controversial issues of qualification of illegal mining and their resolution in judicial practice]. Rossiyskiy sud'ya – Russian judge, 2014, no. 7, pp. 15-19.
2. Danilova N.V. Razvitie dogovornyyh otnosheniy v sfere nedropol'zovaniya [Development of contractual relations in the field of subsoil use]. Uchenye zapiski Instituta gosudarstva i prava [Scientific notes of the Institute of State and Law]. Tyumen, Publishing House of Tyumen State University, 2000. Issue 1. Pp. 96-104.
3. Zhevlakov E.N. O razgranichenii ekonomicheskikh i ekologicheskikh prestupleniy: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika [On the delimitation of economic and environmental crimes: theory, legislation, practice]. Uголовное право – Criminal Law, 2017, no. 2, pp. 55-63.
4. Lopashenko N.A. Otvetstvennost' za narushenie pravil ohrany i ispol'zovaniya neдр [Responsibility for violation of the rules for the protection and use of mineral resources]. Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice, 2002, no. 4, pp. 51-53.
5. Tolkachenko A.A. Neftedobycha i narushenie pravil ispol'zovaniya neдр [Oil production and violation of the rules of subsoil use]. Uголовное право – Criminal law, 2006, no. 4, pp. 60-64.
6. Popov I.V. Bezlicenzionnaya (samovol'naya) dobycha poleznyh iskopaemyh kak narushenie pravil ohrany i ispol'zovaniya neдр (st. 255 UK) [License-free (unauthorized) mining of minerals as a violation of the rules for the protection and use of mineral resources (Article 255 of the Criminal Code)]. Uголовное право – Criminal Law, 2012, no. 4, pp. 31-34.
7. Uголовное право: Osobennaya chast' [Criminal law: Special part]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 960 p.

СМИРНОВ А.М., кандидат юридических наук, доцент, vipnauka@list.ru Центр исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, 1 «а»	SMIRNOV A.M., Candidate of Legal Sciences, associate professor, vipnauka@list.ru Center for research on the problems of the execution of criminal penalties and psychological support of the professional activities of the penitentiary system staff; Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Narvskaya St. 1 "a", Moscow, 125130, Russian Federation
---	--

О НАЛИЧИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Аннотация. В статье на основе изучения научных точек зрения и анализа положений российского уголовного закона доказывается наличие общественной опасности деяний, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния. На наличие данной опасности указано в российском уголовном законе, устанавливающем в качестве объекта уголовно-правовой охраны всех без исключения граждан (в том числе лиц, совершающих или совершивших преступление). При этом не конкретизируется характер вреда, причиняемого в условиях этих обстоятельств, а также допускается реципрокное (равнозначное) реагирование на причинителя вреда или источник грозящей опасности. Социальная полезность (допустимость) и вынужденность деяний, совершенных в условиях рассматриваемых обстоятельств, а также отсутствие их противоправности со всей необходимостью не исключают общественную опасность данных деяний. Их можно охарактеризовать как неправомерное причинение общественно опасного вреда. При этом законодатель исключает преступность этих деяний директивно. Непризнание общественной опасности деяний, совершаемых при таких обстоятельствах, как необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда лицу, совершившему преступление, оправдывает применение смертной казни.

Ключевые слова: общественная опасность; обстоятельства, исключающие преступность деяния; малозначительное деяние; физическое принуждение; психическое принуждение.

ON THE SOCIAL DANGER OF THE ACTS COMMITTED IN THE CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINALITY OF THE ACT

Annotation. Basing on the study of scientific points of view and analysis of the provisions of the Russian criminal law, the author of the article proves the existence of a public danger of the acts committed in circumstances that exclude the criminality of the act. The Russian criminal law, which determines all citizens without exception as an object of criminal law protection (including persons who are committing or have committed a crime), indicates this danger. At the same time, the nature of the harm caused in these circumstances is not specified, and a reciprocal (equivalent) response to the harm-doer or the source of imminent danger is accepted. Social utility (admissibility) and the forcedness of the acts committed in the circumstances under consideration, as well as the absence of their unlawfulness, do not necessarily exclude the social danger of these acts. They can be characterized as non-criminal infliction of socially dangerous harm. However, the legislator excludes the criminality of these acts directly. The non-recognition of the social danger of the acts committed under such circumstances as necessary defense, extreme necessity and causing harm to the person who committed the crime, justifies the death penalty.

Keywords: social danger; circumstances excluding criminality of the act; petty offence; physical coercion; mental coercion.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в главе 8 определяет обстоятельства, исключающие преступность деяния, к которым относятся: необходимая оборона (ст. 37); причинение вреда при задержании лица, совершивше-

го преступление (ст. 38); крайняя необходимость (ст. 39); физическое или психическое принуждение (ст. 40); обоснованный риск (ст. 41); исполнение приказа или распоряжения (ст. 42).

В настоящее время в российской уголовно-правовой доктрине ведется дискуссия о материальной природе указанных обстоятельств, исключающих преступность деяния, а именно о наличии в деяниях, совершаемых в порядке этих обстоятельств, общественной опасности. Эта дискуссия является одной из главных в уголовно-правовой науке, поскольку имеет концептуальное значение для всей конструкции уголовного закона. В связи с этим ее разрешение важно для системы уголовного права.

В рамках настоящей дискуссии сформировались две противоположные точки зрения: приверженцы первой утверждают об отсутствии общественной опасности деяний, совершаемых в условиях данных обстоятельств [1, с. 112; 2, с. 81]; представители другой, наоборот, считают, что она им онтологически свойственна [3, с. 8; 4, с. 13]. Все авторы по-своему правы, исходя из специфики собственного методологического подхода к пониманию социально-правовой природы деяний, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Следует отметить, что эта дискуссия не является специфической особенностью российской уголовно-правовой науки. Она велась и ведется на страницах зарубежных научных изданий, где также нет единства мнений ученых относительно наличия или отсутствия в деяниях, исключающих преступность (или уголовную ответственность), общественной опасности [5, р. 364].

Итак, сторонники первой точки зрения отсутствие общественной опасности деяний, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния, аргументируют их социальной полезностью (допустимостью) и понятием преступления, изложенным в ч. 1 ст. 14 УК РФ, согласно которому преступление — это общественно опасное деяние, а уголовный закон предваряет юридическую формулу каждого из обстоятельств, входящих в главу 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», ука-

занием на то, что они «не являются преступлением».

Однако социальная полезность (допустимость) и вынужденность деяний, совершенных в условиях рассматриваемых обстоятельств, а также отсутствие противоправности со всей необходимостью не исключают их общественную опасность. В связи с этим представляется, что в действиях (бездействии), совершенных в порядке обстоятельств, исключающих преступность деяния, наличествует общественная опасность.

В качестве доказательства данной точки зрения можно привести следующие аргументы:

1) в соответствии с уголовным законом общественную опасность деяния исключает только его малозначительность (ч. 2 ст. 14 УК РФ), которая отсутствует во вреде, причиняемом деяниями, реализуемыми в порядке этих обстоятельств.

Если исходить из сущности слова «малозначительный», то под ним понимается «имеющий малое значение, влияние» [6, с. 3425]. Соответственно, не только малозначительным для конкретной группы людей или общества в целом, но и общественно полезным с точки зрения социальной справедливости в ее обыденном понимании можно считать причинение вреда здоровью и даже лишение жизни человека, грубо и постоянно нарушающего правила и обычаи человеческого общежития, «крупного» взяточника или коррупционера, «серийного» преступника и т.п., совершенные по мотивам мести в целях избавления от «социально опасного (вредного) элемента».

Однако в связи с тем, что права и свободы человека и гражданина имеют первостепенное значение и являются для Российского государства высшей ценностью, гарантированная защита которых — его конституционная обязанность, любые посягательства на эти права и свободы, особенно связанные с жизнью и здоровьем, не могут признаваться малозначительными. Кроме того, практика признания малозначительным избавления от подобных индивидов обусловит неконтролируемое распространение на территории нашего государства случаев самосуда криминального характера.

Малозначительность деяния является оценочной категорией, которая базируется на анализе всех признаков состава преступления. Ее определение относится к компетенции следствия и суда.

Исходя из анализа судебно-следственной практики, малозначительность деяния чаще всего признается в случае причинения вреда или ущерба, не связанного с посягательством на личность. Малозначительными признаются в основном действия (бездействие), имеющие формальный состав или посягающие на частную собственность.

Из этого следует, что если бы в деяниях, предусмотренных главой 8 УК РФ, отсутствовала общественная опасность, то семантически правильным было бы ее название «Малозначительные обстоятельства, исключающие преступность деяния»;

2) наличие состава преступления в деяниях, совершаемых при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, доказательством чего выступают следующие доводы:

а) если бы эти деяния не являлись преступлениями, то не было бы необходимости исключать их преступность. Кроме того, отсутствовала бы необходимость в установлении условий (пределов) их правомерности, поскольку совершенно нецелесообразно нормативно ограничивать то, что общественно не опасно;

б) если бы в этих деяниях отсутствовал состав преступления (или даже его отдельные элементы), то в перечень данных обстоятельств законодатель обязан был бы включить и причинение вреда лицами, не привлекаемыми к уголовной ответственности в силу возраста и невменяемости. Однако за время действия УК РФ это не было сделано;

3) наличие признаков общественной опасности в деяниях, совершаемых при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, исходя из социально-правовой природы данной опасности.

В отечественной уголовно-правовой науке общественная опасность определяется как неотъемлемое существенное социальное свойство деяния человека, направленного на противосоциальное изменение (нарушение) общественных отношений,

складывающихся на основе конкретного способа производства, обмена, распределения и потребления [7, с. 135].

Опасность — это возможность чего-то нежелательного, угроза бедствия [6, с. 601]. Слово «общественный» означает относящийся к обществу, протекающий в обществе, связанный с деятельностью людей в обществе [8, с. 400]. В связи с этим можно говорить, что данная опасность исходит от самого общества, изнутри общественного организма и проявляется в подрывающем социальные устои поведении отдельных его членов. Следовательно, общественная опасность имеет социальную природу. По этой причине справедливо высказывание Н.Ф. Кузнецовой о том, что «общественная опасность деяния по своей природе выступает объективным свойством преступления и не зависит от ее оценки в законе. Признаком преступления она становится только после закрепления в уголовном кодексе» [9, с. 90]. По мнению других ученых, «признак общественной опасности является полностью самостоятельным и не зависит от иных свойств правонарушающего деяния, обозначенных в законе» [10, с. 178].

В теории уголовного права до сих пор окончательно не решен вопрос о предмете, обладающем свойством общественной опасности. В науке сложились две точки зрения. Одни исследователи подходят к общественной опасности как к неотъемлемому качеству волевого и сознательного поведения людей, которое нарушает установленные в обществе нормы морали и права [7, с. 76]. Другие склонны распространять указанное свойство на необозримо большое количество предметов: на все, что опасно для общества, в том числе на стихийные силы природы [11, с. 18]. Следует придерживаться первой позиции, поскольку уголовное право рассматривает в качестве источника общественной опасности определенные действия (бездействие), совершаемые личностью. Силы природы или иные явления окружающей действительности только обеспечивают наличность данной опасности или влияют на ее характер и степень.

Необходимо отметить, что общественная опасность деяния не определяется законодателем произвольно. Она

оценивается им с позиции принятых в обществе социальных, моральных и нравственных ценностей. В связи с этим данная опасность — весьма динамичная и вариативная категория.

Общепризнанным в науке уголовного права признаком общественной опасности является причинение существенного вреда объектам уголовно-правовой охраны. Именно эта характеристика преступных действий или бездействия отграничивает их от непреступных, определяет направленность и содержание процесса криминализации и декриминализации.

Общественная вредность противоправного (неправомерного) деяния — это юридическая оценка (квалификация) соответствующих видов фактического поведения людей с точки зрения права как всеобщего (общезначимого и потому общеобязательного) регулятора поведения членов общества по одинаково справедливому для всех принципу формального равенства, предполагающему одинаково справедливые для всех субъекты права дозволения и запреты, общие нормативы (правила, нормы) согласования, учета, реализации и защиты их интересов.

Следовательно, общественно вредным в поведении субъектов права является все то, что наносит вред юридически определенному (оцененному и квалифицированному) и установленному в действующем праве (правовом законе) общему благу (т.е. юридически общепозитивному общественному благу) всех субъектов права, в рамках которого индивидуальные (частные) интересы и возможности отдельного субъекта права в общеправовой форме (по общему основанию, принципу и нормам) согласованы с соответствующими интересами и возможностями других субъектов права в условиях и в контексте общеобязательного для всех субъектов правопорядка.

Поскольку под уголовно-правовой охраной находится любой человек, а в соответствии с Конституцией Российской Федерации любая личность имеет высшую ценность для государства, постольку причинение существенного вреда правонарушителю, а также лицу, являющемуся источником грозящей опасности, также обладает общественной опасностью.

В связи с этим справедлива точка зрения А.П. Дмитренко, согласно которой сущность обстоятельств, исключающих преступность деяния, проявляется в правомерном причинении вреда (уточним: любого вреда) общественным отношениям, находящимся под охраной уголовного закона [1, с. 43];

4) на наличие в рассматриваемых обстоятельствах общественной опасности указывает сам российский уголовный закон, поскольку:

а) в деяниях, совершаемых в порядке рассматриваемых обстоятельств или при отдельных условиях их реализации (например, при «беспредельной» необходимой обороне и совершении защитных действий вследствие неожиданности посягательства (ч. 1 и ч. 2.1 ст. 37 УК РФ), уголовный закон не конкретизирует характер причиняемого вреда объектам уголовно-правовой охраны. Отсюда следует, что он может быть и общественно опасным;

б) в таких обстоятельствах, как необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда лицу, совершившему преступление, УК РФ прямо регламентирует реципрокное (равнозначное) реагирование на правонарушителя или источник грозящей опасности (например, указывая на то, что необходимая оборона допустима только при общественно опасном посягательстве, при котором защитные действия могут быть равнозначны ему; допуская при задержании лица, совершившего преступление, применение к нему таких действий, которые соответствовали бы характеру и степени общественной опасности совершенного им преступления; указывая на то, что действия, совершаемые в условиях крайней необходимости, должны соответствовать грозящей опасности);

5) наличие в рассматриваемых обстоятельствах общественной опасности признается высшими судебными инстанциями. Например, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» не содержит прямого указания

на отсутствие в действиях, совершаемых в условиях этих обстоятельств, данной опасности*;

б) наличие общественной опасности в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, признано отечественной и зарубежной уголовно-правовой наукой, что подтверждается следующими доводами:

а) сложившееся в уголовно-правовой науке общее мнение о том, что данные деяния формально [12, с. 641] содержат все признаки преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. То есть все-таки они являются преступлениями, поскольку в гуманитарных науках, к которым относится уголовное право, какое-либо явление объективной реальности характеризуется в неразрывном диалектическом единстве формы и содержания. Иначе это создает не вполне понятную и даже абсурдную конструкцию – «непреступное преступление»;

б) если бы со всей очевидностью отсутствовала общественная опасность деяний, совершаемых в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния, то все ученые и иные исследователи в области уголовного права единодушно были бы согласны с этим. Вместе с тем, как отмечает И.М. Тяжкова [9, с. 455], одни авторы исключают лишь уголовную ответственность и наказуемость этих деяний [13, с. 11-12], а другие – только противоправность [14, с. 410-416].

Наличие общественной опасности в деяниях, совершенных в рамках рассматриваемых обстоятельств, но не обуславливающих привлечение лица, их совершившего, к уголовной ответственности, отстаивают и некоторые зарубежные ученые [15, р. 119].

Следует отметить, что отдельные авторитетные ученые указывали, что в деяниях, совершенных при рассматриваемых обстоятельствах, имеет место общественная опасность, которая, однако, исключается ввиду отсутствия у лица, их совершившего, каких-либо антисоциальных свойств [16, с. 12];

* О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2012 г. N 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 11.

в) признание уголовно-правовой наукой наличия в нормах, предусматривающих необходимую оборону и крайнюю необходимость (наиболее дискуссионные обстоятельства, исключающие преступность деяния), составов, сконструированных аналогично составу преступления, то есть выделение объекта посягательства, субъекта, объективной и субъективной стороны [3, с. 35; 17, с. 11].

Наличие общественной опасности деяний, совершаемых в рамках необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании, подтверждает изучение истории законодательной регламентации данных обстоятельств, которая свидетельствует о том, что эти обстоятельства, по сути, стали узаконенной расправой над причинителем вреда или источником грозящей опасности.

Следует отметить, что непризнание общественной опасности деяний, совершаемых при таких обстоятельствах, как необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда лицу, совершившему преступление, оправдывает применение смертной казни. Если не является общественно опасным и, кроме того, социально допустимо лишение жизни лица, находящегося на стадии покушения на убийство или реализовавшего свой преступный умысел, при его задержании, в порядке ст.ст. 37-39 УК РФ, то так же социально необходимо лишение жизни этого лица в случае его попадания «в руки» правосудия.

Иначе складывается парадоксальная ситуация, при которой лишение жизни лица, совершающего, например, убийство одного человека на стадии покушения, является социально допустимым и санкционируется государством в порядке необходимой обороны, тогда как лишение жизни (смертная казнь) лица, признанного виновным в совершении убийства двух и более лиц, то есть ставшего участником публичных уголовно-правовых отношений, с государственной и общественной точки зрения недопустимо, поскольку является антигуманным. Иными словами, запрещая применение смертной казни, законодатель указывает на наличие общественной опасности в действиях, совершаемых в поряд-

ке необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда лицу, совершившему преступление. В отношении сказанного справедливо мнение Д. Корецкого и С. Милюкова о том, что работники правоохранительных органов (следует уточнить, что согласно уголовному закону круг лиц не ограничен), применяя репрессивные меры на законных основаниях, наказывают, в том числе и смертной казнью, преступников в рамках необходимой обороны [18, с. 113].

Кроме того, непризнание общественной опасности указанных деяний оправдывает признание и необходимость развития карательной составляющей уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, а также ставит вопрос о необходимости дальнейшей работы с лицами, признанными судом преступниками, то есть в определенной степени (если не полностью) лишает смысла существование уголовно-исполнительной системы, целью функционирования которой является исправление этих лиц на основе гуманного к ним отношения и возвращение в общество полноправных законопослушных граждан.

В силу изложенного следует согласиться с точкой зрения тех авторов, которые отмечают, что уголовный закон у общественно опасных деяний, предусмотренных главой 8 УК РФ, аннулирует только признак противоправности [19, с. 14]. Действительно, понятие «исключение» означает отклонение от нормы, отступление от общих правил [6, с. 315], то есть, по сути, действия, осуществляемые в порядке рассматриваемых обстоятельств, содержат в себе общественную опасность.

Законодатель, понимая объективную необходимость предоставить любому лицу в отдельных особых случаях возможность защищать свои права и свободы, права и свободы иных лиц, интересы общества и государства с помощью общественно опасных деяний, исключает их преступность директивно, указывая на то, что они не являются преступлениями.

Таким образом, деяния, совершаемые в условиях обстоятельств, перечисленных в главе 8 УК РФ, несут общественную опасность. Законодатель исключает преступность этих деяний директивно. В целом их можно охарактеризовать как непреступное причинение общественно опасного вреда.

Признание отсутствия общественной опасности деяний, совершенных в порядке обстоятельств, исключающих преступность деяния, регламентированных ст.ст. 37-39 УК РФ, указывает на необходимость новой редакции ст. 2 Конституции Российской Федерации: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, кроме лиц, допустивших нарушения прав и свобод человека и гражданина в случаях, специально указанных соответствующим федеральным законом». При этом будет необходимо внесение следующего дополнения ч. 1 ст. 2 УК РФ: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, кроме прав и свобод лиц, специально указанных в соответствующих статьях настоящего Кодекса...». Со всей очевидностью с этими нововведениями нельзя согласиться как с противоречащими идеологии правового и цивилизованного государства.

Список литературы

1. Дмитренко А.П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 41 с.
2. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М.: Юрлитинформ, 2013. 624 с.
3. Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. 207 с.
4. Попов К.И. Правовая природа обстоятельств правомерного причинения вреда // Российский следователь. 2010. N 5. С. 12-14.
5. Boutellier H. The convergence of the social policy and criminal justice // European journal on the criminal policy and research. 2001. Vol. 9. N 4. Pp. 361-380.
6. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.

7. Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 415 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Ю.И. Шведовой. М.: Рус. яз., 1978. 978 с.
9. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 512 с.
10. Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков и [др.]; под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 385 с.
11. Павлухин А.Н., Нестеров П.Н., Эриашвили Н.Д. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность: монография / под ред. А.Н. Павлухина. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. 112 с.
12. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. 1272 с.
13. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 118 с.
14. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат. 1961. 666 с.
15. Johnson B., Huff K. Ronald. Policies of public opinion and criminal justice // American Journal of Criminal Justice. 1987. Vol. 2. N 2. Pp. 118-132.
16. Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказания. М.: ВНИИ МВД СССР (Киевский филиал), 1982. 96 с.
17. Меркурьев В.В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 22 с.
18. Корецкий Д., Милюков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. N 1. С. 112-114.
19. Попов К.И. Правовая природа обстоятельств правомерного причинения вреда // Российский следователь. 2010. N 5. С. 12-14.

References

1. Dmitrenko A.P. Institut obstoitel'stv, isklyuchayushchih prestupnost' deyaniya, v ugovolnom prave Rossii: osnovy teorii, zakonodatel'noy reglamentatsii i pravoprimereniya. Avtoref. Dokt. Diss. [Institute of circumstances excluding criminality of the act, in the criminal law of Russia: the fundamentals of theory, legislative regulation and law enforcement. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 2010. 41 p.
2. Dorogin D.A. Obstoitel'stva, isklyuchayushchie ugovolnuyu otvetstvennost' [Circumstances that exclude criminal liability]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 624 p.
3. Vinokurov V.N. Krainyaya neobhodimost' kak obstoitel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya. Kand. Diss. [Extreme need as a circumstance excluding the criminality of the act. Cand. Diss.]. Ryazan, 1999. 207 p.
4. Popov K.I. Pravovaya priroda obstoitel'stv pravomernogo prichineniya vreda [The legal nature of the circumstances of lawful harming]. Rossiyskiy sledovatel' – The Russian investigator, 2010, no. 5, pp. 12-14.
5. Boutellier H. The convergence of the social policy and criminal justice. European journal on the criminal policy and research. 2001, vol. 9, no. 4, pp. 361-380.
6. Ushakov D.N. Bol'shoy tolkoviy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [A great explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Al'ta-Print Publ., 2005. 1216 p.
7. Mal'tsev V.V. Problema otrazheniya i otsenki obshchestvenno opasnogo povedeniya v ugovolnom prave. Dokt. Diss. [The problem of reflection and evaluation of socially dangerous behavior in criminal law. Doct. Diss.]. Moscow, 1993. 415 p.
8. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1978. 978 p.
9. Kurs ugovolnogo prava. V 5 t. T. 1. Uchenie o prestuplenii [Course of criminal law. In 5 vol. Vol. 1. The Doctrine of Crime]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 512 p.
10. Esakov G.A. [I dr.]. Ugovolno-pravovoe vozdeystvie [Criminally-legal influence]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 385 p.
11. Pavlukhin A.N., Nesterov P.N., Eriashvili N.D. Obshchestvenno opasnoe povedenie i ego ugovolnaya protivopravnost' [Socially dangerous behavior and its criminal illegality]. Moscow, YUNITI-DANA: Zakon i pravo Publ., 2007. 112 p.
12. Yuridicheskaya entsiklopediya [Legal Encyclopedia]. Moscow, Lawyer, Yurist" Publ., 2001. 1272 p.
13. Slutsky I.I. Obstoitel'stva, isklyuchayushchie ugovolnuyu otvetstvennost' [Circumstances that exclude criminal liability]. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 1956. 118 p.
14. Piontkovsky A.A. Uchenie o prestuplenii po sovetскому ugovolnomu pravu [The doctrine of the crime of Soviet criminal law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 666 p.
15. Johnson B., Huff K. Ronald. Policies of public opinion and criminal justice. American Journal of Criminal Justice. 1987. Vol. 2. No. 2. Pp. 118-132.

16. Chubarev V.L. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya i nakazaniya [The public danger of crime and punishment]. Moscow, All-Union Scientific Research Institute of the USSR Ministry of Internal Affairs (Kiev branch), 1982. 96 p.

17. Merkur'ev V.V. Neobhodimaya oborona: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. Avtoref. Kand. Diss. [Necessary defense: criminally-legal and criminological aspects. Autoabstract Cand. Diss.]. Ryazan, 1998. 22 p.

18. Koretsky D., Milyukov S. Vnesudebnaya repressiya kak zakonnyy sposob bor'by s prestupnost'yu [Extrajudicial repression as a legal way to combat crime]. Uголовное право – Criminal law, 2004, no. 1, pp. 112-114.

19. Popov K.I. Pravovaya priroda obstoyatel'stv pravomernogo prichineniya vreda [The legal nature of the circumstances of lawful harming]. Rossiyskiy sledovatel' – The Russian investigator, 2010, no. 5, pp. 12-14.

МОРОЗОВ В.И., кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, vik-mor@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	MOROZOV V.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, vik-mor@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
ГАЛКИН В.В., vova.galkin20@mail.ru Отдел правового, документационного обеспечения и работы с обращениями граждан; Управление Федеральной службы судебных приставов по Тюменской области, 625013, г. Тюмень, ул. Пермякова, 5	GALKIN V.V., vova.galkin20@mail.ru Division of legal, documentation support and work with citizens' appeals; Department of the Federal Bailiffs Service for the Tyumen region, Permyakova St. 5, Tyumen, 625013, Russian Federation

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа теории уголовного права и материалов судебной практики формулируется вывод о том, что деяние субъекта преступления, совершенное вместе с неделиктоспособным лицом, подлежит квалификации по признакам группового преступления. Обосновывается, что такие признаки, как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, содержащиеся в Особенной части уголовного закона, не ограничиваются рамками института соучастия и могут рассматриваться как признаки объективной стороны преступления, характеризующие групповой способ совершения преступления (общественно опасного деяния). Аргументируется, что правило о квалификации преступления с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность, по групповым признакам должно относиться только к посягательствам на жизнь, здоровье, свободу, в том числе половую неприкосновенность или свободу личности. Отдельное внимание уделено вопросам, связанным с квалификацией общественно опасных деяний, совершенных групповым способом невменяемыми лицами. Формулируются предложения по внесению дополнений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части регулирования вопроса юридической оценки общественно опасного деяния, совершенного лицом, являющимся субъектом преступления, совместно с лицом, не являющимся субъектом преступления.

Ключевые слова: невменяемый; субъект преступления; соучастие; группа лиц; способ совершения преступления; квалификация преступлений.

QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE PARTICIPATION OF PERSONS WHO ARE NOT SUBJECT TO CRIMINAL LIABILITY

Annotation. Basing on the analysis of the theory of criminal law and materials of judicial practice, the authors of the article formulate the conclusion that the act of the subject of crime, committed together with the disabled person, is a subject to qualification according to the elements of a gang crime. It is substantiated that such elements as a group of persons and a group of persons by prior agreement, contained in the Special Part of the Criminal Law, are not limited to the framework of the institution of complicity and can be considered as elements of the objective side of the crime,

characterizing the group method of committing a crime (socially dangerous act). It is argued that the rule on the qualification of a crime involving the persons incapable to bear criminal liability should apply only to encroachments on life, health, freedom, including sexual inviolability or personal freedom by the elements of a gang crime. Special attention is paid to the issues related to the qualification of socially dangerous acts committed by groups of insane persons. The authors formulate the proposals for making amendments to the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the regulation of the issue of legal assessment of a socially dangerous act committed by a person who is the subject of crime, together with a person who is not the subject of crime.

Keywords: insane; subject of crime; complicity; group of persons; method used for committing a crime; qualification of crimes.

Совершение посягательства общими усилиями нескольких лиц на охраняемые уголовным законом общественные отношения характеризуется повышенной общественной опасностью. Одним из инструментов противодействия ему является уголовное законодательство.

Несмотря на разработанность проблем, связанных с правовым регулированием противодействия групповым посягательствам, по вопросам юридической оценки общественно опасных деяний деликтоспособных субъектов, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности, имеется немало спорных позиций в доктрине уголовного права и отсутствует единый подход в практике их применения, обуславливая ошибки в квалификации деяния, а вследствие этого – в определении адекватного вида и размера наказания. Учет данного фактора целесообразен и при определении невменяемости лица с целью установления в его деянии предусмотренных статьями Особенной части УК РФ признаков состава преступления.

Вопрос о квалификации поведения субъекта преступления при совершении им деяния вместе с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, не нашел своего единого решения. В уголовном законодательстве не установлены правила квалификации подобных деяний.

Принятые ранее решения Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) по конкретным делам допускают возможность квалификации деяния субъекта преступления, учиненного вместе с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, по признакам группового преступления.

В частности, в обзоре судебной практики ВС РФ за IV квартал 2000 года отражена правовая позиция, согласно которой

преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостаточности возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости*.

Президиум ВС РФ, рассмотрев надзорное представление прокурора о переквалификации действий П. с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ в связи с тем, что П. совершил преступление совместно с лицом, которое признано невменяемым в отношении к инкриминированному ему деянию, оставил его без удовлетворения и указал, что по смыслу закона (ст. 35 УК РФ) убийство признается совершенным группой лиц, когда двое или более лиц, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем не обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них. При этом отмечено, что доводы, изложенные в надзорном представлении, не основаны на законе**.

В то же время имеют место и противоположные позиции. Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ по делу в отношении Н., признанного нижестоящими судами виновным в разбойном нападении на Ч. группой лиц по предварительному сговору и в убийстве потерпевшего группой лиц по предварительному сговору, сопряженном с разбоем, совершившего указанные деяния вместе с невменяемым Н-ко, исключая из квалификации признак «группа лиц по предварительному сгово-

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. N 8.

** Там же. 2005. N 4.

ру», отметила: «согласно ст. 19 УК РФ Н. должен нести уголовную ответственность только за свои действия, а не за действия Н-ко, признанного в установленном законом порядке невменяемым»*.

В настоящее время какие-либо указания о неприменении этих правовых позиций ВС РФ отсутствуют.

Постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, РСФСР, СССР, разъясняющие порядок применения уголовно-правовых норм, неоднозначно оценивают данную ситуацию, что показано в приведенной ниже таблице.

Таблица

N абзаца, пункта	Наименование постановления	Правила квалификации деяний субъектов преступлений, совершенных вместе с лицами, не подлежащими уголовной ответственности
п. 10	Постановление Пленума ВС СССР от 25 марта 1964 г. N 2 «О судебной практике по делам об изнасиловании»** (утратило силу)	Действия лиц, совершивших изнасилование совместно с другими лицами, не подлежащими уголовной ответственности и не являющимися субъектами преступления, подлежат квалификации по признакам группового преступления как совершенные группой лиц
абз. 2 п. 9	Постановление Пленума ВС РФ от 22 апреля 1992 г. N 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании»*** (утратило силу)	
п. 13	Постановление Пленума ВС РСФСР от 22 марта 1966 г. N 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»**** (утратило силу)	Действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенные по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации по признакам группового преступления независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности
абз. 1 п. 9	Постановление Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г. N 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»***** (утратило силу)	Совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия, а субъект преступления несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения
—	Постановление Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»*****	Не раскрыты

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 9.

** Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. N 7.

**** Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. N 6.

***** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. N 4.

***** Там же. 2011. N 4.

Продолжение таблицы

абз. 1 п. 12 (исключен постановлением Пленума ВС РФ от 23 декабря 2010 г. N 31)	Постановление Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»*	Действия лиц, похитивших чужое имущество группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, подлежат квалификации по указанным признакам, если в совершении этого преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности
абз. 1 п. 5	Постановление Пленума ВС РФ от 15 ноября 2007 г. N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»**	«При квалификации действий виновного как хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, суды должны исходить из требований, предусмотренных ч. 2 ст. 35 УК РФ» (т.е. фактически квалифицирующие признаки группового посягательства приравниваются к соучастию в преступлении)
абз. 1 п. 27	Постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»***	«При рассмотрении уголовных дел о мошенничестве, присвоении или растрате, совершенных двумя и более лицами, суду с учетом положений статей 32, 33, 35 УК РФ надлежит выявить, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполнял каждый из соучастников» (т.е. фактически квалифицирующие признаки группового посягательства также приравниваются к соучастию в преступлении)
абз. 1 п. 10	Постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2004 г. N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»**** (утратило силу)	«Имея в виду, что совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой влечет за собой более строгое наказание, при квалификации действий лиц по п. "б" ч. 2 ст. 131 или п. "б" ч. 2 ст. 132 УК РФ необходимо учитывать положения чч. 1, 2 и 3 ст. 35 УК РФ» (фактически квалифицирующие признаки группового посягательства также приравниваются к соучастию в преступлении)
—	Постановление Пленума ВС РФ от 4 декабря 2014 г. N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»*****	Не раскрыты

Из приведенных в таблице данных следует, что если в утративших силу постановлениях Верховного Суда по анализируемым делам прямо разъяснялись правила их квалификации, то в действующих в настоящее время постановлениях такие разъяснения отсутствуют.

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2.

** Там же. 2008. N 1.

*** Там же. 2018. N 2.

Таким образом, можно сделать вывод, что ВС РФ фактически отказался от формулировки правил квалификации преступлений, совершенных с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность. Это можно объяснить влиянием судебной практики, которая и во время су-

**** Там же. 2004. N 8.

***** Там же. 2015. N 2.

ществования таких правил квалификации, и после их исключения по-разному оценивала деяния, совершенные с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

В обоснование отсутствия такого квалифицирующего признака, как совершение деяния «группой лиц»*, судебными инстанциями приводятся аргументы, связанные с приравниванием этого признака, как и признака «группа лиц по предварительному сговору»**, к соучастию в преступлении, вследствие чего суды приходят к выводу, что если в момент совершения преступления один из участников не обладал признаками субъекта преступления, то учиненное субъектом преступления деяние не может быть признано совершенным в составе группы лиц.

В ситуациях, связанных с рассмотрением дел о наличии квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору», судами в ряде случаев принимается во внимание психическое состояние лица (например, при невменяемости) и указывается, что психическое состояние, при котором лицо не может осознавать фактический характер и общественную опасность действий и руководить ими вследствие психического расстройства, исключает возможность вступления в пред-

варительный сговор на совершение преступления***.

Правовые позиции правоприменительной практики, признающие в подобных ситуациях признаки группового преступления, в основном сводятся к следующему.

Во-первых, указывается, что признание в дальнейшем одного из участников невменяемым и непривлечение его к уголовной ответственности, учитывая положения ч. 1 ст. 35 УК РФ, не исключает признание совершения преступления группой лиц, если в его совершении участвовали два лица или более, с учетом того, что субъект преступления и не предполагал о невменяемости участника посягательства****.

В другом случае суд, в частности, признал необоснованной ссылку защитника на необходимость исключения из квалификации совершенного деяния признака группы лиц в связи с тем, что один из соисполнителей был признан невменяемым, мотивировав свое решение тем, что в ситуации соучастия надлежащего и ненадлежащего субъектов возможна квалификация по признаку «совершение преступления группой лиц» или «группа лиц по предварительному сговору» (ст. 35 УК РФ)*****.

Кроме того, судами обращается внимание на факт совместного совершения деяния, при котором последствия наступили в результате совместных действий субъекта преступления и недееспособного лица, и указывается, что уголовное деяние совершено субъектом преступления не с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности, а совместно с ним*****.

*** Приговор Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 14 нояб. 2016 г. по делу N 1-376/2016. URL: <http://sudact.ru>

**** Приговор Охотского районного суда Хабаровского края от 31 июля 2015 г. по делу N 1-53/15. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

***** Приговор Ракитянского районного суда Белгородской области от 27 июня 2013 г. по делу N 1-41/2013. URL: <http://sudact.ru>

***** Апелляционное определение судебной коллегией по уголовным делам Оренбургского областного суда от 4 июня 2014 г. по делу N 22-2660/2014; приговор Центрального районного суда г. Тулы от 25 июня 2015 г. по делу N 1-92/2015 // Там же.

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Смоленского областного от 25 мая 2015 г. по делу N 22-1314/2015 // Правосудие: государственная автоматизированная система Российской Федерации. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (в отношении невменяемого); приговор Олюторского районного суда Камчатского края от 10 марта 2016 г. по делу N 1-6/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru> (в отношении лица, не достигшего возраста уголовной ответственности).

** Приговор Дубенского районного суда Республики Мордовия от 29 февр. 2016 г. по делу N 1-3/2016. URL: <http://sudact.ru>; приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13 июня 2013 г. по делу N 1-68/2013; постановление Президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 25 авг. 2017 г. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дело в отношении субъекта преступления, совершившего преступление при участии лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность).

Также высказана позиция, согласно которой по смыслу закона (ст. 35 УК РФ) преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости*.

В теории уголовного права существуют различные точки зрения по данному вопросу.

Например, В.У. Гузун [1, с. 15] и Е.А. Галактионов [2, с. 22-23, 46] подвергают критике позиции, приверженцы которых признают групповым преступление, совершенное одним субъектом преступления при участии малолетних или невменяемых лиц, указывая, что в этом случае имеет место посредственное причинение.

В то же время, на наш взгляд, необходимо отличать посредственное причинение от посягательства, выполняемого субъектом ответственности с включением в причиняющее воздействие усилий лиц, не обладающих признаками субъекта преступления.

При посредственном причинении общественно опасное деяние полностью выполняется фактическими усилиями самого невиновно действующего лица, невменяемого, малолетнего, а реальный, посредственный исполнитель преступления организует такое поведение и использует для совершения посягательства физические усилия других лиц, а не свои.

В случаях, когда посягательство выполняется субъектом ответственности с включением в причиняющее воздействие усилий других лиц, не подлежащих уголовной ответственности, посягательство осуществляется непосредственными усилиями субъекта, который организует, вовлекает в данный процесс дополнительные усилия лиц, не обладающих юридическими признаками субъекта преступления.

Таким образом, не всегда групповое преступление, совершенное одним субъек-

ектом преступления с участием малолетних или невменяемых лиц, образует посредственное причинение.

Представляет интерес позиция Р.Р. Галиакбарова, который, рассматривая юридическую природу группы в составах Особенной части уголовного закона, имеющую место, в частности, в посягательствах на личность, собственность, в контексте разъяснений Пленума Верховного Суда СССР, данных в п. 10 постановления от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», и других актов судебного толкования, указывает, что данное проявление «группы» не исчерпывается соучастием в преступлении. Оно представляет самостоятельное юридическое явление, выступая в качестве одного из вариантов множественности участников, названное им как групповое исполнение или групповой способ совершения преступления [3, с. 60-61]. Р.Р. Галиакбаров отмечает, что «группа» характеризует лишь объективную внешнюю сторону посягательства, его способ, когда реально вред объекту причиняется совместно виновным (субъектом преступления) и лицом, не обладающим признаками субъекта [3, с. 61].

В качестве обязательных признаков такого группового исполнения названы следующие: «во-первых... стечение в одном преступлении нескольких физических лиц. Во-вторых, юридическими признаками субъекта преступления обладает лишь один из них. В-третьих, надлежащий субъект сам выполняет преступление своими поступками, дополнительно используя в процессе его совершения усилия лиц, не подлежащих уголовной ответственности по иным предусмотренным законом основаниям» [3, с. 60-61].

В.В. Векленко, отмечая неоднородность правовой оценки квалификации поведения как по признакам группы лиц, так и единоличного исполнителя в ситуациях, когда субъект преступления при посягательстве наряду со своими использует дополнительно физические усилия лиц, не обладающих признаками субъекта преступления, указывает: «этот правовой феномен обусловлен тем, что совершение группового преступления возможно при отсутствии признаков соучастия. Таким образом, в основе квалификации по

* Приговор Нефтекумского районного суда Ставропольского края от 28 апр. 2016 г. по делу N 1-96/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

групповому признаку лежит не соучастие в преступлении нескольких лиц, а способ совершения преступления» [4, с. 189].

Представляется, что указанные подходы являются перспективными и в большей степени отражают реалии правоприменительной практики.

А.Н. Мондохонов [5, с. 7], Д.С. Дядькин [6, с. 10, 25], А.Р. Зайнутдинова [7, с. 12], изучая вопрос о правовой оценке субъекта преступления, который совершил его с лицом, не отвечающим признакам субъекта, указывают на недопустимость расширительного толкования норм соучастия в преступлении, отмечая, что такие групповые образования не имеют никакого отношения к институту соучастия в преступлении, и предлагают рассматривать данное групповое образование в качестве самостоятельного, специального квалифицирующего признака, а также отягчающего наказания обстоятельства.

А.Р. Салимгареева полагает, что институт соучастия в настоящее время не способен охватить все проявления преступной деятельности двух или более лиц, в связи с чем автором предлагается ввести в уголовный закон понятие преступной деятельности двух или более лиц как основополагающего признака групповой преступности в целом, охватывающего соучастие в преступлении, преступную деятельность двух или более лиц без признаков соучастия и неосторожное сопричинение [8, с. 15]. Кроме того, предлагается ввести понятие объективной группы, характеризующее умышленное совместное совершение преступления лицом, являющимся субъектом преступления, с лицом, не обладающим признаками такого субъекта [8, с. 9].

Д.А. Мелешко рассматривает совершение преступления при фактическом участии в общественно опасном деянии лиц, не подлежащих уголовной ответственности, как одну из форм сопричинения вреда, наравне с соучастием в преступлении, опосредованным причинением вреда, неосторожным сопричинением вреда [9, с. 9]. Само сопричинение вреда понималось как «совместное участие двух или более лиц в совершении деяния, причинившего вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям» [9, с. 9]. В качестве

признаков сопричинения вреда с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, выделялись такие, как «множественность лиц, совместность деяния, направленность поведения сопричинителей на достижение общего результата, наличие умышленной формы вины на стороне одного из сопричинителей, двусторонняя психологическая связь» [9, с. 22].

Кроме того, указанным автором выделены такие теоретические позиции, согласно которым совместное деяние деликтоспособного и неделиктоспособного лица рассматривается, помимо группового способа, «как соучастие в преступлении и квалифицируется как групповое преступление (Т.А. Хмелевская, А.И. Рарог, Г.А. Есаков, Ю.Е. Пудовочкин, С.Д. Макаров, А.В. Наумов, А.М. Трухин); не образует соучастия в преступлении и оценивается по правилам единолично совершенного преступления (П.С. Яни, Г.А. Кригер, И.Э. Звечаровский, П.Ф. Тельнов, Д.А. Безбородов, А.А. Арутюнов, Н.Г. Иванов, А.П. Козлов, В.Н. Шиханов)» [9, с. 21].

Представляется целесообразным придерживаться точки зрения тех исследователей, которые считают групповое преступление возможным при отсутствии соучастия. Иными словами, не любое групповое преступление является соучастием, о котором идет речь в положениях чч. 1-2 ст. 35 УК РФ. Признаки «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору», включенные в Особенную часть УК РФ, не ограничиваются содержанием понятий, используемых в ст. 35 УК РФ, и, соответственно, рамками института соучастия в преступлении, а являются также признаками объективной стороны преступления, характеризующими групповой способ совершения преступления (общественно опасного деяния).

Группа лиц как признак объективной стороны общественно опасного деяния представляет собой взаимодействие двух или более лиц без предварительного сговора, из которых хотя бы одно лицо обладает признаками субъекта преступления.

Содержание понятия группы лиц по предварительному сговору образует взаимодействие двух или более лиц, заранее договорившихся о совершении

преступления, из которых хотя бы одно лицо обладает признаками субъекта преступления.

Вместе с тем представляется, что правило о квалификации преступления с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность по групповым признакам, при отсутствии признаков соучастия должно относиться только к посягательствам на жизнь, здоровье, свободу, в том числе половую свободу и неприкосновенность личности, поскольку при совершении деяний, направленных на причинение вреда указанным объектам, вред потерпевшему причиняется в результате объединения усилий двух и более лиц, что в ряде случаев ухудшает положение потерпевших и обуславливает наступление более тяжких последствий в сравнении с преступлением, совершенным лицом единолично.

По причине усиленной правовой охраны человека именно здесь важно, что вред потерпевшему причиняется объединенными усилиями лиц независимо от их психофизиологического состояния. Это, безусловно, повышает общественную опасность содеянного.

В связи с этим считаем правильной позицию Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, Российской Федерации, в соответствии с которой преступления, посягающие на жизнь, здоровье, половую свободу или половую неприкосновенность личности и совершенные лицами, обладающими всеми признаками субъекта преступления, с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности, должны квалифицироваться по признакам преступления, совершенного группой лиц.

Примирительно к ситуациям, связанным с совершением посягательства вменяемого субъекта вместе с невменяемым, уголовно-правовая оценка по признакам группы лиц возможна в любом случае, когда невменяемое лицо не могло осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия). Указанные состояния исключают возможность вступления в предварительный сговор, так как свидетельствуют об искаженном восприятии объективной реальности, неспособности невменяемого лица правильно воспринимать обстоятельства,

имеющие значение для дела (в том числе и тогда, когда отсутствует только осознание общественной опасности действий (бездействия), так как в подобных случаях невменяемое лицо дает согласие на совершение деяния, считая его общественно полезным).

В ситуации, когда лицо осознает общественную опасность и фактический характер своего поведения, но не может руководить своими действиями (бездействием), вопрос о наличии признаков группы лиц решается в зависимости от наличия или отсутствия предварительного сговора.

По одному из дел суд, исключая у вменяемого лица, совершившего кражу вместе с невменяемым лицом, квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору», ссылаясь на ч. 2 ст. 35 УК РФ, указал, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в совершении преступления совместно участвовало два и более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное, а также заключил, что если лицо совершило преступление с лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу невменяемости, его действия не могут быть квалифицированы по признаку предварительного сговора группой лиц, поскольку предварительный сговор возможен лишь с лицом, осознающим фактический характер и общественную опасность своих действий и способным руководить ими, что не усматривается в данном деле.

Доводы государственного обвинителя о том, что объективная сторона преступления выполнялась совместно и субъективный умысел вменяемого лица был направлен именно на получение согласия невменяемого лица на совершение преступления и в последующем имели место совместные согласованные действия обоих лиц, суд во внимание не принял, отметив, что сговор подразумевает интеллектуальную составляющую каждой из договаривающихся сторон, и поскольку невменяемый в период совершения инкриминируемых ему деяний (в том числе хищения имущества) не мог осознавать фактический характер и общественную

опасность своих действий и руководить ими, предварительный сговор с ним был невозможен*.

Вместе с тем представляется, что в данном случае судом отождествлены интеллектуальные признаки психологического критерия невменяемости с волевым признаком психологического критерия невменяемости.

По нашему мнению, квалификация общественно опасного посягательства по признакам группы лиц по предварительному сговору в отношении субъекта преступления при учинении деяния вместе с невменяемым лицом возможна при условии, когда невменяемый осознает фактический характер и общественную опасность своего поведения, но не может руководить своими действиями (бездействием).

Необходимым условием для инкриминирования этого признака является достижение невменяемым лицом и субъектом преступления предварительной договоренности о совершении общественно опасного деяния (преступления) до начала совершения действий, непосредственно направленных на их совершение, в том числе и о распределении между ними ролей.

При этом сами действия (бездействии) каждого из участников группы во время совершения посягательства должны носить последовательный, согласованный характер и быть направлены на достижение общего результата.

Если после начала совершения общественно опасного деяния невменяемое лицо прекратило свое участие до его окончания, то действия виновного лица необходимо квалифицировать как покушение на совершение преступления с включением признака «группа лиц по предварительному сговору».

В том случае, если во время совершения общественно опасного деяния невменяемое лицо в силу своего психического состояния перестало осознавать фактический характер своего поведения, а его действия (бездействии) вышли за рамки предварительной согласованности при ис-

полнении им действий, входящих в юридические границы объективной стороны состава преступления, то действия субъекта преступления подлежат квалификации как оконченное деяние с включением признака «группа лиц по предварительному сговору».

Если после достижения согласия на совершение группового посягательства до начала действий, входящих в юридические границы объективной стороны состава преступления, лицо отказывается от совершения заранее оговоренных действий, то поведение вменяемого субъекта в случае продолжения совершения им преступления подлежит квалификации без вменения квалифицирующих признаков группового преступления ввиду их отсутствия.

Однако если действия вменяемого лица были пресечены на стадии, предшествующей выполнению объективной стороны задуманного преступления, при наличии сговора на его совершение с ненадлежащим субъектом, способным осознавать фактический характер своего поведения и его общественную опасность, действия субъекта преступления подлежат квалификации как приготовление к преступлению с вменением групповых признаков.

В ситуации, когда невменяемое лицо после предварительной договоренности об учинении посягательства, хотя и перестало осознавать фактический характер своего поведения, но своими действиями (бездействием) способствовало субъекту преступления в совершении задуманного посягательства, действия субъекта преступления подлежат квалификации с включением признака «группа лиц», так как предварительный сговор в силу психического состояния отсутствует, «сорвался» (лицо действует в соответствии со своими патопсихологическими установками), а ввиду того, что деяние совершено групповым способом, содеянное не может быть квалифицировано как единоличное преступление.

Если же помимо невменяемого в предварительный сговор вступили как минимум два субъекта, вменяемость которых сомнению не подвергнута, то действия вменяемого лица подлежат квалификации по признакам группы лиц по предвари-

* Приговор Ольского районного суда Магаданской области от 6 июля 2016 г. по делу N 1-63/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

тельному сговору, что также применяется и в судебной практике*.

В то же время анализ экспертных заключений, а также судебных постановлений** показывает, что при определении психологического критерия невменяемости воспроизводится ч. 1 ст. 21 УК РФ без конкретизации признаков интеллектуального и волевого моментов, дающих основания для признания лица невменяемым***, что искажает действительное психическое состояние лица. При этом в ряде случаев вместо слова «либо» в части возможности руководить своими действиями (бездействием) присутствует союз «и»****, что препятствует правильному определению вида совершенного общественно опасного деяния и не учитывает требования ст. 21 УК РФ, так как такое сочетание признаков психологического критерия не предусмотрено законом.

При существующих формулировках определение признаков предварительного сговора является затруднительным, а правоприменительная практика нередко при вменении этого признака определяет его, исходя из объективных обстоятельств, а не на основании установленного психологического критерия.

Так, оценив все собранные по делу доказательства, суд счел вину подсудимого Т. в совершении преступления вместе с лицом, признанным невменяемым, установленной и правильной квалификацию его действий по ч. 2 ст. 162 УК РФ как разбоя, то есть нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с при-

менением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Обосновывая квалифицирующий признак группы лиц по предварительному сговору, суд отметил, что подсудимые вдвоем одновременно стали применять к потерпевшей насилие, опасное для жизни и здоровья. Потерпевшая пояснила, что нападавшие действовали согласованно и совместно, и опасалась она их обоих. Свидетель N был очевидцем сговора на совершение преступления между Т. и Ф., признанным в дальнейшем невменяемым, распределения ролей и совершения преступления. При этом суд отметил, что вопреки доводам защиты на основании действующего законодательства совершение преступления с лицом, освобожденным от уголовной ответственности в силу невменяемости, признается совершенным группой лиц. Т. совершал преступление не посредством лица, признанного невменяемым, а совместно с ним. Т. непосредственно сам участвовал в совершении преступления и осознавал, что действует в группе лиц*****.

В изложенном примере суд, определяя наличие признака «группа лиц по предварительному сговору», исходил не из психического состояния лица, признанного невменяемым (ограничившись лишь указанием на постановление, которым он признан невменяемым), а из фактических обстоятельств дела и на основе анализа объективной стороны посягательства, а также субъективных признаков деяния субъекта преступления.

В другом случае суд, исключая признак группы лиц по предварительному сговору, обратил внимание на психическое состояние лица и, установив, что Д., согласно заключению комиссии экспертов, на момент совершения правонарушения страдал хроническим психическим расстройством, которое лишало его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий

* См., например: Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области от 7 дек. 2015 г. по делу N 1-126/2015; приговор Подольского городского суда Московской области от 3 авг. 2015 г. по делу N 1-439/2015. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

** Постановление Ревдинского городского суда Свердловской области от 4 июля 2017 г. по делу N 1-136/2017. URL: <http://sudact.ru>

*** См., например: Постановление Малодербетовского районного суда Республики Калмыкия от 15 марта 2017 г. по делу N 1-15/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

**** Постановление Полтавского районного суда Омской области от 15 марта 2017 г. по делу N 1-7/2017 // Там же.

***** Приговор Новоалтайского городского суда Алтайского края от 26 нояб. 2015 г. по делу N 1-118/2015 // Там же.

и руководить ими, указал, что лицо с пороками интеллектуально-волевой сферы и не являющееся субъектом преступления не может вступить в предварительный преступный сговор с другим лицом*.

Указанный подход суда, на наш взгляд, является правильным.

Таким образом, наличие предварительного сговора с целью точного установления соответствия между совершенным деянием и правовой нормой надлежит определять на основе психического состояния невменяемого лица и его способности правильно воспринимать окружающую обстановку.

Осознание фактических обстоятельств дела, наличие между лицами предварительной договоренности и согласованности действий должно лежать в основе определения признака предварительного сговора при квалификации поведения субъекта, совершившего преступление вместе с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.

Из указанного обстоятельства исходит и судебная практика**. По одному из дел суд, вменяя З. кражу с причинением значительного ущерба гражданину, совершенную группой лиц по предварительному сговору (пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) вместе с лицом, уголовное преследование в отношении которого прекращено за недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, указал, что преступление совершено З. группой лиц по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, поскольку из представленных доказательств следует, что оба они по договоренности выполняли действия, непосредственно направленные на кражу, — осуществляли изъятие имущества с места его нахождения: З. взял барсетку и передал ее лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности. Кроме того, данное лицо обеспечивало обнаружение кражи посторонними лицами, наблюдая

за обстановкой с целью предупреждения З. в случае опасности***.

Спорным является вопрос об определении признаков группового преступления в случаях, когда один из участников действует в рамках оперативно-розыскного мероприятия.

Например, суд, установив, что К. и Ш. договорились совместно приобрести и употребить наркотическое средство (причем Ш. участвовал в оперативно-розыскном мероприятии), вменил К. ч. 1 ст. 228 УК РФ, указав, что не может быть признаков группового преступления, если один из участников действует в рамках оперативно-розыскного мероприятия, оказывая содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, так как не является субъектом указанного преступления и, соответственно, исполнителем****.

По другому делу суд отметил, что участие в оперативно-розыскном мероприятии лица, которое приобретает наркотическое средство у сбытчика наркотиков, исключает возможность расценивать действия сбытчика как соучастие в приобретении наркотических средств, поскольку имеет место не содействие в приобретении, а контролируемый правоохранительными органами в установленном законом порядке факт сбыта наркотиков другому лицу*****.

Представляется, что в подобных ситуациях вряд ли можно говорить об отсутствии признака субъекта преступления, так как данные признаки перечислены в ст. 19 УК РФ, и факт участия лица в оперативно-розыскном мероприятии не исключает у него отсутствие признаков субъекта преступления. В данном случае отсутствует умысел на осуществление незаконного оборота нар-

*** Приговор Курганского городского суда Курганской области от 19 мая 2015 г. по делу N 1-502/2015. URL: <http://sudact.ru>

**** Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого от 27 июня 2017 г. по делу N 22-3878/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

***** Кассационное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 25 апр. 2011 г. по делу N 22-4978/2011. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

* Постановление Кесовогорского районного суда Тверской области от 30 нояб. 2015 г. по делу N 1-39/2015. URL: <http://sudact.ru>

** Приговор Молоковского районного суда Тверской области от 10 мая 2012 г. по делу N 1-4/2012. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

котических средств, поэтому данное лицо не привлекается к уголовной ответственности.

На наш взгляд, действия субъекта преступления, не осознающего участие второго лица в оперативно-розыском мероприятии, образующие объективную сторону состава преступления, подлежат квалификации по признакам группового преступления (группы лиц по предварительному сговору), поскольку лицо уверено, что совершает преступление в составе группы.

С целью единообразного применения уголовного закона в части определения групповых признаков при совершении деяния с участием надлежащего и ненадлежащего субъектов за посягательства против жизни, здоровья, свободы, в том числе половой свободы и неприкосновенности личности, представляется необходимым данное правило сформулировать в соответствующих постановлениях Пленума ВС РФ, включив пункт следующего содержания: «действия участника группового преступления независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости либо в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежат квалификации как преступление, совершенное группой лиц».

В целях усиления ответственности за данные посягательства, объектами которых являются указанные выше блага, полагаем возможным включить квалифицирующий признак «группа лиц» в статьи УК РФ тех составов преступлений, в которых он отсутствует (в частности, в ст.ст. 126, 161, 162, 163 УК РФ и др.).

Рассматривая уголовно-правовую оценку деяния невменяемых лиц при совершении ими совместного посягательства с другими лицами, Р.А. Сабитов указывает на невозможность квалификации действий невменяемого как совершенных в составе группы лиц или преступного сообщества (преступной организации), так как «невменяемый не может быть признан соучастником преступления, поскольку соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [10, с. 481].

Судебная практика по вопросу о признании в действиях невменяемых лиц признаков группового преступления является неоднозначной.

Первый подход связан с отсутствием признаков группового преступления в деянии невменяемого лица. В его основу положен тезис о том, что невменяемый не является соучастником преступления в уголовно-правовом смысле и что лицо с пороками интеллектуально-волевой сферы и не являющееся субъектом преступления не может вступить в предварительный сговор с другим лицом*.

Для второго подхода характерно, что суды в обосновании квалификации деяния невменяемого по признакам группового преступления исходят из объективного признака совместности действий участников группы**.

В других случаях суды признают наличие у невменяемых, вместе совершающих общественно опасное деяние, квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору».

Например, по делу установлено, что Иванов Д.Е. и Иванов А.Е. в состоянии невменяемости совершили кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, группой лиц по предварительному сговору, а Иванов А.Е. — сопряженную с незаконным проникновением в помещение.

Согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы Иванов Д.Е. и Иванов А.Е. имеют психическое расстройство, лишаящее их способности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Суд, оценив исследованные доказательства, счел установленным, что Иванов Д.Е. и Иванов А.Е. совершили общественно опасное деяние, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, — кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, совер-

* Постановление Карталинского городского суда Челябинской области от 5 окт. 2015 г. по делу N 1-229/2015 // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com>; постановление Кесовогорского районного суда от 30 нояб. 2015 г. по делу N 1-39/2015. URL: <http://sudact.ru>

** Постановление Заозерного Рыбинского районного суда от 5 мая 2016 г. по делу N 1-101/2016 // Там же.

шенное группой лиц по предварительному сговору, в состоянии невменяемости*.

Представляется, что при уголовно-правовой оценке деяния невменяемого лица его поведение не может быть квалифицировано по признакам соучастия, так как признаки, его характеризующие, такие как преступление и умышленная форма вины, отсутствуют, а само соучастие как институт уголовного права не может быть выведено за рамки его общего понятия, хотя и возможна квалификация по признакам группы лиц, рассматриваемой не как признак соучастия, а как признак объективной стороны посягательства, характеризующий способ его совершения.

Квалификация их поведения может содержать признаки группы лиц по предварительному сговору, когда невменяемый по своему психическому состоянию осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия). В частности, эта ситуация усматривается из приведенного выше примера по делу Иванова Д.Е. и Иванова А.Е., анализ которого, с учетом установленных по делу обстоятельств, свидетельствующих о согласованности их действий, показывает, что вряд ли они могли не осознавать фактический характер своих действий и их общественную опасность, но вполне могли не руководить ими.

Однако квалификация содеянного невменяемым лицом по признакам единичного преступления либо по признакам соучастия в преступлении (группового преступления) не имеет уголовно-правового значения при установленном факте совершения общественно опасного деяния при отсутствии вменяемого лица. Тяжесть деяния, совершенного лицом в состоянии

невменяемости, в соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 г. N 10-П, не является определяющим критерием для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. Для их назначения исследованию подлежит состояние психики лица.

Таким образом, квалификация действий участников группового преступления по признакам группы лиц возможна независимо от того, что остальные участники не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, недостижения возраста уголовной ответственности либо по иным основаниям, если это насильственные или корыстно-насильственные преступления. При квалификации данных видов преступлений возможно применение не только такого квалифицирующего признака, как совершение преступления группой лиц, но и такого, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, при условии наличия осознанности фактического характера посягательства лицом, не являющимся субъектом преступления. В этих случаях при наличии только одного лица, отвечающего требованиям субъекта преступления, отсутствует соучастие в преступлении как уголовно-правовой институт, а такие квалификационные признаки, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, являются признаками, характеризующими способ совершения преступления.

Учет изложенных в статье предложений позволит, на наш взгляд, повысить эффективность уголовно-правовой оценки преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

* Постановление Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 11 авг. 2010 г. по делу N 1-360/2010. URL: <https://bsr.sudrf.ru>

Список литературы

1. Гузун В.У. Формы соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1975. 22 с.
2. Галактионов Е.А. Соучастие и организованная преступная деятельность: Теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2002. 46 с.
3. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск: Изд-во Хабаровской ВШ МВД СССР, 1987. 96 с.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. М.: Юрайт, 2017. 405 с.
5. Мондохонов А.Н. Формы соучастия в преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2005. 16 с.

6. Дядькин Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002. 26 с.
7. Зайнутдинова А.Р. Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2001. 23 с.
8. Салимгареева А.Р. Преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2011. 27 с.
9. Мелешко Д.А. Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. 30 с.
10. Сабитов Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. 592 с.

References

1. Guzun V.U. Formy souchastiya v prestuplenii. Avtoref. Kand. Diss. [Forms of complicity in crime. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 1975. 22 p.
2. Galaktionov E.A. Souchastie i organizovannaya prestupnaya deyatel'nost': Teoriya i praktika. Avtoref. Kand. Diss. [Complicity and organized criminal activity: Theory and practice. Autoabstract Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2002. 46 p.
3. Galiakbarov R.R. Kvalifikatsiya mnogosub'ektnykh prestupleniy bez priznakov souchastiya [Qualification of multisubject crimes without signs of complicity]. Khabarovsk, Publishing House of the Khabarovsk Higher School of Internal Affairs of the USSR, 1987. 96 p.
4. Uголовное право. Obshchaya chast' [Criminal law. a common part]. Moscow, Yurayt Publ., 405 p.
5. Mondohonov A.N. Formy souchastiya v prestupnoy deyatel'nosti. Avtoref. Kand. Diss. [Forms of complicity in criminal activity. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 16 p.
6. Dyad'kin D.S. Sovershenstvovanie uголовno-pravovogo instituta souchastiya v prestuplenii. Avtoref. Kand. Diss. [Improvement of the criminal law institution of complicity in a crime. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 26 p.
7. Zaynutdinova A.R. Otvetstvennost' za organizovannyye formy souchastiya v prestuplenii po rossiyskomu uголовnomu pravu [Responsibility for organized forms of complicity in a crime under Russian criminal law. Autoabstract Cand. Diss.]. Kazan, 2001. 23 p.
8. Salimgareeva A.R. Prestupnaya deyatel'nost' dvuh ili bolee lits bez priznakov souchastiya v rossiyskom uголовnom prave. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal activity of two or more persons without signs of complicity in Russian criminal law. Autoabstract Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 2011. 27 p.
9. Meleshko D.A. Soprichinenie vreda bez priznakov souchastiya v doktrine uголовnogo prava. Avtoref. Kand. Diss. [The occurrence of harm without signs of complicity in the doctrine of criminal law. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2016. 30 p.
10. Sabitov R.A. Teoriya i praktika uголовno-pravovoy kvalifikatsii [Theory and practice of criminal law qualifications]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2013. 592 p.

Раздел 5. Криминологическая наука

БУТКЕВИЧ С.А., кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, sbutkevich@mvd.ru Крымский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 295053, г. Симферополь, ул. Академика Х.Х. Стевена, 14	BUTKEVICH S.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea, sbutkevich@mvd.ru Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Academician H.H. Steven St. 14, Simferopol, 295053, Russian Federation
--	--

УГРОЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ И ПРЕВЕНЦИЯ

Аннотация. В статье представлен краткий экскурс в историю появления и распространения угроз экстремистского характера на территории Крымского полуострова в конце XX – начале XXI вв. На основании проведенного анализа деятельности правоохранительных органов в этой сфере раскрыты особенности экстремизма в новейшей крымской истории. Основное внимание в исследовании сосредоточено на причинах и условиях, способствующих развитию экстремистской деятельности в регионе в современных условиях, а также перспективных направлениях криминологической превенции данного социального явления. Детально охарактеризованы основные проявления деструктивного характера и формы их реализации на территории Республики Крым, реальные и потенциальные вызовы безопасности региона, включая незаконную миграцию; деятельность международных террористических и экстремистских организаций; религиозный, национальный и политический экстремизм; экстремизм в молодежной и подростковой среде; экстремизм в информационно-коммуникационной среде. Мониторинг криминологической обстановки в данной области позволил осуществить среднесрочное прогнозирование внешних и внутренних угроз экстремистского характера. Кроме того, предложены приоритетные направления деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступлений экстремистского характера на Крымском полуострове.

Ключевые слова: криминологическая превенция; правоохранительная деятельность; предупреждение экстремизма; Республика Крым; экстремистская деятельность.

EXTREMIST THREATS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA: CRIMINOLOGICAL PROGNOSIS AND PREVENTION

Annotation. A brief history of the emergence and spread of extremist threats in the territory of the Crimean Peninsula at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries is presented in the article. Basing on the analysis of the activities of law enforcement agencies in this area, the peculiarities of extremism in the recent Crimean history are revealed. The research focuses on the causes and conditions that contribute to the development of extremist activity in the region in modern conditions, as well as promising areas of criminological prevention of this social phenomenon. The main manifestations of destructive nature and the forms of their implementation in the territory of the Republic of Crimea, real and potential challenges and threats to the security of the region are described in detail. They include: illegal migration; activities of international terrorist and extremist organizations; religious, national and political extremism; youth and adolescents extremism; extremism in the information and communication environment. Monitoring the criminological situation in this area made it possible to carry out the medium-term forecasting of external and internal extremist threats. Besides, the priority areas of law enforcement activities aimed at the prevention of extremist crimes on the Crimean Peninsula are proposed.

Keywords: criminological prevention; law enforcement activity; extremism prevention; the Republic of Crimea; extremist activity.

Вариативные формы терроризма и экстремизма проявлялись на протяжении всего периода становления России как суверенной державы. Объектами преступных посягательств, сопровождавшихся человеческими жертвами и масштабным ущербом инфраструктуре, становились общественные и государственные деятели, личный состав воинских формирований и правоохранительных органов, военные базы, объекты жизнеобеспечения и стратегического назначения. Кроме того, наблюдалось персистентное использование некоммерческих организаций, иностранных агентов влияния и специальных служб зарубежных государств для подрыва общественно-политической и социально-экономической стабильности в Российской Федерации путем военной агрессии, участия инструкторов, наемников и частных военных компаний в боевых действиях на Северном Кавказе, разжигания межэтнической, межконфессиональной вражды и ненависти, культивирования проявлений сепаратизма и терроризма.

Именно поэтому функционирование системы криминологической превенции проявлений экстремизма приобретает особую значимость для обеспечения безопасности граждан, общества и государства, а также сохранения гармоничных взаимоотношений между членами социума. В таких условиях Российская Федерация и ее субъекты не могут и не должны оставаться в стороне от этой проблемы, поскольку сегодня вызовы экстремистского характера представляют реальную угрозу общественной безопасности.

Актуальное состояние криминологической обстановки на территории Крымского полуострова связано как с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества, угрозами, так и внутренними факторами [1, с. 306-307]. Это обусловлено его уникальным геополитическим положением, спецификой социально-экономического развития, демографическими особенностями, а также событиями «Крымской весны» и результатами общекрымского плебисцита в марте 2014 г.

При исследовании настоящего вопроса необходимо рассмотреть основные угрозы криминологической безопасности

региона*, которые в перспективе могут привести к проявлениям экстремистского характера в той или иной сфере жизнедеятельности общества и государства.

Незаконная миграция. В настоящее время неблагоприятным фактором остается прибытие мигрантов из Украины, страны с «питательной почвой» для террористической активности, действующими вблизи государственной границы с Российской Федерацией националистическими батальонами, незаконными вооруженными формированиями («добробатами»), запрещенными в Российской Федерации экстремистскими организациями, неконтролируемым оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, на фоне ведущейся «реактивной» антироссийской риторики. Прибытие в Республику Крым таких граждан, в том числе с юго-востока Украины, создает дополнительные очаги напряженности и формирует угрозы экстремистского характера.

С мая 2018 г. Крымский мост, транспортно дополнительно связавший Российскую Федерацию и полуостров, помимо очевидного социального эффекта, оказывает влияние и на криминологическую обстановку в регионе. На наш взгляд, благодаря реализации данного проекта стала возможной практически беспрепятственная внешняя и внутренняя миграция населения в Крым из стран Центральной и Западной Азии, республик Северного Кавказа и других регионов, что также создает предпосылки к росту количества экстремистских проявлений. Это связано с тем, что успешные контртеррористические операции и военное присутствие Россий-

* Исследование основывается, в частности, на результатах грантового проекта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России «Профилактика и урегулирование межэтнических и межкультурных конфликтов в рамках предупреждения развития экстремизма и терроризма в Республике Крым» (Коноплева А.А., 2015) и обобщенных данных социологического опроса 516 респондентов — слушателей Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, сотрудников МВД по Республике Крым, УМВД России по г. Севастополю, Крымского линейного управления УМВД России на транспорте, подразделений войск национальной гвардии России по Республике Крым и г. Севастополю (2017 г.).

ской Федерации в данных регионах приводят не только к миграции уцелевших участников международных террористических организаций в государства с менее «жесткими» или более уязвимыми системами противодействия терроризму, но и к реваншизму и попыткам возмездия экстремистов на новых территориях. Впоследствии из таких переселенцев, в том числе со статусом беженцев, могут формироваться автономные ударные группы или «спящие ячейки» боевиков, что в конечном итоге может привести к перенесению боевых действий и деструктивной активности в эти регионы. К аналогичным деяниям могут быть причастны и крымчане, которые ранее участвовали в боевых действиях на территории ДНР, ЛНР, Украины и Сирии. Таким образом, приоритетной задачей системы криминологической превенции в этой сфере следует считать усиление пограничного и миграционного контроля с целью недопущения на Крымский полуостров проводников экстремизма, а также оперативное сопровождение таких лиц, прибывающих в регион.

Деятельность международных террористических и экстремистских организаций. Наибольшую опасность в регионе представляет распространение идеологии запрещенной в Российской Федерации террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», приверженцы которой сконцентрированы в городах Симферополе, Бахчисарае, Белогорске, Судаке, в Кировском, Ленинском, Нижнегорском и Симферопольском районах. Поскольку на Украине настоящая организация не запрещена, то до 2014 г. в Крыму она постепенно увеличивала число своих сторонников, имела структурные подразделения, региональные ячейки и финансирование, регулярно проводила митинги, собрания, организовывала конференции и форумы. С марта 2014 г. организация оказалась вне правового поля, однако ее члены продолжили преступную деятельность, придерживаясь строгой конспирации. Это требует от сотрудников полиции мониторинга оперативной информации о негативных процессах, происходящих в приграничных зонах, местах компактного проживания и возможного сбора участников экстремистских сообществ, выходцев из стран с по-

вышенной террористической активностью. Также необходимо установление организаторов, идеологов и вербовщиков радикальных религиозных, национальных и других объединений экстремистского (деструктивного) толка.

В последнее время деятельность и интересы «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» срачиваются с запрещенной в Российской Федерации экстремистской организацией «Меджлис крымско-татарского народа». Основные направления деятельности последней включают: использование фактов пропажи, задержания или привлечения к ответственности крымских татар, проукраинских активистов для проведения не требующих согласования с органами власти массовых мероприятий (вечера памяти, молебны и др.); использование религиозных праздников для проведения массовых мероприятий, не требующих согласования с органами власти (молебны, сборы в мечетях для изучения Корана, ифтары и пр.); проведение флеш-мобов с использованием крымско-татарской или украинской символики; создание различных общественных организаций, занимающихся поиском «проблем» в действиях органов власти с их последующей дискредитацией на международных площадках; манипулирование данными, искаженное изложение фактов и событий в антироссийских средствах массовой информации (далее – СМИ) и интернет-изданиях. Например, с апреля 2016 г. незарегистрированная организация «Крымская солидарность» пытается объединить родственников обвиняемых в принадлежности к «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Меджлису крымско-татарского народа» и крымчан, «недовольных» органами власти. В структуре организации функционируют: координационная группа; правозащитная группа, представляющая интересы крымских татар по «политическим делам» в судебных инстанциях, в том числе международных; группа информационного обеспечения, которая администрирует группу в социальной сети «Фейсбук» и мессенджере «Вайбер», создает видеоролики, пытаясь дискредитировать органы власти.

Именно поэтому не вызывает сомнений необходимость вовлечения в правоохранительную деятельность по пред-

упреждению экстремистских проявлений Духовного управления мусульман Крыма и г. Севастополя, лидеров канонических конфессий, крымско-татарских общественных организаций «Къырым Бирлиги» и «Къырым», авторитетных крымско-татарских государственных и общественных деятелей.

Религиозный и национальный экстремизм. Актуальная этнодемографическая ситуация представлена более чем значительным разнообразием благодаря присутствию 175 национальностей (свыше 40 % национальных образований). При этом неканонические религии на Крымском полуострове репрезентованы протестантами (христиане веры Евангельской, христиане-баптисты, христиане Полного Евангелия, лютеране, харизматические церкви), Русской истинно-православной церковью, адвентистами седьмого дня, обществом «Сознания Кришны» и другими ориенталистскими религиями (вайшнавиты, буддисты, «Сахаджа йога»). Особенность деятельности большинства из них заключается в заимствовании отдельных элементов сектантства, в том числе лишения адептов свободы воли и критического мышления с подменой их указаниями «пастыря», а также отношения к собственности, которая рано или поздно оказывается под контролем лидера общины [2, с. 413].

Религиозный вакуум в среде крымских татар после их массового возвращения на Крымский полуостров позволил ряду международных экстремистских и террористических организаций пополнить свои ряды многочисленными неопитами, прежде всего из числа молодежи. Данные организации при финансовой поддержке Турции и стран Арабского Востока исповедовали так называемый «истинный (чистый) ислам» с целью радикализации полуострова путем расширения своего влияния на крымских татар под предлогом предоставления разного вида помощи, в частности по вопросам возрождения религии. Сегодня в Крыму функционируют отделение хафизов в пгт. Красногвардейское и Азовское медресе исламских наук в Джанкойском районе (мужское и женское отделения), а также около 480 мечетей и молельных домов. Почти все работают

без регистрации и необходимых разрешений. При этом 7 из 10 отправляющих в них службу имамов не имеют теологического образования и относят себя к «самоучкам», а каждый десятый обучался за рубежом (Турция, Египет, Йемен и др.). Кроме этого, значительное количество лиц причисляют себя к «молла», не имеющим культовых зданий и специальных помещений и проводящим обряды на дому по индивидуальным просьбам местного населения. В связи с этим есть основания полагать, что некоторые из них могут искажать фундаментальные основы ислама в сторону радикализации.

Определенный деструктивный характер и нестабильность в эту область вносит и Духовное управление мусульман Автономной Республики Крым, зарегистрированное в Геническом районе Херсонской области (Украина). Ситуация в сфере противодействия радикальным религиозным течениям также осложняется провокацией конфликта между мусульманами и правоохранительными органами со стороны проукраинских и части мировых СМИ, которые безосновательно обвиняют органы федеральной и республиканской власти в попытках запрещения ислама, притеснения по национальному признаку и давления на верующих. При этом главной проблемой является отсутствие в крымско-татарской среде общепризнанных духовных лидеров и авторитетных теологов, которые могли бы объединить верующих, а также возглавить собственную духовную школу толерантного ислама. Следовательно, говорить о наличии твердой ориентации крымских мусульман пока преждевременно. Считаем, что гармонизации межконфессиональных отношений в этой сфере будет содействовать завершение строительства Соборной мечети в г. Симферополе (декабрь 2018 г.).

Следует также указать, что в течение 2013-2015 годов зафиксирована серия ограблений и поджогов мечетей и молельных домов в городах Саки, Симферополе, Судаче и Феодосии, Бахчисарайском, Джанкойском, Красногвардейском, Нижнегорском и Симферопольском районах. В январе 2018 г. совершен поджог дома муфтия Крыма Э. Аблаева. Совершение данных преступлений лидеры

«Меджлиса крымско-татарского народа» объясняют нарастанием антимусульманской истерии и манифестами «воинствующего» православия. Однако в ходе оперативно-следственных действий установлено, что большинство из этих преступлений совершено украинскими радикалами с целью устрашения пророссийски настроенных крымских татар и нагнетания межконфессиональной напряженности на полуострове.

Кроме того, следует учитывать то, что большинство крымских религиозных организаций ранее являлись территориальными подразделениями всеукраинских церквей, были связаны с ними и духовной иерархией, и организационно-финансово. Сегодня одним из основных факторов, негативно влияющих на межконфессиональную обстановку в среде православных христиан, является деятельность духовенства Украинской православной церкви Киевского патриархата, которое ввиду непризнания деятельности церкви со стороны Русской православной церкви Московского патриархата всеми способами пытается создать искусственный резонанс проблемы украинской церкви в Крыму.

В то же время считаем, что проявления религиозного экстремизма не были характерны для исследуемого региона в период его пребывания в составе Украины. В этот период объединяющими факторами для формирования и сплочения организаций, объединений и групп деструктивной направленности служили национальный признак, политические амбиции «лидеров» крымско-татарского народа и антироссийские лозунги украинских властей.

Политический экстремизм. Украинские власти не прекращают попытки использовать политическую составляющую крымского этнополитического экстремизма, сыграть на эмоциях и чувствах крымских татар, у которых в период пребывания Крыма в составе Украины культивировался феномен «незаслуженно пострадавшего» и «получившего недостаточную компенсацию» народа. Яркими иллюстрациями этого процесса служат: популистские лозунги «Крым – это Украина», «Без Крыма нет Украины» и др.; «переименование» 75 населенных пунктов полуострова в рамках декоммунизации; инициативы по созда-

нию национально-территориальной автономии крымских татар (национальной крымско-татарской автономии), других квазигосударственных институций (прокуратура Автономной Республики Крым, представительство президента Украины в автономии и т.д.); содействие деятельности «Меджлиса крымско-татарского народа»; государственная поддержка националистических батальонов и незаконных вооруженных формирований.

Как следствие, ряд лиц и молодежных организаций продолжают принимать активное участие в несанкционированных митингах, акциях, пикетах, иногда используясь вслепую. Обычно это одиночные пикеты в г. Симферополе, осуществляемые бессистемно и дезорганизовано, но инспирируемые извне и приуроченные к украинским государственным праздникам, дням рождения общественных, культурных деятелей и т.п. Сотрудники полиции проводят профилактические беседы с гражданами данной категории, которые при наличии состава правонарушения привлекаются к административной ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ. В ближайшей перспективе проявления этнополитического экстремизма в регионе могут усилиться вследствие осуществления сноса объектов самовольного строительства, в том числе на самовольно захваченных земельных участках и в прибрежной зоне.

Как правило, при пресечении противоправных деяний организаторов и участников несанкционированных публичных мероприятий действия правоохранителей сопровождаются массовым скоплением их сторонников и «сочувствующих» с целью оказания давления на принятие следственно-процессуальных решений, провокации сотрудников правоохранительных органов для фиксации и последующего формирования стереотипов о притеснении по национальному (религиозному) признаку и дискредитации органов власти. Вместе с тем попытки оппозиционных российских политических сил, крымско-татарских и проукраинских активистов повлиять на результаты выборов Президента Российской Федерации, в органы государственной власти и местного самоуправления, в том числе на участие в них крымчан, не увенчались успехом.

Экстремизм в подростковой и молодежной среде. Присоединение Республики Крым и города федерального значения Севастополя к Российской Федерации в марте 2014 г. означало не только вхождение в общероссийское правовое и экономическое пространство, но и изменение менталитета крымчан, их интеграцию в формируемую общность российского народа. Если крымчане старшего возраста позитивно ассоциировали интеграционный процесс с началом воссоздания СССР, среднего – с повышением качества жизни и новыми возможностями, то у молодежи возникали преимущественно негативные ассоциации, обусловленные как влиянием украинских и части мировых СМИ, так и соответствующей интерпретацией образовательными организациями советского периода истории Украины. Результатом этого стала фронда украинской и крымско-татарской символикой, что никогда не было модным трендом в Крыму, бравада своей обструкционностью и, главное, – поиск других форм молодежных объединений, которыми нередко становились националистические и радикальные псевдорелигиозные учреждения, военно-патриотические организации и оборонно-спортивные клубы.

Экстремистские молодежные организации, действующие в Республике Крым, условно можно разделить по двум направлениям: группа «Здоровье нации», члены которой являются последователями общественного движения национал-социалистического толка «Реструкт»; организация молодежи, объединенная идеями «майдана», «Правого сектора» и других украинских националистических организаций. В частности, в рамках последней наблюдается активность «Анархического движения Крыма», участники которого публично ведут пропаганду, направленную на оправдание необходимости совершения террористических и экстремистских действий в отношении представителей крымской власти и бизнеса. Финансирование движения осуществляется некоммерческими организациями Украины, ФРГ и Чехии. Что касается ультраправых настроений в среде футбольных фанатов, то пока они не представляют серьезной угрозы криминологической безопасности региона. Это связано

в первую очередь с определенной изолированностью полуострова [3, с. 45]. Тем не менее необходимо учитывать одобрение большинством «ультрас» идей «майдана» и их вступление в «добробаты».

Полагаем, что отторжение частью крымской молодежи необходимости интеграции и привлекательность членства в законспирированных «могущественных» организациях (речь идет прежде всего о международном терроризме) либо «оппозиционных» силах – негативные тенденции, которые в долгосрочной перспективе могут привести к формированию экстремистских организаций сепаратистской направленности. Деструктивным фактором также выступает непринятие молодежью в качестве аргумента публикаций официальных и лояльных к государственной политике СМИ, интернет-изданий; она более восприимчива к публикациям в социальных сетях, мессенджерах, блогах, на форумах и сведениям, полученным в неформальном общении с ровесниками. Указанные аспекты необходимо учитывать при дальнейшей оптимизации данного сектора контрэкстремистской деятельности, с инкорпорацией в превентивные меры популярных блогеров, известных спортсменов, представителей традиционных конфессий, института семьи и школы и др. [4, с. 252-253]. При этом речь идет не только о купировании негативного влияния улицы, контроле содержания интернет-ресурсов, тотальной блокировке украинских национальных телерадиоканалов, но и о достижении изменений в сознании, мышлении несовершеннолетних, формировании у подростков и молодежи нетерпимого отношения к экстремистской идеологии и асоциальному поведению [5, с. 199], развитии контрэкстремистской сознательности и бдительности.

Экстремизм в информационно-коммуникационной среде. С марта 2014 г. в сети Интернет и СМИ западными, проукраинскими и оппозиционными журналистами и блогерами постоянно проводится агитация, направленная на дестабилизацию социально-политической обстановки в новых субъектах Российской Федерации. Основная масса публикаций нацелена на дискредитацию действующей власти путем «вброса» искаженной или негативной

информации в отношении высших должностных лиц республики и государства. С целью повышения градуса социальной напряженности в обществе в указанных публикациях поднимаются и гиперболизируются вопросы, наиболее болезненные для крымчан (получение гражданства и заграничных паспортов; развитие малого и среднего бизнеса, функционирование банковской системы; (пере-)регистрация прав на недвижимое имущество; снабжение продуктами питания и водоснабжение; прием в дошкольные образовательные и общеобразовательные организации; межнациональные и межконфессиональные отношения; резонансные убийства, задержание и похищение граждан; туризм). В то же время указанные ресурсы продолжают размещать информацию о продлении и усилении санкций в отношении Республики Крым и Российской Федерации в целом, а также их международной изоляции; неизбежности привлечения к уголовной ответственности крымчан, причастных к «оккупации» полуострова или содействию «оккупационному» режиму; неотвратимости «освобождения» Крыма и его возвращения в состав Украины.

Соответственно, система криминологической превенции должна предполагать осуществление контрмер в рамках информационной войны, ведущейся в отношении Российской Федерации в целом и Крыма в частности [6, с. 210-213]. В то же время сотрудниками правоохранительных органов должен проводиться мониторинг информации с целью выявления лиц и организаций, размещающих на различных интернет-площадках публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, распространяющих материалы экстремистского содержания либо вербующих крымчан для участия в боевых действиях на территории Украины и иных стран. Действующее законодательство позволяет оперативно блокировать опасный и вредный контент, а виновных лиц — привлекать к ответственности.

В 2017 г. возбуждено 11 уголовных дел, в том числе по ст. 282 — 9, ст.ст. 280.1 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации — по 1*. Помимо этого, совместно с представителями СМИ и интернет-сообществ необходимо проводить работу по дискредитации деструктивной идеологии и лиц, к ней причастных.

По нашему мнению, уникальность противодействия экстремизму в регионе связана также с тем, что система предупреждения преступлений экстремистского характера формировалась в 2014 г. в совершенно новом правовом поле. Эффективное управление и надлежащая организация работы данной системы позволит отойти от сложившейся практики точечного, избирательного противодействия этим преступным деяниям, их отдельным проявлениям либо ликвидации (минимизации) их последствий, а обеспечит ее мультифункциональность, даст возможность правоохранителям не только нейтрализовать существующие, но и прогнозировать и предупреждать потенциальные угрозы в указанной области.

Бесспорно, формирование и развитие экстремизма в Республике Крым тесно связано как с этнополитическим фактором с религиозной подпиткой, так и исторической и геополитической составляющими. Эти обстоятельства обуславливают необходимость разработки и реализации стратегии противодействия данному явлению [7, с. 96-102], а также формирования соответствующего доктринального подхода с обязательным привлечением научно-исследовательских учреждений и образовательных организаций, СМИ, институтов гражданского общества и бизнес-структур. Считаем, что в современных условиях особую значимость приобретает деятельность крымских правоохранительных органов по следующим направлениям:

— создание системы мониторинга и прогнозирования угроз экстремистского и террористического характера;

— выявление и перекрытие каналов и источников финансирования экстремистской деятельности, подрыв экономической базы терроризма; усиление пограничного и миграционного контроля;

* Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений за январь — декабрь 2017 г.: форма N 4-ЕГС. URL: <http://rkproc.ru/ru/content>

– нивелирование детерминантов, формирующих асоциальное поведение подростков и молодежи;

– взаимодействие в данной сфере с образовательными и религиозными организациями, СМИ, представителями интернет-сообществ, институтами гражданского общества;

– изучение зарубежного законодательства и использование положительного опыта других регионов в этой области и т.д.

Проведенный анализ позволяет спрогнозировать рост преступлений экстремистской направленности в регионе ввиду:

1) проведения на Украине выборов президента (до марта 2019 г.), парламентских выборов (до октября 2019 г.) и соответствующей активизации проукраинских активистов и «Меджлиса крымско-татарского народа» в регионе. Это могут быть публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности либо действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, проводимые как в Крыму и на границе с Украиной, так и в самой Украине и на международных площадках. Также будут продолжены попытки дискредитации или подрыва авторитета федеральных и республиканских органов власти путем информационных вбросов (2019 г.);

2) незаконной миграции украинских радикалов и националистов, в том числе в связи с ведением боевых действий на юго-

востоке Украины (2019 г.), террористов из Арабского Востока, а также возвращением крымчан, ранее участвовавших в незаконных вооруженных формированиях (2019-2020 годы).

Кроме того, считаем возможными попытки лидеров экстремистских организаций дестабилизировать криминологическую обстановку в регионе в связи с годовщиной депортации крымских татар (75 лет) и проведением так называемых «дней скорби» (апрель – май 2019 г.). В то же время с 2019 г. снизится количество уголовных дел, возбужденных по ст. 282 УК РФ, в связи с ожидаемой декриминализацией данного состава преступления, а также нормализацией этноконфессиональных отношений на полуострове благодаря последовательной государственной политике в этой области, а также завершению строительства Соборной мечети.

Подытоживая изложенное выше, считаем, что нормализацию криминологической обстановки в регионе значительно усложняют внешние экстремистские угрозы – поддержка (в том числе финансовая и информационная) иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической ситуации и ослабления государства, а также деятельность «оппозиционных» сил и запрещенных в России организаций, придерживающихся деструктивной идеологии и экстремистской деятельности насильственного характера.

Список литературы

1. Хараев А.А. К некоторым проблемам противодействия экстремизму в новых субъектах РФ: Республике Крым и городе федерального значения Севастополь // Евразийский юридический журнал. 2017. N 3 (106). С. 305-307.
2. Коноплева А.А. Изменение религиозной принадлежности как актуальная тенденция религиозного мировоззрения современного человека // Евразийский юридический журнал. 2017. N 4 (107). С. 412-414.
3. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Угрозы криминологической безопасности экстремистского характера в Крымском федеральном округе // Экстремизм и его негативное влияние на уровень национальной безопасности России: криминологический и экономический аспекты: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015. С. 44-46.
4. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. N 2 (36). С. 248-253.
5. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. N 11-2 (61). С. 204-207.

6. Журавленко Н.И. Крымская информационная война // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2015. С. 210-213.

7. Лебедев С.Я. Криминологические предпосылки и перспективы научного обеспечения развития системы общественной безопасности в южном регионе России («Новая криминология российского юга») // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015. С. 95-103.

References

1. Haraev A.A. K nekotorym problemam protivodeystviya ekstremizmu v novykh sub'ektakh RF: Respublike Krym i gorode federal'nogo znacheniya Sevastopol' [To some problems of counteraction to extremism in the new constituent entities of the Russian Federation: Republic of Crimea and city of Federal importance Sevastopol]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian law journal*, 2017, no. 3 (106), pp. 305-307.

2. Konopleva A.A. Izmenenie religioznoy prinadlezhnosti kak aktual'naya tendentsiya religioznogo mirovozzreniya sovremennogo cheloveka [Change in religious affiliation as an actual trend of the religious outlook of modern man]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian law journal*, 2017, no. 4 (107), pp. 412-414.

3. Ignatov A.N., Kashkarov A.A. Ugrozy kriminologicheskoy bezopasnosti ekstremistskogo haraktera v Krymskom federal'nom okruge [Threats of criminological security of an extremist nature in the Crimean federal district]. *Ekstremizm i ego negativnoe vliyanie na uroven' natsional'noy bezopasnosti Rossii: kriminologicheskii i ekonomicheskii aspekty* [Extremism and its negative impact on the level of Russia's national security: criminological and economic aspects]. *Krasnodar*, 2015. Pp. 44-46.

4. Butkevich S.A., Konopleva A.A. Rol' i mesto obrazovatel'nykh organizatsiy v sisteme preduprezhdeniya terrorizma i ekstremizma [The role and place of educational institutions in the system of preventing terrorism and extremism]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Krasnodar University of the Russian MIA*, 2017, no. 2 (36), pp. 248-253.

5. Chudina-Shmidt N.V. Vliyanie tsennostey na snizhenie urovnya ekstremal'nogo povedeniya [Influence of values on reducing the level of extreme behavior]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice*, 2015, no. 11-2 (61), pp. 204-207.

6. Zhuravlenko N.I. Krymskaya informatsionnaya vojna [Crimean information war]. *Problemy perehodnogo perioda: adaptatsiya normativno-pravovykh aktov Krymskogo federal'nogo okruga k zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the transitional period: adaptation of the normative and legal acts of the Crimean Federal District to the legislation of the Russian Federation]. *Simferopol'*, 2015. Pp. 210-213.

7. Lebedev S.Ya. Kriminologicheskie predposylki i perspektivy nauchnogo obespecheniya razvitiya sistemy obshchestvennoy bezopasnosti v yuzhnom regione Rossii ("Novaya kriminologiya rossiyskogo yuga") [Criminological prerequisites and perspectives of scientific provision of public security system development in the southern region of Russia ("New criminology of the Russian south")]. *Sovremennyye problemy ugolovnoy politiki* [Contemporary problems of criminal policy]. *Krasnodar*, 2015. Pp. 95-103.

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
uzikhanovaeg@yandex.ru
Кафедра информационно-аналитического
и документационного обеспечения
деятельности органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
uzikhanovaeg@yandex.ru
Chair of information, analytical
and documentation support
of the internal affairs bodies activities;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С МИГРАЦИОННЫМИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Аннотация. В статье рассматривается социальная природа преступности, характеризующаяся рядом количественных и качественных показателей во взаимосвязи с миграционными и демографическими процессами. Проблемы изучения населения как единого целого объясняются разобщенностью современной науки. Раскрываются понятия тенденции и закономерности преступности. Основная тенденция преступности в различные периоды времени претерпевает некоторые изменения, выраженные как ростом (значительным или незначительным), так и соответствующим снижением. Эти изменения являются следствием определенных политических, социально-экономических факторов (изменения в законодательстве, криминализация, декриминализация ряда общественных отношений, изменения в сфере экономических отношений, демографические процессы – снижение рождаемости на фоне роста смертности населения, контролируемые и неконтролируемые миграционные процессы, переоценка системы морально-нравственных ценностей, утрата связи поколений и т.д.). Исследование статистических показателей позволило автору определить современные тенденции и закономерности преступности во взаимосвязи с миграционными и демографическими процессами. Например, снижение рождаемости привело к изменению количественно-качественной характеристики преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность; тенденции преступности; закономерности преступности; динамика преступности; удельный вес; миграционные процессы; демографические процессы; общество.

TRENDS AND PATTERNS OF CRIME IN THE RELATIONSHIP WITH MIGRATION AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

Annotation. The social nature of crime, characterized by a number of quantitative and qualitative indicators in the relationship with migration and demographic processes, is analyzed in the article. The problems of studying the population as a whole are explained by the disunity of modern science. The concepts of trends and patterns of crime are revealed. The main crime trend in different periods of time is undergoing some changes, expressed as an increase (significant or insignificant), as well as a corresponding decrease. These changes are the result of certain political, social and economic factors (changes in legislation, criminalization, decriminalization of a number of social relations, changes in the sphere of economic relations, demographic processes – fertility decline and rising mortality, controlled and uncontrolled migration processes, revaluation of the system of moral values, loss of intergenerational communication, etc.). The study of statistical indicators allowed the author to identify the current trends and patterns of crime in the relationship with migration and demographic processes. For example, the decline in the birth rate has led to a change in the quantitative and qualitative characteristics of juvenile delinquency.

Keywords: crime; crime trends; crime patterns; crime dynamics; proportion of crimes; migration processes; demographic processes; society.

Основным признаком, обуславливающим преступность, является ее социальная природа. Как любое социальное явление, преступность наделена рядом свойств, выраженных количественными и качественными признаками. Количе-

ственные признаки отражают состояние и динамику преступности. Состояние преступности выражает количество зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших, на конкретной территории в конкретное время (период времени). Состояние преступности обозначается в абсолютных показателях. Например, в Российской Федерации в 2017 году было зарегистрировано 2 058 500 преступлений и выявлено 967 103 лица, совершивших преступления*.

Отдельные сведения о состоянии преступности малоинформативны. Научно-теоретический и практический интерес представляет динамика преступности. Причем непрерывный временной ряд должен включать в себя не менее 5 лет. Исследуя динамику, необходимо помнить, что количество преступлений и лиц, их совершивших, не обязательно совпадает; кроме того, могут иметь место разнонаправленные тенденции.

При более детальном изучении состояния и динамики преступности есть необходимость обратиться к качественным признакам, раскрывающим структуру преступности как совокупности преступлений и лиц, их совершивших. Структура преступности – систематизированные статистические данные, представленные в виде, пригодном для анализа. Преступления могут группироваться по степени тяжести, по способу, месту и времени совершения и т.д. Сведения о выявленных лицах, совершивших преступления, группируются по полу, возрасту, занятости в момент совершения преступления (работающий, учащийся, временно безработный), по состоянию (алкогольное опьянение, наркотическое, токсическое возбуждение), по месту жительства (постоянные жители данной местности, жители другого региона, жители городской местности, сельской местности) и т.д. Структура выражается в абсолютных и относительных показателях (доля, удельный вес в процентах).

Например, в 2017 году на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 41 047 преступлений, что составило 3,7 % от числа расследованных преступлений.

Качественные признаки без рассмотрения в динамике так же, как и количественные, отражают всего лишь состояние преступности на определенном временном отрезке. Одним из наиболее объективных показателей, имеющих непосредственное отношение к нашему исследованию, является уровень (коэффициент) преступности. Уникальность данного показателя состоит в том, что с его помощью можно сопоставлять (сравнивать) преступность различных территорий (стран, областей, городов) в разные периоды времени, выстраивая, таким образом, целостную картину криминогенной пораженности. Коэффициент преступности представляет собой соотношение зарегистрированного количества преступлений и абсолютной численности населения:

$$КП = П \times 10^n / Н,$$

где КП – коэффициент преступности;
П – абсолютное число зарегистрированных преступлений;

Н – абсолютная численность населения;

10^n – масштаб.

Коэффициент преступности может быть рассчитан на 1 тысячу населения, на 10 тысяч населения и на 100 тысяч населения, тогда n (степень) будет равно соответственно 3, 4 и 5. Изменение коэффициента преступности на определенной территории за определенный период времени будет отражать не только ухудшение или улучшение криминогенной обстановки, но и изменение численности населения. И наоборот, изменение количественного и качественного состава населения найдет свое отражение в уровне преступности (табл. 1).

* Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/>

Таблица 1

Динамика уровня преступности в Российской Федерации*

Год	2013	2014	2015	2016	2017
Зарегистрировано преступлений всего (тыс.)	2206,2	2166,4	2388,5	2160,1	2058,5
Население** (млн)	143,3	143,7	146,3	146,5	146,8
КП на 100 тыс. населения	1539,1	1507,9	1633,0	1476,0	1402,2

Примечание: с 2014 года в сведениях о состоянии преступности учтены преступления, совершенные на территории Крымского федерального округа; с 2015 года в графе «население» отражены сведения с учетом численности населения Республики Крым и г. Севастополя.

Следует напомнить об основных требованиях к расчету коэффициента преступности. Показатели берутся применительно к одной территории и одному временно-му промежутку: сведения о состоянии преступности в нашем случае взяты по итогам каждого года отчетного периода, сведения о численности народонаселения Росстат, как правило, представляет по состоянию на 1 января календарного года.

Невозможно исследовать преступность, и тем более «бороться» с ней в отрыве от изучения состава численности народонаселения и населенной народом территории. Определяя допустимое количество преступлений, ученые, в первую очередь, обращаются к сведениям о численности населения изучаемой территории. Традиционно считается, что с ростом народонаселения соответственно возрастает и количество преступлений.

При этом, как отмечает В.В. Лунеев, во второй половине 50-х годов уголовная преступность в СССР начала изменяться не по «нашим», а по общемировым законам, открытым еще К. Марксом, который установил, что скорость роста преступности выше скорости численности народонаселения [1, с. 158]. О связи социальных процессов с ростом населения писал и С. Капица, отмечая при этом, что данная связь не линейна и в ней нет простой причинно-следственной зависимости роста и развития, предлагая рассматривать в данном случае все человечество как целое [2, с. 18]. Норвежский криминолог

Н. Кристи, пытаясь определить приемлемое (удобное) количество преступлений, приходит к печальной мысли, что «преступления не существует, пока специалисты – производители смыслов – не придадут данному поступку соответствующее значение, а уголовный суд не утвердит его в качестве нежелательного поступка, подпадающего под категорию преступления. Само понятие преступления – это всего лишь один из способов классификации совершаемых человеком предосудительных действий» [3, с. 20].

Организованное мировое сообщество, сознавая всю сложность детерминации преступного поведения, главными причинами считает социальные условия жизни в широком смысле, определяя в качестве ключевых положений тенденции и закономерности развития преступности. О необходимости изучения тенденций и закономерностей преступности в качестве предмета криминологии было впервые упомянуто в 1985 году [4, с. 3]. Следует отметить, что тенденции и закономерности преступности, выраженные абсолютными и относительными показателями, являясь отражением статистической совокупности социальных явлений, не представляют собой константу. Полученные результаты исследования, как правило, служат основанием для последующих, более детальных исследований. Изучение сведений о состоянии преступности последних лет свидетельствует о появлении качественно новых знаний, в том числе и о закономерностях преступности.

* URL: <https://мвд.пф/reports/item/12167987>

** URL: http://www.gks.ru/free_doc

Возникает так называемый статистический парадокс, когда в отсутствие объективных причин отмечается снижение преступности. Например, с 2013 года отмечается снижение количества зарегистрированных преступлений на фоне экономического кризиса и других факторов, не располагающих к улучшению криминогенной ситуации в стране в целом и в отдельных регионах. Прежние заявления маститых ученых о всевозрастающей преступности не находят своего отражения в статистических отчетах не только в современной Российской Федерации, но и в мировой практике. Следует заметить, что почему-то в диссертационных исследованиях в качестве одного из объяснений актуальности исследования соискатели приводят именно неуклонный рост преступности, хотя элементарный статистический анализ указывает в отдельные периоды на обратное, что также имеет исследовательскую ценность для установления факторов положительной динамики преступности. Согласно статистической теории динамического ряда показатели, его характеризующие, содержат в себе элементы необходимого и случайного [5, с. 135]. Необходимость проявляется в форме тенденции динамического ряда, случайность — в форме колебаний уровней относительно кривой, выражающей тенденцию. Тенденции (от лат. *tendentia* — направленность) преступности на основе динамики ее статистических показателей в целом и ее структурных составляющих определяют основную направленность развития преступности в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе, то есть преступность плюс фактор времени, отражая ретроспективу и настоящее, имеют значение для прогноза — определения будущего развития преступности.

Основная тенденция преступности в различные периоды времени претерпевает некоторые изменения, выраженные как значительным или незначительным ростом, так и соответствующим снижением. Эти изменения являются следствием определенных политических, социально-экономических факторов (изменения в законодательстве, криминализация, декриминализация ряда общественных отношений, изменения в сфере экономических отношений, демографические процессы

— снижение рождаемости на фоне роста смертности населения, контролируемые и неконтролируемые миграционные процессы, переоценка системы морально-нравственных ценностей, утрата связи поколений и т.д.). К числу мощных факторов, способных заметно усилить положительный тренд преступности в субъектах Российской Федерации, следует отнести также издержки, связанные с глобализацией, миграцией, безработицей и инфляцией. При этом «особое значение в структуре негативных последствий представляют криминогенные и иные криминологически значимые последствия глобализации, а ее криминогенность намного превышает ее антикриминогенные возможности» [1, с. 126]. Здесь В.В. Лунеев выделяет, в частности, такие проблемы, как: 1) проблема занятости и связанный с ней уровень жизни; 2) проблема рынков финансовых спекуляций в глобализирующемся мире; 3) проблема существенного снижения возможностей национальных правительств в управлении обществом, в предупреждении преступности и борьбе с ней [1, с. 127].

Преступность как социальное явление находится в неразрывной связи с населением. Население, в свою очередь, представляет собой количественное и качественное описание людей, проживающих на определенной территории. Проблемы изучения населения как единого целого объясняются разобщенностью современной науки. Экономист Ф. фон Хайек отмечает: «деление исследований общества на специализированные дисциплины привело к тому, что все наиболее существенные вопросы пренебрежительно относились к маргиналиям неясной философии развития мира» [2, с. 20].

Демографы традиционно отрицают подход к росту населения мира и развития человечества как к единому целому, как к развивающейся демографической системе, видя своей задачей установление связи роста населения с конкретными социальными и экономическими условиями в рамках отдельной страны с последующей рекомендацией по демографической политике. Именно это, по мнению С. Капицы, тормозило принятие глобального и феноменологического подхода и вытекающих из него выводов как для демографов,

так и для обществоведов, концептуально повязанных границами стран. Несмотря на то, что демография как наука «застолбилась» свое место еще в XIX в., в 2016 году была опубликована монография В.Д. Самойлова под названием «Миграциология. Конституционно-правовые основы» с целью становления миграциологии в качестве самостоятельной науки. Тем не менее в 1989 году авторским коллективом (М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хореев) уже была опубликована монография под названием «Миграциология», в которой указано на выделение ее в самостоятельную науку, отличную от демографии предметом исследования.

Опровергая единство понятий «демография» и «миграция», В.Д. Самойлов приводит в качестве аргументов следующее:

1) основные демографические процессы (смерть, рождение) для каждого человека носят одноразовый характер, но один и тот же мигрант может быть неоднократно участником практически всех миграционных процессов (эмигрировать, иммигрировать, вынужденно мигрировать, быть трудовым мигрантом, нелегальным мигрантом, реадмиссировать, менять постоянное место жительства в своей или зарубежной стране и т.д.);

2) воспроизводство людей совершается обычно внутри одной их совокупности (поселения), а для миграции характерны две совокупности людей (прибывшие – переселенцы (новоселы) и коренные жители поселения);

3) демографические процессы связаны с репродуктивным поведением людей для реализации их потребностей в создании семьи (детях, продлении рода); в миграционных процессах намерения и передвижения людей обусловлены изменениями их социально-экономического и гражданско-правового статуса в стране проживания (пребывания);

4) демографические характеристики людей неизменны в течение жизни (пол, национальность) или изменяются во времени (возраст). Основу миграционных процессов составляют переменные социальные характеристики (место проживания, образование, профессия, квалификация и т.д.);

5) демографическим процессам (рождение и смерть) каждого человека

присущ биологический характер. В миграционных процессах формирование намерений и передвижения людей по своей природе социально и обусловлено их социально-экономическими интересами (причинами);

6) миграционные процессы отличаются от демографических значительно большей зависимостью от воздействия объективных факторов, параметров социально-экономического развития страны (региона проживания (пребывания), от размещения производительных сил, перспектив развития региона, занятости населения, уровня заработной платы и т.д. [6, с. 7-8]. Примечательно, что учетом и демографических, и миграционных процессов занимается одна служба – Росстат.

В настоящее время исключительно возросла подвижность народов, сословий и людей. Как страны Азиатско-Тихоокеанского региона, так и другие развивающиеся страны охвачены мощными миграционными процессами. Перемещение населения происходит как внутри стран, в первую очередь из сел в города, так и между странами. Рост миграционных процессов по всему миру выражает его дестабилизацию [2, с. 102].

Предполагается, что рост народонаселения должен быть обусловлен благоприятными условиями, прежде всего экономическими. Однако это не совсем верно. Миграционные процессы и сами, в свою очередь, способствуют экономическому росту, как это было в XIX и XX вв. Пик прироста населения в Европе способствовал миграции в колонии и Новый Свет, а в России – в Сибирь и республики Советского Союза. Сейчас возникло обратное перемещение народов, существенно меняющее этнический состав «метрополии». В 1990 году на территорию Российской Федерации прибыло 913 223 мигранта из зарубежных стран, в 2016 году – 575 158. Больше количество прибывших из зарубежных стран было отмечено в 1994 году – 1 191 355 человек, в 2004 году (меньше всего за период с 1990 по 2016 год) – 119 157 человек. Миграционный прирост за указанный период снизился с 456 062 до 261 948 человек. По данным Росстата, всего по стране количество прибывших мигрантов снизилось с 5 176 332 до 4 706 411

человек*. Снижение миграционного потока на территорию Российской Федерации объясняется снижением экономической привлекательности и одновременно ужесточением миграционной политики государства, что нашло свое закономерное отражение и в уголовной статистике

* Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru>

(табл. 2). На протяжении последних 5 лет, несмотря на изменение абсолютного количества зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также гражданами государств – участников СНГ в сторону понижения, почти на одном уровне сохраняется удельный вес (доля).

Таблица 2

Динамика преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства

Год	2013	2014	2015	2016	2017
Иностранные граждане и лица без гражданства	46 984	45 538	48 210	43 933	41 047
Удельный вес, % от количества расследованных преступлений	3,8	3,8	3,7	3,7	3,7
В т.ч. граждане государств – участников СНГ	40 295	39 438	42 070	38 501	36 233
Удельный вес, % от количества расследованных преступлений	3,3	3,3	3,3	3,2	3,2

По мнению С. Капицы, в настоящее время мы имеем дело не только со взрывным развитием самоорганизующегося общества, но и с исчерпанием возможностей его количественного роста, доминировавшего в прошлом [2, с. 78]. При стабилизации населения мира дальнейшее развитие больше не может быть связано с численным ростом, поэтому следует проанализировать, по какому пути оно пойдет, не забывая поучительный пример Европы. Закономерности демографического перехода рассматривает и французский экономист Т. Пикетти: «...в определенный момент постоянного увеличения продолжительности жизни становится недостаточно для того, чтобы компенсировать падение рождаемости, вследствие чего происходит медленное возвращение к низким темпам роста населения» [7, с. 91].

Тем не менее миграционные процессы существуют со времен возникновения человечества, и явление это вполне объясняется определенными социально-экономическими факторами. Одним из таких факторов можно назвать демографическую составляющую. Демографическая статистика, выражая количественно-качественную характеристику населения, находит свое отражение и в статистике преступности.

Изучение тенденций и закономерностей преступности имеет свою обусловленность. Оно необходимо для установления и выявления как положительных, так и отрицательных факторов с целью оперативного корректирования комплекса профилактических мер соответствующими субъектами. Если в понятие тенденции помимо исследуемого параметра – преступности – включается фактор времени, то для установления закономерности фактор времени необязателен [8, с. 21]. Решающим фактором, обуславливающим тенденцию, является целенаправленная деятельность человека, а главной причиной колеблемости – отклонения уровней отдельных периодов времени от тенденции динамики – изменение условий жизнедеятельности.

На протяжении ряда лет общий показатель доли несовершеннолетних составлял от 9 до 10 % среди всех преступников, что в 2 раза больше удельного веса несовершеннолетних в структуре населения страны. По мнению международных экспертов, данный показатель представляется весьма значительным, поскольку считается, что для успешной борьбы с преступностью и для контроля ее основных показателей необходимо, чтобы доля несовершеннолетних

преступников составляла не более 4-5 %. Озабоченность специалистов вполне объяснима. Противоправное поведение подростков определяет развитие криминальной ситуации на 5-10 лет вперед [9, с. 548].

С 2003 по 2017 год количество несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, сократилось со 145 577 до 42 504* (на 71 %) (см. график).

Удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совер-

шивших преступления, с 2003 по 2017 год сократился соответственно с 11,8 % до 4,4 %, то есть почти в 3 раза (2,7) (см. табл. 3). Наиболее интенсивное снижение показателей по несовершеннолетним преступникам отмечается в период с 2007 по 2010 год. Примечательно, что возрастная группа от 15 до 19 лет также стремительно уменьшалась в численном выражении в указанный период: в 2007 году она составляла 11 244 человека, в 2008 году – 10 485, в 2009 году – 9650, в 2010 году – 8389 человек.

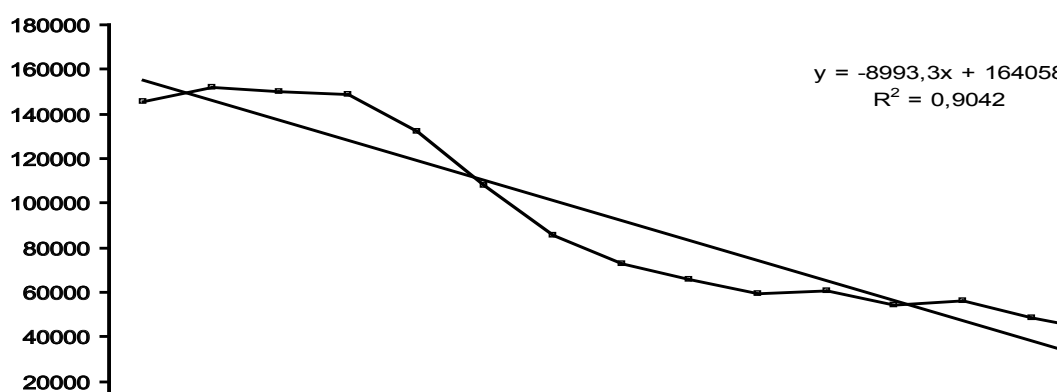

График. Динамика несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления

Таблица 3

Динамика выявленных лиц, совершивших преступления

Год	Всего выявлено лиц, совершивших преступления	В том числе несовершеннолетних	+/-	Удельный вес несовершеннолетних, %
2003	1 236 733	145 577	-	11,8
2004	1 222 504	151 890	6313	12,4
2005	1 297 123	149 981	-1909	11,6
2006	1 360 860	148 595	-1386	10,9
2007	1 317 582	131 965	-16 630	10,0
2008	1 256 199	107 890	-1 21 175	8,6
2009	1 219 789	85 452	-22 438	7,0
2010	1 111 145	72 692	-12 760	6,5
2011	1 041 340	65 963	-6729	6,3
2012	1 010 938	59 461	-6502	5,9
2013	1 012 563	60 761	1300	6,0
2014	1 006 003	54 369	-6392	5,4
2015	1 075 333	55 993	1624	5,2
2016	1 015 875	48 589	-7404	4,8
2017	967 103	42 504	-6085	4,4

* URL: <https://mvd.ru/upload/site1/>

Как следует из уравнения графика ($y = -8993,3x + 164\ 058$), в Российской Федерации ежегодно количество выявленных несовершеннолетних преступников снижается в среднем на 8993 – коэффициент при x – средняя величина изменения уровней ряда за единицу изменения времени, x в данном случае будет обозначать порядковый номер единицы периода времени – года, число 164 058 – свободный член уравнения, среднее значение выровненного уровня для периода времени, принятого за начало отсчета, в нашем случае отсчет ряда начинается с показателя 2003 года и не имеет особого криминологического смысла; коэффициент аппроксимации R^2 в дан-

ном случае демонстрирует максимальную приближенность линии тренда к графику фактического уровня ряда – 0,9042, чем ближе к единице, тем точнее. Данная уголовная статистика вполне коррелирует с демографической статистикой несовершеннолетних. По состоянию на 1 января с 2002 по 2018 год возрастная группа населения России от 10 до 14 лет уменьшалась с 10 406 до 7598 тысяч человек, возрастная группа от 15 до 19 лет – с 12 801 до 6816 тысяч человек. Для прогноза преступности несовершеннолетних будут иметь значение демографические показатели возрастных групп от 0 до 4 лет, от 5 до 9 лет и от 10 до 14 лет (см. табл. 4).

Таблица 4

**Динамика распределения населения по возрастным группам
(на 1 января, тысяч человек)***

Год	Все население	В том числе в возрасте, лет:			
		0-4	5-9	10-14	15-19
2002	145 167	6399	6941	10 406	12 801
2003	144 960	-	-	-	-
2004	144 134	6660	6762	9314	12 544
2005	143 801	6916	6583	8604	12 212
2006	143 236	7066	6511	7940	11 852
2007	142 863	7234	6503	7458	11 244
2008	142 748	7433	6638	7056	10 485
2009	142 737	7671	6783	6891	9650
2010	142 857	7968	7091	6610	8389
2011	142 865	8051	7117	6601	8237
2012	143 056	8380	7261	6567	7631
2013	143 347	8687	7441	6689	7152
2014	143 667	8899	7662	6823	6956
2015	146 267	9262	8004	7126	6829
2016	146 545	9512	8218	7254	6731
2017	146 804	9582	8558	7408	6690
2018	146 880	9347	8873	7598	6816

Выводы:

1. Преступность – явление социальное, наделенное рядом свойств, выраженных количественными и качественными характеристиками.

2. Тенденции и закономерности преступности неразрывно связаны с демогра-

фическими и миграционными процессами, отражающими количественно-качественную характеристику населения.

3. Изучение миграционных и демографических процессов имеет теоретическую и практическую значимость в части понимания закономерностей развития общества

* URL: <http://www.gks.ru>

(населения) как единого целого и выработ- ленных на минимизацию либо устранение
ки упреждающих комплексных мер, направ- вероятных предпосылок правонарушения.

Список литературы

1. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. 912 с.
2. Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. 192 с.
3. Кристи Н. Удобное количество преступлений / пер. с англ. Е. Матерновской; общ. ред и вступ. ст. Я.И. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2006. 184 с.
4. Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева [и др.]. М., 1985. 416 с.
5. Афанасьев В.Н., Юзбашев М.М. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник. М.: Финансы и статистика, 2001. 228 с.
6. Самойлов В.Д. Миграциология. Конституционно-правовые основы: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. 487 с.
7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
8. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: монография. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2007. 275 с.
9. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 800 с.

References

1. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii [Crime of the twentieth century: global, regional and Russian trends]. Moscow, 2005. 912 p.
2. Kapitsa S. Paradoxes of growth: The laws of human development]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2010. 192 p.
3. Kristi N. Udobnoe kolichestvo prestupleniy [A convenient number of crimes]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2006. 184 p.
4. Kurs sovetskoy kriminologii. Predmet. Metodologiya. Prestupnost' i ee prichiny. Prestupnik [The course of Soviet Criminology. Thing. Methodology. Crime and its causes. Criminal]. Moscow, 1985. 416 p.
5. Afanas'ev V.N., Yuzbashev M.M. Analiz vremennyh ryadov i prognozirovaniye [Time series analysis and forecasting]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2001. 228 p.
6. Samoylov V.D. Migratsiologiya. Konstitutsionno-pravovye osnovy [Migratsiology. Constitutional and legal framework]. Moscow, YuNITI-DANA: Zakon i pravo Publ., 487 p.
7. Piketti T. Kapital v XXI veke [Capital in the XXI century]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016. 592 p.
8. Yuzihanova E.G. Tendentsii i zakonomernosti prestupnosti v sub'ektah Rossiyskoy Federatsii [Trends and patterns of crime in the subjects of the Russian Federation]. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 275 p.
9. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2015. 800 p.

Раздел 6. Правоохранительная политика

<p>АЛЕКСЕЕВА А.П., кандидат юридических наук, доцент, alexeeva.va-mvd@yandex.ru Кафедра уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130</p>	<p>ALEKSEEVA A.P., Candidate of Legal Sciences, associate professor, alexeeva.va-mvd@yandex.ru Chair of Criminal Law of the educational and scientific complex of the preliminary investigation in the internal affairs bodies; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation</p>
---	--

<p>КРИВОШЕИН П.К., доктор юридических наук, профессор, volakdm@va-mvd.ru Кафедра уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130</p>	<p>KRIVOSHEIN P.K., Doctor of Legal Sciences, professor, volakdm@va-mvd.ru Chair of Criminal Law of the educational and scientific complex of the preliminary investigation in the internal affairs bodies; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation</p>
--	--

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ УСИЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Законотворческая работа в сфере противодействия коррупции в России осуществляется постоянно. В рамках данного направления в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был представлен очередной законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию». Его разработчики предлагают внести изменения в статью 204 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также дополнить его статьями 204.3, 291.3 и 291.4. Некоторые из имеющихся в законопроекте новелл аналогичны ранее принятым поправкам, регулирующим похожие правоотношения, в связи с чем в определенной степени уравнивают возникший в ходе законотворческой деятельности дисбаланс. Однако с отдельными положениями законопроекта согласиться сложно. Наибольшие дискуссии вызывает распространение действия статьи 204 Уголовного кодекса Российской Федерации на лиц, не выполняющих управленческие функции, — работников коммерческой или иной организации, а также новый термин «злоупотребление влиянием», который предлагается включить в статью 291.4 уголовного закона, в то время как законодательное закрепление термина «влияние» физического лица на должностное лицо отсутствует.

Ключевые слова: злоупотребление влиянием; коммерческий подкуп; взяточничество; уголовная ответственность; антикоррупционные обязательства.

LEGISLATIVE INITIATIVES IN THE FIELD OF STRENGTHENING THE CRIMINAL LIABILITY FOR COMMERCIAL BRIBERY AND BRIBERY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. In Russia, the legislative activity in the field of countering corruption is carried out constantly. Within the framework of these activities, the bill "On amendments to the Criminal Code of

the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to strengthen the responsibility for corruption” was introduced to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The legislators propose to make changes to Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to amend it by Articles 204.3, 291.3 and 291.4. Some of the novels in the draft law are similar to the previously adopted amendments regulating similar legal relations, and therefore they counterbalance the imbalance that has arisen in the course of legislative activity to a certain extent. However, it is difficult to agree with certain provisions of the bill. The greatest discussion is caused by applying the Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation to the persons who are not performing management functions – the employees of a commercial or other organization. Another reason for the discussion is a new term “abuse of influence”, which is proposed to be fixed in Article 291.4 of the Criminal Code, while there is no legislative enshrinement of the term “influence” of an individual person on an official.

Keywords: abuse of power and influence; commercial bribery; bribery; criminal liability; anti-corruption obligations.

27 июля 2017 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона N 235984-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности коррупцию» (далее – законопроект)*.

В законопроекте предлагается внести изменения в существующую статью 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также дополнить его новыми статьями 204.3, 291.3 и 291.4. Некоторые из имеющихся в законопроекте новелл схожи с ранее принятыми поправками, регулирующими подобные правоотношения, в связи с чем в определенной степени уравнивают возникший в ходе законотворческой деятельности дисбаланс. Отдельные же положения законопроекта носят абстрактный характер, что требует дополнительного изучения.

В пояснительной записке к законопроекту обосновывается необходимость модернизации УК РФ в связи с ратификацией Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от

27 января 1999 г.** и соответствующими международными обязательствами по приведению национального уголовного законодательства в соответствие с содержащимися в этой Конвенции положениями. Они направлены прежде всего на борьбу с активным и пассивным подкупом различных должностных лиц как в публичном, так и в частном секторе, а также злоупотреблением влиянием в корыстных целях.

Мониторинг имплементации антикоррупционных правовых инструментов Совета Европы, в том числе Конвенции, возложен на Группу государств против коррупции, которая учреждена Соглашением, принятым Резолюцией (99) 5 Комитета министров Совета Европы от 1 июня 1999 г.***

Российская Федерация является членом Группы государств против коррупции с 1 февраля 2007 г. В соответствии с ч. 6 ст. 15 Устава Группы государств против коррупции ее доклады могут содержать рекомендации, адресованные оцениваемым странам – участницам Группы государств против коррупции для улучшения их внутреннего законодательства и практики борьбы с коррупцией. При этом страны –

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию (об установлении ответственности за обещание, предложение и просьбу участия в коммерческом подкупе): законопроект N 235984-7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: сайт. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/235984-7>

** Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 янв. 1999 г. (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 20. Ст. 2394; О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: федер. закон от 25 июля 2006 г. N 125-ФЗ // Там же. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3424.

*** Резолюция (99) 5 Комитета министров Совета Европы от 1 июня 1999 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso

участницы Группы государств против коррупции отчитываются перед этой организацией о мерах, принятых во исполнение данных рекомендаций. Правилами процедур Группы государств против коррупции предусмотрены санкции за невыполнение рекомендаций вплоть до направления в страну, не выполняющую рекомендации, миссии высокого уровня и опубликования официального заявления о невыполнении страной взятых на себя антикоррупционных обязательств.

По мнению разработчиков законопроекта, реализация рекомендаций Группы государств против коррупции является для Российской Федерации обязательной и постоянно формулируется в качестве одной из задач в национальных планах противодействия коррупции. Так, подпунктом «б» п. 3 Национального плана противодействия коррупции на 2016-2017 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. N 147*, соответствующее поручение было дано Генеральной прокуратуре Российской Федерации совместно с Министерством иностранных дел Российской Федерации. Необходимость выполнения рекомендаций Группы государств против коррупции по итогам третьего раунда оценки в отношении Российской Федерации также вытекает из поручения Президента Российской Федерации от 8 ноября 2016 г. N Пр-2161**. Таким образом, анализируемый законопроект подготовлен в целях реализации ряда рекомендаций Группы государств против коррупции, данных по итогам третьего раунда оценки в Российской Федерации национального законодательства и практики борьбы с коррупцией по теме «Криминализация преступных деяний».

Законопроектом предусматривается внесение в УК РФ изменений, направленных на уточнение положений, касающихся привлечения к ответственности за подкуп

* О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы: указ Президента Российской Федерации от 1 апр. 2016 г. N 147 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Поручение Президента Российской Федерации от 8 нояб. 2016 г. N Пр-2161 // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/53384>

в различных его проявлениях. Например, статью 204 УК РФ «Коммерческий подкуп» предлагается дополнить частями 1.1 и 5.1, криминализируя передачу и, соответственно, получение денег, ценных бумаг, иного имущества и т.д. не только лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, в смысле примечания к статье 201 УК РФ (как это есть сейчас), но и любым «работником коммерческой или иной организации», в том числе «за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица». Думается, позиция разработчиков законопроекта в этом случае выглядит довольно спорно.

Во-первых, деяния, о которых идет речь в действующей редакции ст. 204 УК РФ, небезосновательно относятся к «преступлениям коррупционной направленности», включенным в список «безусловно коррупционных деяний» [1, с. 18] перечня N 23 указания Генпрокуратуры России N 870/11, МВД России N 1 от 27 декабря 2017 г. «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»***, в который кроме этой нормы входят ст.ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст.ст. 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст.ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ. Следовательно, «коррупционность» деяний, предусмотренных перечнем N 23, обусловлена наличием в них в качестве субъекта преступления лиц, наделенных властными, управленческими полномочиями в смысле примечаний к ст. 201 и ст. 285 УК РФ. Предлагаемые в законопроекте изменения противоречат этому устоявшемуся принципу, поскольку к «работникам коммерческой или иной организации» фактически относятся любые сотрудники, даже не наделенные властными, управленческими полномочиями, с которыми заключен трудовой договор или имеется иное согла-

*** О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России N 870/11, МВД России N 1 от 27 дек. 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шение о выполнении трудовых функций. Их деяния нельзя будет рассматривать как «коррупционные», соответственно, смешение в одной статье составов коррупционных и некоррупционных преступлений нецелесообразно.

Более того, в предлагаемых новых частях 1.1 и 5.1, равно как и в действующей редакции ст. 204 УК РФ, будет криминализован коммерческий подкуп «за совершение действий (бездействие), которые входят в служебные полномочия подкупаемого лица». Если с «лицами, наделенными властными или управленческими полномочиями» понятен механизм совершения этого преступления, то с «работниками» ситуация более сложная. Например, подкуп уборщицы в целях ее бездействия и загрязнения пространства помещений организации или электрика в целях его бездействия и невыполнения своевременной замены лампочек в служебных помещениях тоже может быть рассмотрен как «коммерческий» подкуп. Вряд ли с такой позицией разработчиков законопроекта можно согласиться, поскольку степень общественной опасности этих деяний весьма сомнительна.

Во-вторых, предлагая криминализировать подкуп «работников» в рамках уголовно-правовой защиты интересов службы в коммерческих и иных организациях, за границами внимания остаются аналогичные действия в рамках уголовно-правовой защиты государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Таким образом, согласно законопроекту подкуп «работника» органа государственной власти обладает меньшей степенью общественной опасности, чем такие же деяния, совершенные в коммерческих и иных организациях. Думается, подобные перекосы недопустимы в рамках законотворческой деятельности либо нуждаются в дополнительных пояснениях, которых на сегодняшний день нет в пояснительной записке к законопроекту.

На наш взгляд, любые некоррупционные деяния в этой сфере вообще не следует криминализировать [2, с. 653], отнеся их к разряду административных правонарушений или дисциплинарных проступков. С данным предложением законопроекта нельзя согласиться.

Следующее предложение законопроекта касается дополнения УК РФ новыми статьями 204.3 и 291.3 в части установления уголовной ответственности за «обещания, предложения или просьбы» участия в коммерческом подкупе или принятия либо передачи предмета взятки соответственно. Подобные термины для УК РФ не являются новыми, поскольку коррупционные «обещания, предложения или просьбы» в ограниченном объеме уже были ранее криминализованы Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*. Так, частью 4 ст. 204.1 УК РФ была установлена уголовная ответственность за обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе, а частью 5 ст. 291.1 УК РФ — за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. При этом ответственность за обещания, предложения или просьбы об участии в коммерческом подкупе или принятии либо передаче предмета взятки (ст.ст. 204.3 и 291.3 УК РФ) дифференцируется в зависимости от размера предмета подкупа или взятки.

Полагаем, настоящим нововведением разработчики законопроекта планируют восполнить образовавшийся пробел, когда уголовная ответственность за «обещания, предложения или просьбы» посредничества в коммерческом подкупе и посредничества во взяточничестве уже введена, а за «обещания, предложения или просьбы» непосредственного участия в коммерческом подкупе или принятия либо передачи предмета взятки — нет. Данная инициатива авторов законопроекта, на наш взгляд, в целом заслуживает одобрения. Однако его формулировки, как и прежде, сложно признать удачными.

Обещание в рассматриваемом контексте представляется в законопроекте как обязательство, согласие кого-либо что-либо выполнить или, напротив, не делать. Предложение — как заявление о готовности или желании предоставить кого-либо, что-либо в чье-либо распоряжение, упо-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4257.

требление, услужить кому-либо, пойти на что-либо. Просьба, в свою очередь, подразумевает обращение к кому-нибудь, склоняющее кого-нибудь удовлетворить какие-нибудь нужды, исполнить какое-нибудь желание того, кто просит.

Обещание, предложение, сговор с уголовно-правовой точки зрения — это стадия неоконченного преступления — приготовление к совершению преступления. В настоящее время в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ «Приготовление к преступлению и покушение на преступление» «уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям». Следовательно, далеко не все деяния, предусмотренные ст.ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ, могут быть квалифицированы на стадии приготовления как преступления, поскольку не являются тяжкими или особо тяжкими. В связи с этим предложенные в законопроекте ст.ст. 204.3 и 291.3 УК РФ являются фактической попыткой обойти действующие нормы кодекса, установить исключения, криминализировать частные, по общему правилу не криминальные случаи, что, по нашему мнению, не совсем правильно, нарушает системность и логику построения всего кодекса.

Последнее нововведение, предлагаемое законопроектом, связано с дополнением УК РФ статьей 291.4 «Злоупотребление влиянием», название и содержание которой вызывают серьезные возражения.

Понятие «влияние» подразумевает целенаправленное воздействие и манипулирование поведением некоего лица [3, с. 47; 4, с. 10; 5, с. 51]. Соответственно, «злоупотребление влиянием» — это чрезмерное использование возможностей манипулирования поведением лица [6, с. 72; 7, с. 28]. Таким образом, «разумное» воздействие и манипулирование поведением другого человека вполне допустимо с точки зрения разработчиков законопроекта. В то же время превышение этого «разумного» предела уже должно караться нормами уголовного закона. Возникает вполне обоснованный вопрос об определении данной границы «дозволенного», переступить которую запрещает вводимая законопроектом в УК РФ статья 291.4. Думается, указанный вопрос находится за рамками

уголовного права, поэтому и термин «злоупотребление влиянием» вряд ли применим в этой отрасли знаний.

Содержание предлагаемой в законопроекте статьи 291.4 УК РФ так же, как и ее название, имеет довольно дискуссионный характер.

Часть 1 этой нормы криминализует «согласие физического лица использовать свое влияние на принятие решения должностным лицом...». При этом остаются нерешенными многие вопросы.

Во-первых, не ясно, должна ли выражаться процедура оценки полученного согласия в словах, или в действиях, или в жестах, а также то, каким образом их истолковать. Одновременно следует учитывать психологические моменты, когда возможна неправильная интерпретация «согласия»: добивающийся согласия может быть уверен в том, что оно получено, тогда как тот, у кого оно должно быть получено, уверен в том, что он его не давал. Более того, чтобы избежать ссоры, вражды, иногда людям проще пообещать и ничего не сделать, чем открыто отказать и тем самым спровоцировать конфликт.

Во-вторых, неоднозначна оценка степени влияния физического лица на принятие решения должностным лицом.

С одной стороны, физическое лицо может быть уверено, что имеет влияние на должностное лицо. Между тем должностное лицо мнения физического лица не учитывает и принимает все решения, руководствуясь исключительно собственными убеждениями.

С другой стороны, физическое лицо может не догадываться, что имеет влияние на должностное лицо. При этом случайный разговор между ними может спровоцировать неосознанное изменение решения должностного лица в пользу просившего такое влияние оказать.

В любом случае установить наличие степени влияния физического лица на принятие решения должностным лицом, отделив таким образом этот состав преступления от иных (например, от мошенничества), будет крайне сложно. Еще более сложно будет доказать причинно-следственную связь между согласием физического лица использовать свое влияние на принятие решения должностным лицом,

реализацией этого «влияния» и принятым должностным лицом решением. Необходимо вспомнить известную аксиому: «post hoc ergo propter hoc» (лат. — «после этого — не значит вследствие этого»). Возникает вопрос о возможности достоверного установления того, принято ли решение вследствие оказанного физическим лицом влияния на должностное лицо, или нет. Представляется, что данная норма в предложенной редакции «обречена» на невосстановимость правоприменителем в силу невозможности ее четкой реализации [8].

Часть 2 предлагаемой в законопроекте статьи 291.4 УК РФ также содержит противоречия.

Если частью 1 ст. 291.4 УК РФ криминализируется «согласие» без передачи денег и имущества, «просьба или согласие» оказать влияние на принятие решения должностным лицом «в связи с передачей, предложением или обещанием денег, ценных бумаг, иного имущества...», то частью 2 ст. 291.4 УК РФ криминализируется «незаконная передача, предложение или обещание физическому лицу лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества... с целью использовать его влияние на принятие решения должностным лицом».

Таким образом, в ч. 1 ст. 291.4 УК РФ речь идет о «законных» «передаче, предложении или обещании денег, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного либо неимущественного характера, имущественных либо неимущественных прав». Однако возможен вопрос об иных неправомерных преимуществах для него или для других лиц, указанных в конце части 1.

Из текста чч. 1 и 2 ст. 291.4 УК РФ следует, что необходимость акцентирования внимания на «незаконности» передачи всех указанных благ в ч. 2 отсутствует,

это чрезмерное запрещение одного и того же действия. Соответственно, в нем отсутствует смысл.

Более того, возникает вопрос о том, всегда ли получающим указанные в статье 291.4 Уголовного кодекса Российской Федерации блага осознается цель, преследуемая тем, кто их передает, — «использовать влияние физического лица на принятие решения должностным лицом». Согласно формулировке статьи предполагается, что передающий планирует в будущем использовать влияние физического лица на принятие решения должностным лицом. Однако необходимость в таком влиянии может вообще не наступить. Представляется проблематичным установление преследуемой виновным цели.

Совокупность поставленных вопросов позволяет говорить о преждевременности внесения настоящего законопроекта для рассмотрения Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. Несмотря на убежденность его разработчиков в том, что «принятие проекта будет способствовать повышению эффективности противодействия взяточничеству и иным коррупционным преступлениям, достижению целей наказания в отношении лиц, совершивших такие преступления», думаем, что законопроект нуждается в серьезной доработке и пересмотре основных его положений. Полагаем, упомянутая обязательность реализации рекомендаций Группы государств против коррупции не должна провоцировать поспешность и необдуманность. Изменения уголовного законодательства, безусловно, нужны, но их реализация должна осуществляться с учетом всего действующего законодательства, а также требований времени, необходимости и достаточности данных мер для воздействия на существующую в стране коррупцию.

Список литературы

1. Егорова Н.А. Служебные преступления: учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Волгоградская академия государственной службы, 2011. 84 с.
2. Абезин Д.А., Алексеева А.П. Законодательные запреты как одно из направлений противодействия коррупции среди государственных гражданских служащих в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. N 4. С. 652-660.
3. Алексеева А.П. Спортивная криминология: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017. 324 с.

4. Тумаркина Л.П. Коммерческий подкуп: монография / под науч. ред. О.С. Капинус. М.: Камерон, 2005. 176 с.
5. Бабий Н.А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 720 с.
6. Смоляная Н.Г. Проблемы определения взяточничества уголовным законодательством Российской Федерации. Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. ун-та культуры и искусств, 2009. 127 с.
7. Качмазов О.Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву / под науч. ред. А.И. Рагога. Владикавказ: Иростон, 2000. 216 с.
8. Алексеева А.П. Антикоррупционная политика государства: достоинства и недостатки // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. N 1. С. 44-49.

References

1. Egorova N.A. Sluzhebnye prestupleniya [Service crimes]. Volgograd, Volgograd Academy of Public Administration, 2011. 84 p.
2. Abezin D.A., Alekseeva A.P. Zakonodatel'nye zaprety kak odno iz napravleniy protivodeystviya korruptsii sredi gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih v Rossii [Legislative prohibitions as one of the ways to counter corruption among public civil servants in Russia]. Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological magazine of the Baikal state University of Economics and law, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 652-660.
3. Alekseeva A.P. Sportivnaya kriminologiya [Sports criminology]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 324 p.
4. Tumarkina L.P. Kommercheskiy podkup [Commercial bribery]. Moscow, Cameron Publ., 2005. 176 p.
5. Babiy N.A. Kvalifikatsiya vzyatochnichestva po ugovolnomu pravu Belarusi i Rossii [Qualification of bribery under the criminal law of Belarus and Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 720 p.
6. Smolyanaya N.G. Problemy opredeleniya vzyatochnichestva ugovolnym zakonodatel'stvom Rossiyskoy Federatsii [Problems of definition of bribery by the criminal legislation of the Russian Federation]. Krasnodar, Publishing house of the Krasnodar state university of culture and arts, 2009. 127 p.
7. Kachmazov O.H. Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo po rossiyskomu ugovolnomu pravu [Responsibility for bribery on the Russian criminal law]. Vladikavkaz, Iriston Publ., 2000. 216 p.
8. Alekseeva A.P. Antikorruptsiionnaya politika gosudarstva: dostoinstva i nedostatki [Anti-Corruption policy of the state: advantages and disadvantages]. Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii – Library of criminal law and criminology, 2016, no. 1, pp. 44-49.

СУМАЧЕВ А.В., доктор юридических наук, профессор, alekssumachev@mail.ru Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75; Кафедра уголовного права и уголовного процесса; Югорский государственный университет, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16/4	SUMACHEV A.V., Doctor of Legal Sciences, professor, alekssumachev@mail.ru Chair of administrative activity of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049; Chair of criminal law and criminal procedure; Ugra State University, Chekhov St. 16/4, Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation
БЫЗОВА И.Г., i_byzova@ugrasu.ru Кафедра уголовного права и уголовного процесса; Югорский государственный университет, 628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16/4	BYZOVA I.G., i_byzova@ugrasu.ru Chair of criminal law and criminal procedure; Ugra State University, Chekhov St. 16/4, Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРОЦЕСС ПОТРЕБЛЕНИЯ ВРЕДНЫХ ВЕЩЕСТВ: КАЧЕСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье определяются нормы, предусматривающие административную и уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, в процесс потребления табака, в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ и склонение несовершеннолетних к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Отмечается, что они не вполне соотносятся друг с другом в части предмета правонарушений (преступлений), способов и систематичности вовлечения несовершеннолетних в процесс потребления вредных веществ, а также определения субъекта анализируемых деяний. Предлагаются правила квалификации вовлечения несовершеннолетнего в потребление новых потенциально опасных психоактивных веществ. Доказывается необходимость расширения предмета правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 6.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, посредством замены понятия «табак» на понятие «табачные изделия». Для формирования единой научной позиции и правоприменительной практики представляется целесообразным определение в исследуемых нормах уголовного и административно-деликтного законодательства примерного перечня способов вовлечения (склонения) несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ.

Ключевые слова: несовершеннолетний; потребление вредных веществ; вовлечение; административная ответственность; уголовная ответственность; качество законодательства.

RESPONSIBILITY FOR INVOLVING A MINOR IN THE PROCESS OF CONSUMPTION OF HARMFUL SUBSTANCES: QUALITY OF LEGISLATIVE DECISIONS AND AREAS OF IMPROVEMENT

Annotation. The authors of the article analyze the rules providing for administrative and criminal liability for the involvement of a minor in the process of consumption of alcohol products and

products containing alcohol, new potentially dangerous psychoactive substances or intoxicants, tobacco, systematic consumption (drinking) of alcohol products and products containing alcohol, intoxicants, as well as inducing juveniles to use narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. It is noted that these rules do not fully correlate with each other in terms of the subject of offences (crimes), ways and methods of involving children in the process of consumption of harmful substances, as well as determining the subject of the analyzed acts. The rules for qualifying the involvement of a minor in the consumption of new potentially dangerous psychoactive substances are proposed. The need to expand the subject of the offence provided by Part 1 of Article 6.23 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation by replacing the concept of "tobacco" with the concept of "tobacco products" is proved. In order to form a unified scientific opinion and law enforcement practice, it seems appropriate to determine an approximate list of ways of involving (inducing) a minor in the process of consumption of harmful substances in the studied rules of criminal and administrative and tort legislation.

Keywords: minor; consumption of harmful substances; involvement; administrative responsibility; criminal liability; quality of legislation.

В современном мире имеется множество факторов, оказывающих вредное воздействие на здоровье человека. И это не только внешние факторы, влияние которых на организм человека не зависит от воли человека (например, неблагоприятная окружающая среда). Вредные вещества могут попасть в продукты питания и, соответственно, в организм, а также употребляются человеком, зная об их вреде, сознательно (табачные изделия, алкоголь, наркотические средства, психотропные вещества).

В частности, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в современном мире табак убивает до половины потребляющих его людей. Ежегодно табак приводит почти к 7 млн случаев смерти, более 6 млн из которых происходит среди потребителей и бывших потребителей табака и более 890 000 — среди некурящих людей, подвергающихся воздействию вторичного табачного дыма. Если не будут приняты срочные меры, то число ежегодных случаев смерти в связи с потреблением табака к 2030 году может превысить 8 млн [1]. Полагаем, что неслучайно отрицательное отношение большей части населения России к потреблению табака было определено исторически сложившимся мировоззрением. Так, по мнению О.Ю. Винниченко и Д.Е. Аржиловского, «В XVII веке, во время первой волны распространения табакокурения в России, значительную роль в жизни государства приобрело духовенство, представители которого впервые выдвинули идею противостояния этому явлению» [2, с. 80].

Не менее вредные последствия вызывает употребление алкоголя. В частно-

сти, по данным Всемирной организации здравоохранения, от чрезмерного употребления алкоголя в год умирает около 2,5 млн человек, причем эти показатели ежегодно увеличиваются. По причинам, так или иначе связанным с употреблением алкоголя, ежегодно умирает 320 тыс. молодых людей (лиц в возрасте 15-29 лет), что составляет практически 9 % от всех случаев смерти в данной возрастной группе. Употребление алкоголя влияет и на уровень суицида — среди пьющих число самоубийств в 80 раз больше в сравнении с лицами, ведущими трезвый образ жизни. Кроме того, по данным пресс-службы МВД России, в среднем 80 % убийств совершается в состоянии опьянения [3].

Сказанное выше приобретает особую актуальность в связи с тем, что в современном обществе достаточно распространенным явлением является деятельность взрослых по вовлечению несовершеннолетних в процесс потребления вредных веществ.

В частности, согласно данным МВД России, в среднем в Российской Федерации ежегодно число выявленных административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.23 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака», составляет не более 2 тысяч [4]. Более того, в настоящее время в отдельных регионах Российской Федерации отмечается некоторое снижение числа правонарушений, связанных с вовлечением несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ. Например, в Частином районе Пермского края за 9 месяцев 2016 г. было рассмотрено 7 административных дел об административных правонарушениях,

предусмотренных ч. 1 ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции», и 8 дел по ч. 1 ст. 6.23 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака». За 9 месяцев 2017 г. было рассмотрено 5 административных дел по ч. 1 ст. 6.10 КоАП РФ и 1 дело по ч. 1 ст. 6.23 КоАП РФ [4]. Несмотря на эти показатели, совершенно обоснованной видится криминализация (деликтивизация) такого рода поведения взрослых.

Предваряя анализ вопросов ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ, следует указать нормы, устанавливающие такую ответственность. Речь идет об административной и уголовной ответственности:

— за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ);

— вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака (ст. 6.23 КоАП РФ);

— вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. В нашем случае это систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ (ст. 151 УК РФ);

— склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенное в отношении несовершеннолетнего (п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ).

Относительно качества законодательных решений определения оснований ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ отметим, что указанные выше нормы не вполне соотносятся друг с другом (а также со схожими нормами КоАП РФ и УК РФ) в части:

1) предмета правонарушений (преступлений);

2) способов вовлечения несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ и систематичности вовлечения;

3) определения субъекта правонарушений (преступлений).

Рассматривая вопрос о предмете правонарушений (преступлений), следует акцентировать внимание на том, что ст. 6.10 КоАП РФ устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ. В свою очередь, в ст. 151 УК РФ, предусматривающей вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, указывается на систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, исключая в данном случае уголовную ответственность за вовлечение в систематическое употребление потенциально опасных психоактивных веществ.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» «новые потенциально опасные психоактивные вещества — это вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен»*. В соответствии с п. 1 ст. 2.2 указанного Федерального закона в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен, включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. Решение о включении вещества в Реестр принимается федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел (п. 4 ст. 2.2). Исключение нового потенциально опасного психоактивного вещества из Реестра осуществляется по решению федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел после установления в отношении этого вещества санитарно-эпидемиологических требований либо мер контроля за его оборотом (п. 9 ст. 2.2).

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 2. Ст. 219.

Иными словами, новые потенциально опасные психоактивные вещества — это ни что иное, как аналоги наркотических средств или психотропных веществ. Однако при склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) не требуется систематичность. Даже первичное склонение, под которым понимаются любые умышленные действия (уговоры, предложения, дача советов и др.), ориентированные на возбуждение у другого человека желания их потребить, а равно обман, оказание психического или физического воздействия с целью принуждения к потреблению указанных выше средств [5, с. 848], образует состав преступления. Таким образом, даже если имело место разовое вовлечение несовершеннолетнего в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ, деяние должно квалифицироваться по ст. 230 УК РФ, а не по ст. 6.10 КоАП РФ.

С целью устранения указанной коллизии норм представляется необходимым исключить из ч. 1 ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ» слова «новых потенциально опасных психоактивных веществ».

Несколько незавершенным является определение предмета административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.23 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака». Это связано с тем, что законодательное определение термина «табак» достаточно узкое и означает лишь «растение рода *Nicotiana* семейства пасленовых видов *Nicotiana Tabacum*, *Nicotiana Rustica*, возделываемое в целях получения сырья для производства табачных изделий»*. Следует указать, что здесь подразумевается не вовлечение в процесс потребления табачной продукции, так как согласно п. 22 ст. 2 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. N 268-ФЗ «Технический регла-

* Пункт 1 ст. 2 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. N 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6223).

мент на табачную продукцию» табачная продукция определяется как «табачное изделие, упакованное в потребительскую тару». Следовательно, «табачное изделие» — категория более широкая. Не все табачные изделия для потребления упаковываются в потребительскую тару (например, заворачиваются в бумагу, как сигарета); допустимо их потребление в виде смеси (например, снюс, табак жевательный, табак нюхательный, насвай).

Следовательно, под предметом административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.23 КоАП РФ в действующей редакции, следует понимать «табачные изделия — продукты, полностью или частично изготовленные из табачного листа в качестве сырьевого материала, приготовленного таким образом, чтобы использовать для курения, сосания, жевания или нюханья» (п. 3 ст. 2 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. N 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию»). К табачным изделиям относятся: курительные табачные изделия; сигарета и сигарета с фильтром или без фильтра; сигара; сигарилла (сигарита); папироса; табак для кальяна, курительный тонкорезанный, трубочный; биди; кретек; снюс; табак жевательный; табак нюхательный; насвай).

Нет сомнений в том, что любое табачное изделие представляет вред для здоровья несовершеннолетнего. В связи с этим для того, чтобы избежать коллизий в правоприменении, представляется целесообразным в названии и диспозиции ч. 1 ст. 6.23 КоАП РФ слово «табака» заменить на словосочетание «табачных изделий».

Другое существенное замечание к качеству законодательного определения рассматриваемых деяний (правонарушений или преступлений) касается способов вовлечения несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ и его систематичности. В рассматриваемых статьях законодатель использует лишь термины «вовлечение» (ст.ст. 6.10, 6.23 КоАП РФ, ст. 151 УК РФ) и «склонение» (ст. 230 УК РФ). Конкретные способы вовлечения и склонения в «простых» (не квалифицированных, предусмотренных ч. 3 ст. 151 и п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ) составах законодатель не указывает.

Термин «вовлечь» в русском языке означает побудить, привлечь к участию

в чем-либо [6, с. 88]. Следовательно, вовлечение есть целенаправленная деятельность, ориентированная на то, чтобы вызвать у человека желание совершить тот или иной поступок.

В абзаце 3 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» определяется, что под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий»*. Соответственно, вовлечение — это целенаправленная деятельность, ориентированная на то, чтобы несовершеннолетний фактически употребил алкогольную и спиртосодержащую продукцию, одурманивающие вещества или табачные изделия, а возникновение у несовершеннолетнего соответствующего желания совсем не обязательно, так как способы вовлечения могут быть различными.

Следует отметить также, что в ст. 20 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. N 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»** установлен запрет продажи табачной продукции несовершеннолетним. Однако если продавец продал несовершеннолетнему покупателю табачную продукцию, то такое деяние не следует оценивать как вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака, поскольку в КоАП РФ имеется специальная норма — ст. 14.53 «Несоблюдение ограничений и нарушение запретов в сфере торговли табачной продукцией и табачными изделиями», частью 3 которой предусмотрена административ-

ная ответственность за продажу несовершеннолетнему табачной продукции или табачных изделий. Следовательно, вышеуказанные действия продавца не могут одновременно квалифицироваться и по ст. 6.23 КоАП РФ как вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака. Однако можно констатировать, что вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака может быть осуществлено такими способами, как покупка или передача ему табачных изделий или табачной продукции, в связи с чем следует внести в ст. 6.23 КоАП РФ соответствующие дополнения.

Представляется целесообразным определить в рассматриваемых нормах (ст.ст. 6.10, 6.23 КоАП РФ, ст.ст. 151 и 230 УК РФ) хотя бы примерный перечень способов вовлечения (склонения). Дело в том, что это может способствовать единообразию не только в части научных воззрений, но и в сфере правоприменения.

Необходимо также определить момент окончания правонарушения, предусмотренного ст. 6.10 КоАП РФ. Как представляется, время окончания данного правонарушения не следует соотносить с моментом, когда несовершеннолетний дал согласие на употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ. Дело в том, что вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной продукции в действительности может состоять в следующем: взрослый тайно добавляет во фруктовый сок вино или винный напиток и предлагает его несовершеннолетнему для употребления. Несовершеннолетний, не подозревая о произведенном смешивании вина с соком, выпивает предложенный напиток. Следовательно, ввиду общественной вредности самого поведения взрослых (лиц, достигших 18-летнего возраста) момент окончания вовлечения несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ следует соотносить со временем начала вовлечения. Другими словами, в вышеприведенном примере сам факт добавления во фруктовый сок вина или вин-

* Рос. газ. 2011. 11 февр.

** Там же. 2013. 26 февр.

ного напитка в целях предоставления его несовершеннолетнему для употребления уже образует состав анализируемого правонарушения. Соответствующим образом необходимо определять момент окончания при иных способах вовлечения:

– предложение употребить – с момента предложения (словесного или в форме жестов);

– уговоры – с момента начала «угроvarивания»;

– обещание какой-либо выгоды – с момента предложения и формулирования возможных выгод;

– угроза – с момента выражения угрозы (словесной или в форме жестов);

– покупка для несовершеннолетних либо передача им вредных веществ – с момента фактической передачи.

Необходимо также указать, что административно наказуемое деяние образуют разовое или повторное вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ).

В свою очередь, вовлечение в систематическое употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ следует квалифицировать по ч. 1 ст. 151 УК РФ. При этом вовлечение в систематическое употребле-

ние (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ означает, что действия по вовлечению совершались не менее трех раз и, как правило, в течение непродолжительного времени.

Применительно же к вовлечению несовершеннолетнего в процесс потребления табака (табачных изделий) (ст. 6.23 КоАП РФ), а равно склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (новых потенциально опасных психоактивных веществ) (ст. 230 УК РФ) систематичность не требуется.

Необходимо заметить, что конкретный возраст субъекта административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.10 КоАП РФ, не определен. Однако здесь следует признать положительным опыт законодателя в части определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, – вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, «совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Данный опыт следует распространить и на ст.ст. 6.10 и 6.23 КоАП РФ, закрепив в диспозициях частей первых указанных статей формулировку «совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста».

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения: глобальный веб-сайт. URL: <http://www.who.int> (дата обращения: 10 дек. 2018 г.).

2. Винниченко О.Ю., Аржиловский Д.Е. Проблемы правового регулирования оборота табачной продукции в России: историко-правовой аспект // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. N 4 (4). С. 77-86.

3. Полезное знание: информационный портал. URL: <http://poleznoeznanie.ru/3819.htm> (дата обращения: 17 окт. 2018 г.).

4. Чагинский муниципальный район Пермского края: официальный сайт. URL: <https://чагинскиймр.рф/index.php> (дата обращения: 10 декабря 2018 г.).

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009. 1301 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.

References

1. Vsemirnaya organizatsiya zdavoohraneniya: global'niy veb-sayt [World health organisation. Global website]. Available at: <http://www.who.int> (Accessed December 10, 2018).

2. Vinnichenko O.Yu., Arzhilovskiy D.E. Problemy pravovogo regulirovaniya oborota tabachnoy produktsii v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt [Problems of legal regulation of tobacco products turnover in Russia: historical and legal

aspect]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research, 2015, vol. 1, no. 4 (4), pp. 77-86.

3. Poleznoe znanie: informatsionny portal [Useful knowledge. Information portal]. Available at: <http://poleznoeznanie.ru/3819.htm> (Accessed October 17, 2018).

4. Chastinskiy munitsipal'niy rayon Permskogo kraja: ofitsial'niy sayt [Chastinsky municipal district of the Perm region: the official site]. Available at: <https://частинскиймр.рф/index.php> (Accessed December 10, 2018).

5. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt Publ., 2009. 1301 p.

6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow, A TEMP Publ., 2004. 944 p.

САХАРОВА Е.Г.,
кандидат юридических наук,
сахarowaewgenia@mail.ru
Кафедра организации расследования
преступлений и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

SAKHAROVA E.G.,
Candidate of Legal Sciences,
saxarowaewgenia@mail.ru
Chair of crime detection and forensics;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РОСФИНМОНИТОРИНГА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация. Вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма являются актуальными в современном обществе. С целью их разрешения создана глобальная система противодействия данному преступному явлению. Российская Федерация является одним из государств – участников межправительственной организации «Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег» (ФАТФ). В Российском государстве создана система противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, включающая правоохранительный блок, субъекты которого выполняют специфические задачи по выявлению, пресечению и расследованию соответствующих преступлений. Эффективность деятельности правоохранительных органов зависит от налаженного взаимодействия с Федеральной службой по финансовому мониторингу, которое начинается с этапа возбуждения уголовного дела и может продолжаться на протяжении всего процесса расследования уголовного дела. Данные государственные органы осуществляют взаимный обмен информацией о сомнительных операциях лиц, деятельность которых имеет признаки легализации доходов, полученных преступным путем. В статье рассмотрены критерии оценки востребованности правоохранительными и надзорными органами результатов финансовых расследований. Выявлены проблемы и недостатки взаимодействия правоохранительных органов и Росфинмониторинга, предложены способы их устранения.

Ключевые слова: легализация; правоохранительные органы; Росфинмониторинг; финансовое расследование; противодействие преступности.

THE USE OF THE CAPABILITIES OF ROSFINMONITORING BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES DURING THE INVESTIGATION OF THE LEGALIZATION OF PROCEEDS OF CRIME

Annotation. The issues connected with counteracting the legalization (laundering) of proceeds of crime and terrorism financing are topical issues in modern society. In order to solve these problems, the global system to counter this criminal phenomenon has been created. The Russian Federation is one of the member states of the intergovernmental organization “The Financial Action Task Force on Money Laundering” (FATF). The system for combating the laundering of proceeds of crime and terrorism financing, including the law enforcement system, the subjects of which perform specific tasks to identify, suppress and investigate relevant crimes, has been established in the Russian state. The effectiveness of law enforcement agencies activities depends on the established cooperation with the Federal Financial Monitoring Service, which starts from the stage of the initiation of a criminal case and can continue throughout the whole criminal investigation process. These state bodies carry out mutual exchange of information on suspicious transactions of the persons whose activities can be connected with the legalization of proceeds of crime. The criteria for assessing the relevance of the results of financial investigations by law enforcement agencies and supervisory authorities are discussed in the article. The problems and shortcomings of the interaction between law enforcement agencies and Rosfinmonitoring have been revealed, the ways of their elimination are proposed.

Keywords: legalization; law enforcement agencies; Rosfinmonitoring (Federal Financial Monitoring Service of the Russian Federation); financial investigation; counteracting crime.

Проблема легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма актуальна не только для Российского государства. Она приобрела международный и трансграничный характер.

За январь – август 2018 г. в Российской Федерации было выявлено 757 фактов (увеличение по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. составило 48,7 %) легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, либо приобретенных другими лицами преступным путем. Из них предварительно расследовано 525 преступлений (увеличение на 18 %)*. Данная официальная статистика подтверждает тот факт, что криминальная экономика имеет тенденцию к развитию, подрывая тем самым финансовую устойчивость государства, способствует укреплению преступного контроля над экономикой страны и обеспечивает системное финансирование организованной преступности.

Важным шагом в борьбе с трансграничной организованной преступностью явилось создание глобальной системы противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма – ПОД/ФТ. С целью выработки единого подхода, единой политики и осуществления согласованных действий в борьбе с отмыванием доходов, полученных преступным путем, Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) разработаны и внедрены соответствующие международные стандарты. С июня 2003 г. Российская Федерация является одним из государств – участников ФАТФ.

Нахождение в списке членов ФАТФ связано с определенными требованиями к результативности деятельности государств-участников, которая оценивается со стороны международного сообщества. Например, в 2019 г. будет проведен четвертый раунд плановых проверок ФАТФ в ряде стран, в том числе в Российской

Федерации**. В рамках проверки планируется проанализировать эффективность применения норм ПОД/ФТ. В частности, применительно к деятельности правоохранительных органов это такие направления, как налаженное и эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Росфинмониторинга по выявлению фактов легализации доходов, полученных преступным путем; наличие у компетентных органов информации о бенефициарах компаний; количество обвинительных приговоров по легализации доходов, полученных преступным путем, и др. Иными словами, проверка будет направлена не на техническую составляющую и организационные вопросы деятельности, а на достижение определенной совокупности результатов деятельности в сфере реализации требований системы ПОД/ФТ.

В Российской Федерации с октября 2005 г. в рамках деятельности в составе ФАТФ действует Межведомственная комиссия по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в состав которой в настоящее время входит более десяти различных заинтересованных министерств и ведомств. Указанная комиссия разработала план мероприятий по реализации Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма***.

Существующая в Российской Федерации система противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, состоит из двух элементов, каждый из которых имеет свой субъектный состав, специфические задачи и особенности правового регулирования. В указанной системе одну из важных позиций занимает правоохранительный блок. Его основное

** Годовые отчеты // Росфинмониторинг: официальный сайт. URL: <http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports>

*** Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: утв. Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru>

* Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://mvd.ru>

предназначение реализуют правоохранительные органы, на которые возложена обязанность выявления, пресечения и расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем.

Все вышеизложенное свидетельствует о значимости деятельности правоохранительных органов по борьбе с отмыванием доходов, полученных преступным путем, так как она является одной из составляющих мировой системы организации борьбы с преступлениями в рассматриваемой сфере.

Обязанность межведомственной координации деятельности субъектов правоохранительного блока возложена на Федеральную службу по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг), которая в целях решения задачи противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, включая международное сотрудничество в данной сфере, согласует взаимодействие субъектов правоохранительного блока и финансового мониторинга.

По данным Росфинмониторинга, за период с января по ноябрь 2017 г. в данную службу от правоохранительных органов поступило более 3,8 тысяч запросов, в связи с которыми проведено более 3 тысяч финансовых расследований и возбуждено более 360 уголовных дел, в том числе по выявленным фактам отмывания денежных средств – 25. По результатам рассмотрения уголовных дел в суде вынесено 76 обвинительных приговоров. Кроме того, в процессе расследования уголовных дел коррупционной направленности наложен арест на сумму более 3,6 млрд рублей, по уголовным делам, связанным с легализацией, – на сумму более 2,2 млрд рублей [1].

Исходя из главных целей, которых должна достичь система ПОД/ФТ, а также вышеприведенных направлений отчетности, возможно выделить наиболее актуальные задачи совместной деятельности Росфинмониторинга и правоохранительных органов:

- повышение востребованности правоохранительными и надзорными органами результатов финансовых расследований;
- проведение расследования таких деяний, как отмывание доходов, получен-

ных преступным путем, и финансирование терроризма;

- конфискация доходов, полученных преступным путем, и средств совершения преступлений.

Критериями оценки востребованности правоохранительными и надзорными органами результатов финансовых расследований является количество запросов правоохранительных органов в Росфинмониторинг по вопросам совершения определенными лицами, подозреваемыми в отмывании доходов и совершении предикатных преступлений, операций с денежными средствами и иным имуществом, имеющих признаки подозрительных, а также о наличии информации об операциях, имеющих запутанный характер. Ожидаемым результатом осуществления Росфинмониторингом финансового расследования является предоставление инициаторам запроса максимально полной информации обо всех сделках проверяемого лица, имеющих признаки сомнительности, а также бенефициарах проверяемых лиц.

Показатели востребованности результатов финансовых расследований зависят также от результатов их использования как источника информации при возбуждении уголовного дела. Такие результаты могут применяться при возбуждении уголовных дел по фактам совершения предикатных преступлений, а также преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ.

Анализируя сущность данного показателя, следует отметить, что результаты финансовых расследований не могут быть непосредственно использованы в качестве повода для возбуждения уголовного дела и, соответственно, ссылаться на такую информацию как на доказательство для органов предварительного расследования недопустимо. Это объясняется рядом причин, к числу которых относится:

1. Аналитический характер предоставляемых результатов финансовых расследований. Сущность деятельности Росфинмониторинга заключается в получении информации о подозрительных операциях и операциях, подлежащих обязательному контролю, от финансовых организаций, в том числе кредитных, нефинансовых организаций и физических лиц, индивидуальных предпринимателей и отдельных

категорий лиц (адвокатов, нотариусов и индивидуальных предпринимателей, работающих в сфере оказания юридических и бухгалтерских услуг)*. Росфинмониторинг обрабатывает и анализирует полученную информацию с целью выявления признаков, дающих основание предполагать наличие связи между финансовыми операциями и легализацией полученных преступным путем доходов, а также финансированием терроризма. Установив такие связи, Росфинмониторинг передает информацию в правоохранительные и налоговые органы. Однако передаваемые в правоохранительные органы материалы, как было отмечено, носят аналитический характер и могут быть использованы следственными подразделениями только в качестве ориентирующей информации при выдвижении версий; определении источников получения информации о финансовой деятельности проверяемого субъекта; определении перечня оригиналов банковских и иных документов, подлежащих изъятию; организации деятельности по наложению ареста на денежные вклады и имущество виновных лиц; а также в целом при планировании расследования и производстве отдельных следственных действий.

Оценивая информацию Росфинмониторинга, сотрудники органов предварительного расследования должны учитывать, что данный орган получает данные от подотчетных организаций и, следовательно, у него нет в наличии первичных документов, удостоверяющих осуществление операций проверяемыми субъектами, и такая информация не может подтвердить юридический факт.

2. Непроцессуальный характер проведения финансовых расследований, осуществляемых Росфинмониторингом. В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ собирание доказательств должно осуществляться надлежащим субъектом, то есть следователем, дознавателем, прокурором и судом, в ходе производства следственных и иных процессуальных действий. В связи с тем, что в УПК РФ не предусмотрено финансовое

* Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу: указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. N 808; ред. от 8 марта 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 25. Ст. 3314; 2016. N 11. Ст. 1522.

расследование, отсутствует также процессуальная форма его назначения, проведения и получения результатов органами предварительного расследования. Как отмечают исследователи, это исключает использование полученных результатов применительно к актам ревизии в качестве допустимых доказательств [2, с. 31; 3, с. 37].

Таким образом, результаты финансовых расследований, предоставляемые Росфинмониторингом, не могут быть непосредственно использованы в качестве прямых доказательств по уголовным делам. На данную информацию недопустимо ссылаться как на доказательство в процессуальных документах. Они также не могут использоваться в уголовном деле в качестве косвенных доказательств, поскольку, как справедливо отмечают Ю.В. Шелегов и С.Г. Загорьян, косвенные доказательства «непосредственно и есть факты или фактические данные», указывающие на возможность существования каких-либо явлений и событий [4, с. 37]. Кроме того, сообщение из Росфинмониторинга не является поводом для возбуждения уголовного дела, однако оно может содержать в себе информацию, позволяющую сделать вывод о наличии данных, указывающих на признаки преступлений и наличие оснований для привлечения лица к уголовной ответственности по ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, либо об их отсутствии. Предоставленное заключение вместе с материалами, собранными при проверке сообщения о преступлении, возможно использовать при возбуждении уголовного дела по фактам легализации доходов, полученных преступным путем.

3. Конфиденциальность информации. Действующее законодательство** не предус-

** О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. N 115-ФЗ; ред. от 23 апр. 2018 г. // Рос. газ. 2001. 9 авг.; 2018. 25 апр.; Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем: приказ Генпрокуратуры России N 309, МВД России N 566, ФСБ России N 378, ФСКН России N 318, ФТС России N 1460, Следственного комитета при прокуратуре РФ N 43, Росфинмониторинга N 207 от 5 авг. 2010 г. // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2010. N 3-4.

матривает предоставление другим государственным органам Российской Федерации, организациям и гражданам информации, полученной Федеральной службой по финансовому мониторингу. Кроме того, подобная информация не должна находиться в общедоступных источниках, в том числе не подлежит опубликованию, а также размещению в сети Интернет.

Предоставляемая в Росфинмониторинг информация используется данным органом только для выполнения внутренних задач при осуществлении деятельности в пределах возложенных на данный орган полномочий.

В исключительных случаях (см. ст. 8 Федерального закона от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма») при наличии достаточных оснований, свидетельствующих об относимости операции к легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма, указанный орган направляет соответствующую информацию и материалы в правоохранительные или налоговые органы в соответствии с их компетенцией. Исключение составляет передача информации в правоохранительные и налоговые органы.

Кроме того, в соответствии со статьей 8.1 указанного законодательного акта уполномоченный орган обязан в целях противодействия коррупции предоставлять руководителям (должностным лицам) федеральных государственных органов, перечень которых определяется Президентом Российской Федерации, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации (руководителям высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и Председателю Центрального банка Российской Федерации по их запросам, направленным в порядке, установленном Президентом Российской Федерации, имеющуюся у него информацию.

Необходимо отметить, что согласно ст. 8 Федерального закона от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» работники уполномоченного

органа (Росфинмониторинга) при исполнении указанного законодательного акта обеспечивают сохранность ставших им известными сведений, связанных с деятельностью уполномоченного органа, составляющих служебную, банковскую, налоговую, коммерческую тайну или тайну связи, и несут установленную законодательством Российской Федерации ответственность за разглашение этих сведений.

Пункт 10 Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, гласит, что сотрудники правоохранительных органов и Росфинмониторинга, участвующие в информационном взаимодействии, обязаны обеспечить конфиденциальность получаемой и предоставляемой информации. Установленный порядок работы с информацией определяется необходимостью обеспечения сохранности банковской и иной охраняемой законом тайны. Росфинмониторинг относится к числу субъектов, имеющих доступ к информации, составляющей банковскую тайну, и получающих ее без судебного решения. В рамках деятельности отечественной системы ПОД/ФТ не предусмотрен специальный порядок раскрытия охраняемой законом тайны.

Наличие законодательных ограничений на передаваемые сведения не означает, что такая информация совсем не может быть использована в уголовном судопроизводстве. Соответствующая процедура рассекречивания, то есть легализации материалов, предусмотрена в рамках оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности с изъятиями, установленными законодательством.

Как отмечает Н.В. Тугаринов, сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел при производстве такого оперативно-розыскного мероприятия, как наведение справок, имеют возможность по своим запросам получить банковскую информацию в отношении подозреваемых лиц без судебного решения и без непосредственного обращения в финансовые учреждения. Также следует отметить, что «подобная схема получения оперативно значимой информации обладает преимуществом с точки зрения оперативности и

удобства направления запросов в одну организацию по всему кругу лиц, попавших в орбиту оперативного интереса» [5].

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что информация, содержащаяся в заключении, выносимом специалистами Росфинмониторинга по результатам финансовых расследований, требует процессуального закрепления. Как отмечают О.А. Суров и Л.П. Климович, «для обоснования цели совершения финансовых сделок и операций... целесообразно получение заключения специалиста и его допрос, а для этого необходимо привлечь в качестве специалиста сотрудника межрегионального управления Федеральной службы по финансовому мониторингу» [6, с. 41].

В случае соблюдения процедуры легализации информации, полученной оперативными подразделениями от Росфинмониторинга, и подтверждения ее процессуальными способами результаты финансовых расследований могут быть использованы в качестве источников информации для формирования доказательств по уголовным делам. Подобная практика «сопровождения» уголовного дела сотрудником Росфинмониторинга, осуществляющим финансовое расследование, существует в Омской области, где в качестве доказательств были использованы заключения специалиста и судебного эксперта-экономиста и по результатам судебного рассмотрения уголовных дел вынесены обвинительные приговоры по ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ [6, с. 41-43].

Следующим показателем, свидетельствующим о востребованности в деятельности правоохранительных и надзорных органов результатов финансовых расследований, является проведение расследования отмыкания доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма во взаимодействии с Росфинмониторингом.

Эффективность данного показателя зависит от итогов использования ответов указанного органа на запросы, направляемые сотрудниками органов предварительного расследования и оперативными подразделениями ОВД. В данном случае важное значение имеет качество и содержание направляемых в Росфинмониторинг запросов, основные требования к которым предусмотрены в Инструкции по организа-

ции информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем.

Представляется возможным выделить следующие недостатки во взаимодействии в форме направления и исполнения запросов:

- направляемые правоохранительными органами запросы по своему содержанию не позволяют осуществить полную и качественную проверку лиц;

- не указывается, в чем конкретно заключаются противоправные действия виновных;

- отсутствие в запросах факта предикатного преступления;

- указание в запросах в качестве цели расследования только установления объема совершенных виновным лицом безналичных денежных операций и наличия сомнительных сделок без связи с легализацией или конкретным преступлением;

- отсутствие в запросах сведений об объемах похищенного, позволяющих выявить взаимосвязь операций с легализацией денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем;

- при запросе сведений о счетах физических и юридических лиц не указывается их привязка к каким-либо сведениям о получении ими преступного дохода, совершении предикатного преступления, фактические обстоятельства проверки;

- не указываются либо определены слишком широко периоды совершения преступлений; отсутствует информация о предполагаемых связях проверяемых лиц, в том числе с юридическими лицами или общественными организациями.

Совокупность обозначенных недостатков при составлении запросов в Росфинмониторинг является причиной их возврата инициатору проверки без рассмотрения и принятия в работу в связи с отсутствием информации, на основании которой возможно сделать вывод о том, что результатом совершения противоправных действий проверяемых лиц является получение дохода преступным путем.

Некачественный обмен информацией имеет место также на стадии проведения углубленных финансовых расследований, так как после направления материалов по

результатам расследований инициаторам проверок в адрес Росфинмониторинга не поступает дополнительная информация, либо поступающая информация не позволяет получить представление о том, используются ли результаты проверки в раскрытии и расследовании преступлений, или в поступающей информации не усматриваются основания для проведения дополнительного финансового расследования.

Другими словами, негативной тенденцией, влияющей на снижение уровня востребованности результатов финансовых расследований, является то, что у инициаторов запросов, то есть сотрудников органов предварительного расследования или оперативных подразделений органов внутренних дел, нет обратной связи с Росфинмониторингом. Пункт 17.2.1 действующей межведомственной Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, предусматривает обязанность информирования Росфинмониторинга со стороны правоохранительных органов о результатах рассмотрения материалов и расследования уголовных дел в случаях использования результатов финансовых расследований. Однако на практике такое информирование либо не производится совсем, либо отзывы правоохранительных органов содержат стандартные формулировки, носящие формальный характер (например: «используется для проведения проверки в отношении фигуранта запроса», «полученная информация учтена при проведении оперативно-розыскных мероприятий»). В результате исполнители запросов не имеют возможности в дальнейшем координировать проведение финансовых расследований и получить какое-либо представление об установлении размера дохода, полученного преступным путем, и обстоятельств его получения, которые можно было бы использовать для продолжения финансовых расследований. Отсутствие обратной связи также исключает широкое использование возможностей Росфинмониторинга, в том числе по международному сотрудничеству с подразделениями финансовых разведок иных государств.

Применительно к роли Росфинмониторинга в организации деятельности пра-

воохранительных органов по конфискации доходов, полученных преступным путем, и средств совершения преступлений следует отметить, что возможности отыскания с целью последующего изъятия добытых преступным путем активов и иного имущества виновных лиц у данной структуры гораздо шире, чем у правоохранительных органов.

Например, согласно имеющимся в открытом доступе источникам информации с использованием данных межрегионального управления Росфинмониторинга по Уральскому федеральному округу была осуществлена конфискация имущества по приговору суда на сумму около 12 млн рублей, наложен арест на сумму более 27 млн рублей, осуществлено возмещение денежных средств и имущества на сумму более 25 млн рублей*.

Подводя итог, следует отметить, что правоохранительные органы в лице сотрудников органов предварительного расследования и оперативных подразделений являются важной составляющей единой мировой системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Во взаимодействии с Федеральной службой по финансовому мониторингу правоохранительные органы выполняют обязанности по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с легализацией преступных доходов.

С целью использования в доказывании по уголовным делам информации, предоставленной Росфинмониторингом по результатам финансовых расследований, органам предварительного расследования необходимо подтвердить выявленные факты процессуальным (легитимным) способом. Кроме того, справки, предоставляемые по результатам финансовых расследований, могут быть использованы в уголовных делах в качестве источников информации для формирования доказательств, но с предусмотренными законодательством изъятиями, касающимися обеспечения сохранности банковской и иной охраняемой законом тайны.

Эффективность использования правоохранительными и надзорными органами

* Итоговое совещание по результатам работы МРУ Росфинмониторинга по УФО в 2014 г. URL: <http://www.fedsfm.ru/yfo/news/1462>

результатов финансовых расследований, а также повышение оценки востребованности получаемой информации зависит от правильности и полноты составляемых запросов и своевременных ответов. В связи с этим сотрудникам органов внутренних дел, истребующим информацию из Росфинмониторинга и использующим ее в своей деятельности, при организации взаимодействия с указанным органом рекомендуется четко следовать требованиям Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, по составлению запросов и использованию ответов на них в раскрытии и расследовании преступлений. В частности, в обязательном поряд-

ке должны составляться отзывы на ответы Росфинмониторинга, содержащие информацию о том, выявлению каких фактов способствовали результаты финансовых расследований, а именно: какие лица, причастные к расследуемым событиям, были дополнительно установлены; какие операции процессуально подтверждены и какими документами и т.д.

Таким образом, вышеуказанные направления совместной деятельности субъектов, входящих в национальную систему ПОД/ФТ, будут способствовать формированию оценки эффективности деятельности заинтересованных органов в воспрепятствовании вывода активов в теневую экономику и осуществлению профилактической деятельности по борьбе с экономической преступностью.

Список литературы

1. Интервью заместителя директора Федеральной службы по финансовому мониторингу // Росфинмониторинг: официальный сайт. URL: <https://pasm.ru/archive/201867/> (дата обращения: 20 нояб. 2018 г.).
2. Рохлин В., Данилова Н., Николаева Т. Использование специальных бухгалтерских знаний при расследовании экономических преступлений // Законность. 2006. N 4. С. 29-31.
3. Шейфер С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ: шаг вперед? // Государство и право. 2004. N 12. С. 35-42.
4. Шелегов Ю.В., Загорьян С.Г. Классификации косвенных доказательств: основания, теоретическая и практическая значимость // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. N 3 (74). С. 67-73.
5. Тугаринов Н.В. Использование возможностей Росфинмониторинга в оперативно-розыскном обеспечении установления имущества, подлежащего конфискации // Аллея науки. 2018. N 3 (19). URL: <http://Alley-science.ru> (дата обращения: 20 нояб. 2018 г.).
6. Суrow О.А., Климович Л.П. Использование результатов финансовых расследований в раскрытии легализации преступных доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. N 2 (23). С. 37-45.

References

1. Interv'y u zamestitelya direktora Federal'noy sluzhby po finansovomu monitoringu [Interview of the Deputy Director of the Federal Service for Financial Monitoring]. Rosfinmonitoring: ofitsial'niy sayt [Rosfinmonitoring: official site]. Available at: <https://pasm.ru/archive/201867/> (Accessed November 20, 2018).
2. Rohlin V., Danilova N., Nikolaeva T. Ispol'zovanie spetsial'nykh buhgalterskiykh znaniy pri rassledovanii ekonomicheskikh prestupleniy [The use of special accounting knowledge in the investigation of economic crimes]. Zakonnost' – Legality, 2006, no. 4, pp. 29-31.
3. Sheyfer S.A. Obnovlenie pravovoy reglamentatsii dokazyvaniya po UPK RF: shag vpered? [Updating the legal regulation of evidence under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: a step forward?]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2004, no. 12, pp. 35-42.
4. Shelegov Yu.V., Zagor'yan S.G. Klassifikatsii kosvennykh dokazatel'stv: osnovaniya, teoreticheskaya i prakticheskaya znachimost' [Classification of indirect evidence: grounds, theoretical and practical significance]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 3 (74), pp. 67-73.
5. Tugarinov N.V. Ispol'zovanie vozmozhnostey Rosfinmonitoringa v operativno-rozysknom obespechenii ustanovleniya imushchestva, podlezhashchego konfiskatsii [Using the possibilities of Rosfinmonitoring in the operational-search support for the establishment of property subject to confiscation]. Alleya nauki – Science Alley, 2018, no. 3 (19). Available at: <http://Alley-science.ru> (Accessed November 20, 2018).
6. Surov O.A., Klimovich L.P. Ispol'zovanie rezul'tatov finansovykh rassledovaniy v raskrytii legalizatsii prestupnykh dohodov, poluchennykh ot nezakonnogo oborota narkotikov [Using the results of financial investigations in the disclosure of the legalization of criminal proceeds from drug trafficking]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii – Bulletin of the Siberian Law Institute Federal Drug Control Service of Russia, 2016, no. 2 (23), pp. 37-45.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

КАЙГОРОВОВА О.С., кандидат юридических наук, kaigorodoff@mail.ru
Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

KAYGORODOVA O.S., Candidate of Legal Sciences, kaigorodoff@mail.ru
Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАВИСИМОГО, БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИБО ИНЫХ ПРИЧИН, ПО КОТОРЫМ ЛИЦО НЕ МОЖЕТ ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Аннотация. Возбуждение уголовных дел частного обвинения происходит по заявлению потерпевшего, его законного представителя. Однако если соответствующее преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, то уголовное дело возбуждает руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель. Анализ действующего законодательства, правоприменительной практики, точек зрения ученых показал, что неопределенность действующей редакции части 4 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации негативно отражается на своевременности реагирования и принятии законных и обоснованных решений по делам частного обвинения. В связи с этим автором статьи выделяются объективные и субъективные критерии зависимого или беспомощного состояния либо иных причин, по которым потерпевший не может защищать свои права и законные интересы. Беспомощное состояние потерпевшего по делам частного обвинения предлагается понимать как психическое и (или) физическое состояние потерпевшего, в силу которого он на протяжении времени, необходимого для защиты своих прав и законных интересов, не может активно осуществлять указанные действия.

Ключевые слова: беспомощное состояние; зависимое состояние; потерпевший; дознаватель; защита прав; уголовное судопроизводство; уголовное дело частного обвинения.

THE CHARACTERISTICS OF DEPENDENT OR HELPLESS STATE OR OTHER REASONS FOR WHICH THE PERSON CAN NOT PROTECT HIS RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

Annotation. The initiation of criminal cases involving private prosecution starts by the request of the victim or his legal representative. However, if the crime was committed against a person who, due to his dependent or helpless state or for other reasons cannot protect his rights and legitimate interests, the criminal case is initiated by the head of the investigative body, the investigator, or the interrogating officer (with the consent of the prosecutor). The analysis of the current legislation, law enforcement practice and scientists' points of view showed that the uncertainty of the current wording of Part 4 of Article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation negatively affects the timeliness of response and taking legitimate and reasoned decisions on private prosecution cases. In this regard, the author of the article distinguishes the objective and subjective criteria of a dependent or helpless state or other reasons for which the victim cannot protect his rights and legitimate interests. It is proposed to define helpless state of a victim in cases involving private prosecution as the mental and (or) physical state of the victim, by virtue of which he cannot actively protect his rights and legitimate interests during the time required for it.

Keywords: helpless state; dependent state; victim; investigator; protection of rights; criminal proceedings; private prosecution case.

Основной задачей органов предварительного расследования является предотвращение, раскрытие и расследование преступлений. Вместе с тем часть уголовных дел отнесена к делам частного обвинения и бремя сбора доказательств по ним возложено на пострадавшую сторону. Речь идет об уголовных делах о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

В соответствии со ст. 318 УПК РФ уголовные дела частного обвинения возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд. Как представляется, это не способствует защите прав и интересов потерпевших по данной категории дел. Далеко не все граждане готовы отстаивать свои права в суде самостоятельно. Причин этому достаточно много: большие временные затраты; расходы, связанные с необходимостью получения консультаций специалистов; отсутствие убежденности в достижении результата и т.д.

Между тем на законодательном уровне была предпринята попытка защитить отдельные категории граждан, возложив бремя доказывания по делам частного обвинения на правоприменительные органы. К данным категориям отнесены лица, которые в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не могут защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). К иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором не известны (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Последняя ситуация представляется самостоятельной и выходит за пределы настоящей статьи, в связи с чем рассматриваться не будет.

Неоднозначность толкования состояний потерпевшего, в силу которых он не может защищать свои права и законные интересы, указанные в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, повлекла за собой многочисленные дискуссии. Вместе с тем четкое понимание круга лиц, которые в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не способны защищать свои права и законные интересы, позволит правоприменительным органам своевременно реагировать и принимать законные и обоснованные решения по делам частного обвинения.

Решение вопроса о том, кого же относить к лицам, которые в силу зависимого или беспомощного состояния не могут защищать свои права и законные интересы, на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела является ключевым. Действующее законодательство не дает ответа на этот вопрос. Некоторую ясность вносит постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»* (далее – Постановление Пленума). Однако содержащиеся в Постановлении Пленума формулировки размыты, четкие критерии отсутствуют. С одной стороны, это обеспечивает определенную свободу действий для правоприменителя по отнесению того или иного состояния к зависимому или беспомощному либо к иным причинам, по которым лица не могут защищать свои права и законные интересы. С другой стороны, неопределенность формулировки является причиной, не позволяющей с уверенностью сделать вывод о состоянии потерпевшего.

Зависимое или беспомощное состояние потерпевшего по делам частного обвинения, указанным в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, относится скорее к оценочным, субъективным критериям по отношению к потерпевшему. В связи с этим каждый случай необходимо рассматривать индивидуально. И.А. Чердынцева отмечает, что «при возбуждении дел частного обвинения следователем, а также дознавателем с согласия прокурора необходимо каждый раз оценивать и подтверждать доказательствами зависимое или беспомощное состояние потерпевшего, а также случаи, когда лицо не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Иначе возбуждение уголовного дела частного обвинения следователем или дознавателем нельзя будет признать законным»

* О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. N 17: ред. от 16 мая 2017 г. // Рос. газ. 2010. N 147; Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

[1, с. 124]. Правоприменительная практика в решении этого вопроса ориентируется на точки зрения, высказанные в научной литературе, а также на уже вынесенные судебные решения.

Зависимое состояние. В пункте 28 Постановления Пленума к зависимому состоянию отнесена материальная и иная зависимость потерпевшего от лица, совершившего преступление.

Импонирует точка зрения П.С. Долгополова, который к материальной зависимости, указанной в Постановлении Пленума, добавляет служебную и любую другую зависимость, препятствующую подаче потерпевшим соответствующего заявления [2].

О.А. Волторнист и Е.Е. Забуга полагают, что зависимое состояние потерпевшего может определяться отношениями, сложившимися между ним и лицом, совершившим посягательства. Такая зависимость может сложиться на почве родственных отношений, обуславливаться подчиненностью по службе, а также определяться групповыми взаимоотношениями и т.п. [3, с. 58].

Правоприменители придерживаются аналогичной точки зрения, отмечая при этом важность установления и подтверждения в ходе проверки сообщения о преступлении фактов зависимого состояния потерпевшего, иных причин, по которым он не может самостоятельно воспользоваться своими правами. Отсутствие этих фактов исключает осуществление уголовного преследования по делам частного обвинения органом предварительного расследования.

Справедливо отмечено, что при принятии решения о возбуждении уголовного дела частного обвинения либо об отказе в нем орган предварительного расследования должен тщательно проанализировать степень существующей опасности [4].

Таким образом, на основании анализа правоприменительной практики и точек зрения ученых к зависимому состоянию можно отнести:

- 1) материальную зависимость;
- 2) служебную зависимость;
- 3) зависимость на почве родственных отношений, групповых взаимоотношений.

Беспомощное состояние. При отнесении состояния к беспомощному И.А. Чердынцева считает необходимым оценивать в первую очередь возможность самостоятельной защиты своих прав и законных интересов самим потерпевшим, так как не всегда возраст или состояние здоровья влекут неспособность к самостоятельным действиям и отстаиванию собственных нарушенных прав [1, с. 123].

Ю.А. Анишина приводит точку зрения авторского коллектива, согласно которой следователь или дознаватель совместно с прокурором могут признать состояние потерпевшего беспомощным вследствие как психических, так и физических недостатков. Например, беспомощным в силу психических недостатков будет считаться состояние лиц, признанных судом в порядке гражданского судопроизводства ограниченно дееспособными либо страдающими тяжелыми психическими заболеваниями и состоящих на учете в психиатрических медицинских учреждениях [5, с. 40].

В Постановлении Пленума указано: «к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее».

О.А. Волторнист и Е.Е. Забуга считают, что иные причины, по которым лица не могут защищать свои права и законные интересы, имеют место в случаях, если преступление совершено в отношении следующих лиц: а) страдающих определенными физическими недостатками (слепых, немых и т.п.); б) беспризорных детей и подростков; в) обладающих некоторыми личностными и характерологическими особенностями (возраст, состояние здоровья и т.п.) [3, с. 58].

И.А. Чердынцева, анализируя судебную практику, отмечает, что в качестве оснований, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, суды определяют малолетний и престарелый возраст, с той только разницей, что одни относят данные основания к беспомощному состоянию, а другие – к случаям, когда потерпевшие не могут самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Таким образом, эти ситуации

фактически приравниваются к иным причинам [1, с. 122].

По мнению Л.Г. Татьяниной, лица старческого возраста и долгожители, независимо от того, признаны они недееспособными или нет, а также лица, перенесшие сильные стрессы, тяжелые соматические заболевания, имеющие дефекты органов, способствующих получению информации (слух, зрение), в уголовном процессе не могут самостоятельно представлять свои интересы [6, с. 120].

Придерживаясь точки зрения Ю.А. Анишиной [5, с. 40], к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, следует отнести:

1) лиц, которые в силу психических или физических недостатков признаны судом в порядке гражданского судопроизводства недееспособными;

2) лиц, страдающих тяжелыми психическими заболеваниями и состоящих на учете в психиатрических медицинских учреждениях;

3) лиц с физическими недостатками, физическими заболеваниями, обуславливающими неспособность защищать свои права и законные интересы или неспособность самостоятельно воспользоваться принадлежащими им правами (инвалиды I или II группы, немые, глухие, слепые).

При отнесении к данной категории инвалидов II группы необходимо обратиться к п. 9 приказа Минтруда России от 29 сентября 2014 г. N 664н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы»*, в котором перечислены нарушения здоровья человека с III степенью выраженности стойких нарушений функций организма, обусловленные заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящие ко II степени выраженности ограничений одной из следующих категорий жизнедеятельности человека (или их сочетанию), определяющих необходимость его социальной защиты:

* О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы: приказ Минтруда России от 29 сент. 2014 г. N 664н // Рос. газ. 2014. N 284.

а) способность к самообслуживанию;
б) способность к передвижению;
в) способность к ориентации;
г) способность к общению;
д) способность контролировать свое поведение.

К таковым относятся:

– способность к самообслуживанию с регулярной частичной помощью других лиц с использованием при необходимости вспомогательных технических средств;

– способность к самостоятельному передвижению с регулярной частичной помощью других лиц с использованием при необходимости вспомогательных технических средств;

– способность к ориентации с регулярной частичной помощью других лиц с использованием при необходимости вспомогательных технических средств;

– способность к общению при регулярной частичной помощи других лиц с использованием при необходимости вспомогательных технических средств;

– постоянное снижение критики к своему поведению и окружающей обстановке с возможностью частичной коррекции только при регулярной помощи других лиц.

Таким образом, если у потерпевшего наблюдается один или несколько из указанных критериев, то состояние данного лица относится к беспомощному;

4) несовершеннолетних (малолетних), престарелых.

В Постановлении Пленума категория малолетних, в том числе лиц в возрасте до 14 лет (например, п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ), однозначно отнесена к лицам, находящимся в беспомощном состоянии. Судебная практика несовершеннолетний возраст (до 18 лет) также отождествляет с беспомощным состоянием.

Категория «престарелые», как правило, ассоциируется с понятием «пенсионер». Однако к этой категории уже другое отношение, нежели к несовершеннолетним. Многие пенсионеры ведут активный образ жизни, занимают активную гражданскую позицию и, в отличие от несовершеннолетних, имеют определенный жизненный опыт и багаж знаний. В связи с этим при совершении рассматриваемых преступлений в отношении престарелых правоохрани-

менительная практика более требовательна: беспомощность лиц такой категории может быть поставлена под сомнение. Возраст потерпевшего в данном случае сам по себе не признается беспомощным состоянием. Необходимо учитывать психическое и физическое состояние престарелого потерпевшего в совокупности, оценивая реальную возможность или невозможность осуществления последним действий по защите своих прав и интересов;

5) беременных женщин. «Согласно медицинским критериям беременность для женщины – это нормальный физиологический процесс. Однако в период беременности организм женщины становится более ранимым и чувствительным. Беременность сопровождается огромными физическими и эмоциональными изменениями в организме будущей матери. Суть их выражается в значительном увеличении массы тела, особенно с увеличением сроков беременности... Целый ряд изменений отмечается у беременных со стороны нервной системы» [5, с. 45].

Оценивая данное состояние потерпевшей, отметим, что оно характеризуется более или менее определенным временным промежутком. Относя состояние беременной женщины к беспомощному, необходимо руководствоваться как ее психическим и физическим состоянием в целях возможности активной защиты ей своих прав и интересов, так и необходимостью быстрого реагирования со стороны правоприменительных органов, которая может быть обусловлена способностью лица, причинившего вред, скрыться, причинить потерпевшей вред повторно, учитывая ее бездействие;

6) неграмотных. Под неграмотностью понимается неумение читать, писать или умение только читать. Согласно ст. 205 ГК РФ суд признает неграмотность в качестве уважительной причины пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца. Таким образом, законодатель в ряде случаев все же признает, что лицо для защиты своих прав и интересов должно обладать определенным уровнем грамотности.

При рассмотрении вопроса о наличии у потерпевшего беспомощного состояния в силу неграмотности следует учитывать такие обстоятельства, как уровень его

образования, активная жизнедеятельность, возможность получения лицом юридической помощи, в том числе бесплатной.

Вместе с тем практика не так однозначна в признании юридической неграмотности и иных вышеописанных критериев вескими причинами, по которым лицо можно считать находящимся в беспомощном состоянии и не способным самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Так, подозреваемый А. нанес телесные повреждения потерпевшей К., 1939 года рождения, инвалиду детства (инвалидность II группы). В силу возраста, состояния здоровья и полученных телесных повреждений К. не смогла выйти из дома, чтобы обратиться за помощью. Заявление от К. было принято, судебно-медицинского эксперта привезли к ней домой, так как она не смогла спуститься со ступенек, хотя передвигаться по дому к тому времени уже была в состоянии. Правоприменительные органы на предложение возбудить уголовное дело по факту нанесения побоев К. на основании ч. 4 ст. 20 УПК РФ пояснили, что такой практики у них не сложилось*;

7) лиц, имеющих речевые расстройства. При отнесении речевых расстройств к иным причинам, по которым лицо не может защищать свои права и законные интересы, следует учитывать, какие именно речевые расстройства имеются у лица, какими причинами они обусловлены (например, речевое расстройство вследствие перенесенного заболевания – опухоли головного мозга, инсульта и т.д. либо заикание). Это субъективный критерий. К объективному критерию в данном случае будет отнесена длительность нахождения потерпевшего в таком состоянии.

Изложенное выше привело к необходимости формулирования авторского определения понятия беспомощного состояния потерпевшего по делам частного обвинения как психического и (или) физического состояния потерпевшего, в силу которого он на протяжении времени, необходимого для защиты своих прав и законных интересов, не может активно осуществлять указанные действия.

* Отказной материал // Архив МО МВД России «Ишимский».

Кроме того, у потерпевших, состояние которых признано беспомощным, должны отсутствовать лица, являющиеся в установленном порядке их законными представителями, либо законные представители есть, но они не выполняют возложенных на них функций.

Если законные представители имеются, то им необходимо в интересах потерпевшего самостоятельно обратиться в суд в соответствии со ст. 318 УПК РФ.

Четкое понимание состояния лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния не способно защищать свои права и законные интересы, будет способствовать принятию законного и обоснованного решения по делам частного обвинения.

Отметим, что приведенный выше перечень зависимого или беспомощного состояния потерпевшего либо иных причин, в силу которых он не может защищать свои права и законные интересы по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), не является исчерпывающим.

Считаем необходимым остановиться на таком аспекте, как невозможность лица в течение длительного времени активно защищать свои права и интересы.

При этом временной промежуток должен влиять на рассмотрение вопроса о привлечении виновного лица к уголовной ответственности (напомним, что по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления прошло два года).

Здесь, по нашему мнению, можно выделить две ситуации:

1) на протяжении указанного времени у потерпевшего не изменится состояние, в силу которого его отнесли к зависимому, беспомощному лицу, лицу, не способному защищать свои права и законные интересы, либо определить временные границы этого состояния не представляется возможным (например, медицинский критерий оценки психического состояния потерпевшего, у которого в определенных случаях может наблюдаться положительная динамика, но спрогнозировать ее невозможно);

2) состояние потерпевшего может измениться в ближайший, хотя и не про-

гнозируемый период, но промедление способно привести к негативным последствиям (например, лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, скроется, либо, считая свои действия безнаказанными в силу состояния потерпевшего, который не принимает мер по защите своих прав и интересов, причинит потерпевшему вред повторно).

При этом данный критерий, а именно невозможность лица в течение длительного времени защищать свои права и интересы, не тождественен понятию процессуальной недееспособности.

По мнению Ю.В. Песковой, уголовно-процессуальная недееспособность — реальная, установленная в судебном порядке неспособность лица по своему психическому состоянию понимать значение своих действий либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики [6, с. 120]. В этом случае в действиях лица отсутствует волевой критерий — потерпевший не в состоянии в силу особенностей психики руководить своими действиями.

В случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, у лица может присутствовать волевой критерий, то есть оно может понимать значение своих действий и руководить ими, но не защищает свои интересы в силу объективных и субъективных причин.

Недееспособность может являться основанием отнесения состояния потерпевшего к случаям, указанным в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, но при этом она будет являться разновидностью беспомощного состояния.

Таким образом, норма, регулирующая защиту прав и законных интересов лиц, которые в силу зависимого или беспомощного состояния, а также по иным причинам не могут их защищать, вызывает больше вопросов, чем ответов. О.В. Качалова обоснованно относит действующий УПК РФ к не вполне удавшимся примерам кодификации [7, с. 109]. Вместе с тем сотрудники правоохранительных органов в своей деятельности должны применять именно эти нормы, сколь бы несовершенновыми они не были. В связи с этим выработка единого подхода к пониманию защиты

прав и законных интересов потерпевших по уголовным делам частного обвинения будет способствовать и назначению уголовного судопроизводства.

Подводя итог вышесказанному, еще раз обозначим сделанные в статье выводы:

1. Зависимое или беспомощное состояние потерпевшего либо иные причины, в силу которых он не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы по делам частного обвинения, указанным в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, не определены в законодательстве Российской Федерации и относятся к оценочным, субъективным критериям по отношению к потерпевшему. В связи с этим каждый случай необходимо рассматривать индивидуально. Отметим, что приведенный в статье перечень таких состояний не является исчерпывающим. Кроме того, предлагается выделить

временной критерий, в течение которого потерпевший не может активно защищать свои права и интересы. Этот критерий является вспомогательным, так как характеризует не состояние лица, а промежуток времени, в течение которого необходимо предпринять меры по защите прав и законных интересов потерпевшего.

2. Сформулировано авторское определение понятия беспомощного состояния потерпевшего по делам частного обвинения. Под ним предлагается понимать психическое и (или) физическое состояние потерпевшего, в силу которого он на протяжении времени, необходимого для защиты своих прав и законных интересов, не может активно осуществлять указанные действия. Данное понятие охватывает совокупность объективных, субъективных и временного критериев состояния потерпевшего.

Список литературы

1. Чердынцева И.А. Проблемные аспекты производства по уголовным делам частного обвинения, возбуждаемым в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ // Уголовный процесс. 2015. N 4. С. 120-126.
2. Долгополов П.С. Дела частного обвинения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Волторнист О.А., Забуга Е.Е. Критерии определения зависимого и беспомощного состояния при решении вопроса о возбуждении уголовного дела частного (частно-публичного) обвинения при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ // Законодательство и практика. 2014. N 2. С. 58-59.
4. Порядок осуществления уголовного преследования по делам частного обвинения органами предварительного расследования // Прокуратура Хабаровского края: официальный сайт. URL: http://www.prokurorhbr.ru/prokuror_full/4348 (дата обращения: 17 мая 2018 г.).
5. Анишина Ю.А. Определение беспомощности состояния потерпевшего при производстве по делам частного и частно-публичного обвинения // Уголовный процесс. 2012. N 6. С. 38-47.
6. Песковая Ю.В. Уголовно-процессуальная дееспособность как элемент индивидуально-правового статуса участника уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2010. N 1 (13). С. 118-121.
7. Качалова О.В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 3 (37). С. 109-112.

References

1. Cherdyntseva I.A. Problemnye aspekty proizvodstva po ugovolnym delam chastnogo obvineniya, vzbuzhdaemym v porjadke ch. 4 st. 20 UPK RF [Problematic aspects of the production of criminal cases of private prosecution, initiated in the order of Part 4 of Art. 20 Code of Criminal Procedure]. Ugolovniy protsess – Criminal process, 2015, no. 4, pp. 120-126.
2. Dolgoplov P.S. Dela chastnogo obvineniya [Private prosecution]. Available at the reference system "ConsultantPlus".
3. Voltornist O.A., Zabuga E.E. Kriterii opredeleniya zavisimogo i bespomoshchnogo sostoyaniya pri reshenii voprosa o vzbuzhdenii ugovolnogo dela chastnogo (chastno-publichnogo) obvineniya pri otsutstvii zayavleniya poterpvshego ili ego zakonного predstavitelya v pryadke ch. 4 st. 20 UPK RF [The criteria for determining the dependent and helpless state in deciding whether to initiate a criminal case of a private (private-public) charge in the absence of a statement by the victim or his legal representative in part 4 of Art. 20 Code of Criminal Procedure]. Zakonodatel'stvo i praktika – Legislation and practice, 2014, no. 2, pp. 58-59.
4. Poryadok osushchestvleniya ugovolnogo presledovaniya po delam chastnogo obvineniya organami predvaritelnogo rassledovaniya [The procedure for the prosecution of cases of private prosecution by the bodies of preliminary investigation]. Prokuratura Habarovskogo kraja: oficialnuy sayt [The prosecutor's office of the

Khabarovsk Territory: the official site]. Available at: http://www.prokurorhbr.ru/prokuror_full/4348 (Accessed May 17, 2018).

5. Anishina Yu.A. Opredelenie bespomoshchnosti sostoyaniya poterpevshego pri proizvodstve po delam chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya [Determination of the helplessness of the state of the victim in the proceedings on private and private-public prosecution]. *Ugolovniy protsess – Criminal process*, 2012, no. 6, pp. 38-47.

6. Peskovaya Yu.V. Ugolovno-protsessual'naya deеспособnost' kak element individual'no-pravovogo statusa uchastnika ugovnogo sudoproizvodstva [Criminal procedural capacity as an element of the individual legal status of a participant in criminal proceedings]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 1 (13), pp. 118-121.

7. Kachalova O.V. Naznachenie ugovnogo sudoproizvodstva skvoz' prizmu material'nogo prava [Purpose of criminal proceedings through the lens of substantive law]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice*, 2016, no. 3 (37), pp. 109-112.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

ПОПОВА Т.В., кандидат юридических наук, доцент, кандидат технических наук, popovatvi@gmail.com Кафедра уголовного процесса и экспертной деятельности; Челябинский государственный университет, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129	POPOVA T.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Candidate of Technical Sciences, popovatvi@gmail.com Chair of criminal procedure and expert activities; Chelyabinsk State University, Brothers Kashirinyh St. 129, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation
--	--

СЕРГЕЕВ А.Б., доктор юридических наук, профессор, Sergeev_ab@bk.ru Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	SERGEEV A.B., Doctor of Legal Sciences, professor, Sergeev_ab@bk.ru Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
--	--

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СООБЩЕНИЯ О БЕЗВЕСТНОМ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ГРАЖДАНИНА

Аннотация. При получении сообщения о безвестном исчезновении гражданина сотрудники полиции рассматривают в первую очередь версии, в соответствии с которыми его исчезновение не связано с криминальными событиями. И только после выяснения их несостоятельности начинается рассмотрение версии о совершении в отношении пропавшего лица преступления, что имеет негативные последствия. В статье названо пробелом отсутствие федерального закона, который регламентировал бы действия правоохранительных органов при получении сообщения о безвестном исчезновении гражданина. При этом положительно оценена действующая инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц. Авторами статьи сформулированы предложения, направленные на совершенствование Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Предложения касаются оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» и следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». В рамках розыскного дела для получения информации о соединениях безвестно отсутствующего лица предложено отказать от судебного контроля над получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Ключевые слова: полиция; правоохранительные органы; безвестное исчезновение гражданина; розыскное дело; возбуждение уголовного дела; оперативно-розыскное мероприятие; следственное действие.

THE ISSUES CONCERNING THE LEGAL REGULATION OF THE ACTIONS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES WHEN RECEIVING A REPORT ON THE DISAPPEARANCE OF A CITIZEN

Annotation. When receiving a report on the disappearance of a citizen, first of all, police officers analyze the versions according to which the person's disappearance is not related to criminality.

Only after finding out that these versions are not confirmed, law enforcement agencies start to consider the version that the crime against the missing person was committed, and that has negative consequences. The authors of the article believe that the absence of a federal law regulating the actions of law enforcement agencies when receiving a report about the disappearance of a citizen is a gap in legislation. At the same time, the current instruction on the procedure for considering the statements, crimes reported to the police and other information on incidents connected with the disappearance of persons is positively estimated. The authors of the article formulated the proposals to improve the Federal Law "On crime detection activity". The proposals relate to the crime detection action "interception of information from technical communication channels" and the investigative action "obtaining information about connections between subscribers and (or) subscribers' devices". As a part of the investigation to obtain information about the connections of the missing person, it is proposed to abandon the judicial control over obtaining information about the connections between subscribers and (or) subscribers' devices.

Keywords: police; law enforcement agencies; disappearance of a citizen; missing person search case; initiation of criminal case; crime detection action; investigative action.

Обеспечение безопасности граждан, защита их жизни и здоровья от преступных посягательств — основная задача, которую повседневно решают органы внутренних дел и следственные подразделения Следственного комитета Российской Федерации. Одно из направлений, в рамках которого названная задача решается, заключается в обнаружении лица, безвестно отсутствующего по месту постоянного проживания, установлении обстоятельств его исчезновения. Ее решение связано с установлением того, не является ли безвестное отсутствие лица результатом совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. Это направление деятельности отличает ряд проблем, не позволяющих считать, что правоохранительные органы эффективно реагируют и действуют по обнаружению безвестно исчезнувших лиц. Факторы, порождающие проблемы в работе по заявлению о безвестном исчезновении граждан, носят психологический и организационно-правовой характер.

Статистика безвестного исчезновения граждан свидетельствует: только в 20 % случаев исчезновение вызвано совершением преступлений. В 80 % случаев безвестное исчезновение не связано с криминальными действиями в отношении исчезнувшего гражданина [1, с. 25]. Названное обстоятельство формирует у сотрудников полиции психологическую установку рассматривать в первую очередь версии, в соответствии с которыми исчезновение гражданина не связано с криминальными событиями. При поступлении сообщения о безвестном исчезновении граждан выдвигаются две основные типичные версии.

Версия 1. Лицо, без вести пропавшее, не является жертвой преступления. Например, имел место несчастный случай, вследствие чего лицо погибло; получило травмы, в результате которых не может сообщить информацию о себе; у лица наступило расстройство психики; лицо госпитализировано.

Версия 2. Лицо, без вести пропавшее, живо, но имеются обстоятельства, наличие которых заставляет его скрываться и не сообщать окружающим сведения о месте нахождения. Наиболее часто имеют место такие основания, как стремление скрыться от кредиторов [2, с. 64], избежать призыва на военную службу, разоблачения, уклониться от уплаты алиментов и пр.

Выдвигая названные версии, сотрудники полиции аргументируют такой подход к информации о безвестном исчезновении лица следующим образом. В случае возбуждения уголовного дела сразу, без уточнения наличия признаков преступления, очевидно, что в 80 % случаев оно будет связано с бесосновательным ограничением прав других граждан. По причине отсутствия уверенности в том, что в отношении пропавшего лица имело место совершение преступления, а также с целью исключения необоснованного возбуждения уголовных дел правоохранительные органы в ряде случаев задерживают решение вопроса о возбуждении уголовного дела. И только после того, как лицо без каких-либо причин не появилось по месту жительства, рассматривается третья версия — совершено преступление. При подтверждении последней версии, когда в итоге выявляются признаки совершения в отношении без вести про-

павшего лица тяжкого или особо тяжкого преступления и возбуждается уголовное дело, предварительное следствие протекает в неблагоприятных условиях. Сложность расследования вызвана несвоевременным началом производства следственных действий, утратой (изменением, фальсификацией) следов преступления, которые позволили бы обнаружить не только тело пропавшего, но и лиц, подготовивших и совершивших преступление, доказать их виновность [3].

Состояние правового регулирования действий правоохранительных органов по сообщению о безвестном исчезновении граждан можно охарактеризовать следующим образом.

Федеральный закон, регламентирующий действия правоохранительных органов при работе с названной категорией сообщений, отсутствует. Кроме того, следует отметить, что имеющихся научных разработок недостаточно для разрешения многочисленных проблем, возникающих при установлении места нахождения безвестно исчезнувших лиц.

На ведомственном уровне проблема урегулирована в недостаточной степени. Следственный комитет Российской Федерации по вопросу рассмотрения обращений, в которых отсутствуют явные признаки преступления, руководствуется пунктом 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации: «Заявления и обращения, которые не содержат сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в книге и не требуют процессуальной проверки в порядке, предусмотренном статьями 144, 145 УПК»*.

* Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации»): приказ Следственного комитета Российской Федерации от 11 окт. 2012 г. N 72 // Рос. газ. 2013. 6 марта. N 48.

Такая формулировка нормы является причиной жалоб на нарушение прав заявителя в части доступа к правосудию. Верховный Суд Российской Федерации дал правовую оценку содержанию названного пункта, не признав его (пункт) нарушающим конституционное право на защиту и пояснив следующее: «заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела должно содержать сведения о совершенном или готовящемся деянии и фактические данные, относящиеся к объективным признакам состава преступления»**.

Следует уточнить, что оспариваемое нормативное положение не содержит указания относительно заявлений, не связанных с безвестным исчезновением лица. Однако аналогия прослеживается. Если заявление о безвестном исчезновении гражданина (сообщение) не содержит информацию об обстоятельствах, указывающих на очевидное совершение в отношении лица преступления, то возможно предположить, что в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации такие заявления не подлежат рассмотрению.

В качестве подтверждения можно привести п. 5 Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, предписывающий следственному органу Следственного комитета Российской Федерации незамедлительно уведомлять дежурную часть органа внутренних дел о поступившем сообщении о без вести пропавшем лице для принятия ею мер по установлению обстоятельств произошедшего***.

** Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзацев первого и второго пункта 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утв. приказом СК России от 11.10.2012 N 72: решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 февр. 2014 г. N АКПИ13-1285. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: приказ МВД России N 38, Генпрокуратуры России N 14, СК России N 5 от 16 янв. 2015 г. // Рос. газ. 2015. 30 марта. N 65.

Согласно утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. N 736 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – Инструкция от 29 августа 2014 г.) регистрации подлежат сообщения не только о преступлении, но и о происшествиях, которые, на первый взгляд, не дают основания считать, что они являются результатом преступления. В Инструкции от 29 августа 2014 г. отсутствует указание относительно регистрации в органе внутренних дел сообщений о безвестном исчезновении гражданина. Но толкование ее отдельных норм позволяет утверждать, что такие сообщения подлежат обязательной регистрации и проверке на предмет выявления признаков преступления. В частности, пункт 66 Инструкции от 29 августа 2014 г. предписывает заводить розыскное дело, если в результате проведенной проверки не получены сведения о преступном событии и, как следствие, исчезновении человека; к делу приобщать сообщение о происшествии и проверочные материалы, «сведения о номере и дате заведения которого вносятся в графу 9 КУСП»*.

Неполноту регламентации действий правоохранительных органов в ситуациях обращения граждан с сообщением о безвестном исчезновении лица без информации (предположения) пытаются устранить на межведомственном уровне. С 2015 года действует указанная выше Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц (далее – Инструкция от 16 января 2015 г.), определяющая компетенцию органов внутренних дел, прокуратуры, Следственного комитета Российской

* Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. N 736: ред. от 7 нояб. 2016 г. // Рос. газ. 2014. 14 дек. N 260; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Федерации, а также алгоритм действий при работе с информацией о безвестном исчезновении лица.

К очевидным достоинствам Инструкции необходимо отнести следующее:

1. Определен порядок рассмотрения сообщений о безвестном исчезновении лиц.

Любое сообщение о безвестном исчезновении подлежит регистрации и разрешению независимо от давности и места исчезновения лица, наличия или отсутствия сведений о его месте жительства или пребывания, полных анкетных данных и фотографии без вести пропавшего лица, сведений об имевшихся ранее случаях его безвестного исчезновения (п. 3 Инструкции от 16 января 2015 г.).

2. Установлен предмет незамедлительного опроса заявителя оперативным дежурным дежурной части территориального органа МВД России.

Приказом определены обстоятельства, наличие (отсутствие) которых оперативный дежурный может (и должен) оценить как возможные признаки преступления. К таким признакам относится следующее: без вести пропавший гражданин ранее не высказывал желание уехать на длительное время; он не страдал болезнью, которая могла бы неожиданно повлечь смерть, лишить способности ориентироваться в пространстве и во времени, вызвать расстройство памяти; денежные средства, личные документы, вещи остались по месту проживания; у него не было важных причин для отъезда; он носил при себе деньги, ценности, которые могли бы вызвать корыстное стремление ими завладеть; отсутствует принадлежащее ему транспортное средство.

Версию о возможном совершении преступления в отношении исчезнувшего лица предлагается считать приоритетной, если на поставленные вопросы были даны ответы следующего характера: у пропавшего без вести лица были проблемы, связанные с разделом имущества, невыполнением кредитных обязательств; конфликты на работе, в быту; лицо отсутствует более трех суток. Предположение о возможном совершении преступления в отношении данного лица может возникнуть и на основании других сведений. Этот перечень является открытым.

В соответствии с Инструкцией от 16 января 2015 г. некоторые из названных обстоятельств нельзя считать безусловным подтверждением факта совершения преступления. Версия о совершенном преступлении должна быть реальной, а значит, формироваться из совокупности обстоятельств и их логической непротиворечивости, взаимосвязанности.

Вне зависимости от того, сообщит ли заявитель об обстоятельствах, восприятие которых может быть оценено как признаки преступления, или не сообщит, оперативному дежурному инструкцией предписано:

- поставить в известность дежурного следователя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации о сообщенных обстоятельствах исчезновения лица,

- обеспечить выезд оперативно-следственной группы органа внутренних дел для сбора необходимой для решения вопроса информации.

О результатах выезда группы дежурный обязательно информирует следственный орган Следственного комитета Российской Федерации.

Если оперативно-следственной группе удалось установить признаки преступления, то собранные материалы передаются в следственный орган Следственного комитета Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ). Информация о принятии сообщения о безвестном отсутствии незамедлительно направляется прокурору в порядке надзора.

В случае неустановления признаков преступления (отсутствуют обстоятельства, указанные в пункте 10 Инструкции) в дежурные сутки дальнейшую проверку сообщения о безвестном исчезновении лица осуществляет сотрудник оперативного подразделения органа внутренних дел на основании поручения руководителя органа внутренних дел.

Если после проведения проверки сотруднику не удалось установить место нахождения лица, выяснить обстоятельства, указывающие, что в отношении лица совершено преступление, то принимается решение о заведении розыскного дела о безвестно исчезнувшем лице.

При обнаружении признаков преступления в результате проведения опера-

тивно-розыскных мероприятий розыскное дело прекращается, рапорт об обнаружении признаков преступления регистрируется и с материалами розыскного дела направляется по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ) в следственный орган Следственного комитета Российской Федерации, в котором возбуждается уголовное дело. О направлении материалов информируется прокурор.

После возбуждения уголовного дела заводится оперативно-поисковое дело, в рамках которого продолжается розыск исчезнувшего.

Таким образом, межведомственная Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, при поступлении информации о безвестном исчезновении граждан существенно восполняет пробел в правовом регулировании уголовно-процессуальной деятельности по розыску лиц.

До настоящего времени остается актуальной проблема, которая является предметом научных исследований, направленных на повышение качества разрешения дел о безвестном отсутствии граждан в ситуациях, когда:

- выезд следственно-оперативной группы не дал результатов по обнаружению признаков преступления;

- материалы были переданы оперативному сотруднику, который завел розыскное дело и осуществляет производство гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий.

В рамках розыскного дела производство оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) направлено на установление места пребывания исчезнувшего и продолжение проверки версии о том, что исчезновение лица стало результатом преступных действий.

Сложности в правоохранительной деятельности вызывает неопределенность, касающаяся перечня и содержания отдельных ОРМ, проводимых в рамках розыскного дела в отношении безвестно отсутствующего лица. Раскрытием содержания проблемы.

В статье 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об опера-

тивно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД») определены следующие основания для проведения ОРМ:

1. Наличие возбужденного уголовного дела.

2. Наличие у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, сведений:

1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

2) событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

3) лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания*.

При этом такое основание, как получение сведений о пропавших без вести лицах, в данном перечне указано последним (п. 4 ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об ОРД»). Анализ условий производства ОРМ показывает, что не все содержащиеся в перечне виды ОРМ могут проводиться в ходе работы по установлению исчезнувшего лица. Причиной отсутствия возможности их производства является требование о том, что данные ОРМ будут осуществляться в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. При работе же по установлению места нахождения пропавшего лица, в отношении которого отсутствуют сведения о криминальной причине его исчезновения (признаков совершения преступления не имеется), подозреваемых лиц нет.

В частности, оперативно-розыскным мероприятием, которое не может быть использовано при розыске лица и характеризуется рядом неопределенностей, является снятие информации с технических каналов связи. Первая неопределенность заключа-

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 6 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2016. N 28. Ст. 4558.

ется в том, что в законе не раскрывается содержание этого действия [4, с. 40-44].

Вторая неопределенность проявляется в отсутствии ответа на вопрос о том, охватывает ли это мероприятие получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не предусмотрено Федеральным законом «Об ОРД», но как следственное действие оно предусмотрено в статье 186.1 УПК РФ. Информация о соединениях между абонентами позволяет установить:

– дату, время, продолжительность соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием);

– номера абонентов;

– данные, пригодные для идентификации абонентов;

– места расположения приемопередающих базовых станций» (п. 24.1 ст. 5 УПК РФ).

Нерешенность вопроса о принадлежности этого действия к оперативно-розыскному мероприятию вызывает ряд сложностей в правоприменительной деятельности:

1. Если получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, признанное следственным действием, не является и оперативно-розыскным, то его производство вне возбужденного уголовного дела будет грубым нарушением конституционных прав граждан.

2. Если получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами является оперативно-розыскным мероприятием и охватывается родовым понятием ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» (п. 11 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»), то согласно названному закону его производство возможно только при соответствии двум условиям:

а) в розыском деле должна иметься информация (фактические данные) относительно:

– признаков, указывающих, что происходит приготовление к преступлению или совершается (совершено) преступле-

ние, расследование которого осуществляются органы предварительного следствия;

– лиц, действия которых направлены на подготовку и совершение преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно;

б) необходимо судебное решение на получение требуемой информации.

В ходе работы по установлению места нахождения безвестно исчезнувшего лица эти условия не соблюдаются. Следовательно, получение оперативным сотрудником информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами не допускается.

Изложенное выше оказывает сдерживающее влияние на эффективность действий правоохранительных органов при работе с сообщением о безвестном исчезновении граждан, а соответственно, на выявление и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений. Получение же оперативным сотрудником информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами создало бы благоприятные условия для получения ответа на вопрос о криминальном или некриминальном характере исчезновения лица.

С учетом изложенного предлагается следующее:

1. В пункте 11 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» раскрыть содержание оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи».

2. Если названное оперативно-розыскное мероприятие не охватывает искомое действие, то целесообразно дополнить перечень ОРМ (ст. 6 Федерального закона N 144-ФЗ), включив в него получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

3. При производстве по уголовному делу получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами осуществляется на основании судебного решения.

В рамках розыскного дела для получения информации о соединениях безвестно отсутствующего лица представляется целесообразным отказ от судебного контроля над получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Список литературы

1. Цыбизова Н.А. Безвестное отсутствие граждан по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 170 с.
2. Гусак В.А., Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Особенности производства по уголовным делам при установлении обстоятельств, подтверждающих наличие подлежащих конфискации денежных средств и имущества, приобретенных в результате незаконного сбыта наркотических веществ: монография. Челябинск, 2016. 195 с.
3. Мальцев А.С. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 212 с.
4. Исмаилов Ч.М. Оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права на тайну связи при розыске безвестно исчезнувших лиц: проблемы осуществления и пути совершенствования // Российский следователь. 2016. N 20. С. 40-44.

References

1. Tsybizova N.A. Bezvestnoe otsutstvie grazhdan po rossiyskomu grazhdanskomu pravu. Kand. Diss. [Unknown lack of citizens on Russian civil law. Cand. Diss.]. Moscow, 2018. 170 p.
2. Gusak V.A., Nikulochkin E.O., Sergeev A.B. Osobennosti proizvodstva po ugolovnym delam pri ustanovlenii obstoyatel'stv, podtverzhdayushchih nalichie podlezhashchih konfiskatsii denezhnyh sredstv i imushchestva, priobretennyh v rezul'tate nezakonnogo sbyta narkoticheskikh veshchestv [Features of the criminal proceedings in establishing the circumstances confirming the presence of money and property subject to confiscation, acquired as a result of the illegal sale of narcotic substances]. Chelyabinsk, 2016. 195 p.
3. Mal'tsev A.S. Osobennosti rassledovaniya ubiystv, svyazannyh s bezvestnym ischeznoveniem grazhdan. Kand. Diss. [Features of the investigation of murders associated with the unknown disappearance of citizens. Cand. Diss.]. Krasnodar, 2012. 212 p.
4. Ismailov Ch.M. Operativno-rozysknyye meropriyatiya, ogranichivayushchie konstitutsionnye prava na taynu svyazi pri rozyske bezvestno ischeznuvshih lits: problemy osushchestvleniya i puti sovershenstvovaniya [Operational-search measures limiting the constitutional rights to communication secrets in the search for missing persons: implementation problems and ways to improve]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2016, no. 20, pp. 40-44.

СЫПАЧЕВ А.Ю.,
кандидат юридических наук,
brig094@mail.ru
Кафедра оперативно-разыскной
деятельности
и оперативно-технических мероприятий
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

SYRACHEV A.Yu.,
Candidate of Legal Sciences,
brig094@mail.ru
Chair of detective activities
and crime detection technical actions
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

ЯРОШЕНКО С.А.,
кандидат юридических наук,
yaroshenkosergey@rambler.ru
Кафедра оперативно-разыскной
деятельности
органов внутренних дел;
Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15

YAROSHENKO S.A.,
Candidate of Legal Sciences,
yaroshenkosergey@rambler.ru
Chair of detective activities
of the internal affairs bodies;
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020,
Russian Federation

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ

Аннотация. Одной из актуальных задач, стоящих перед подразделениями уголовного розыска, является совершенствование работы по раскрытию умышленных убийств. Для ее решения необходимы обобщение сложившейся практики раскрытия умышленных убийств и выработка предложений по оптимизации правоприменительной практики по делам данной категории. В статье с учетом практики деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации рассматриваются следующие алгоритмы действий сотрудников подразделений уголовного розыска в ходе раскрытия умышленных убийств: проведение сотрудниками подразделений уголовного розыска первоначальных оперативно-розыскных мероприятий в районе места происшествия; различных оперативно-розыскных мероприятий по установлению личности потерпевшего; конкретных оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица (лиц), совершившего (совершивших) умышленное убийство; проведение сотрудниками иных подразделений полиции комплекса общепроисковых мероприятий, направленных на установление лица (лиц), совершившего (совершивших) умышленное убийство; проведение сотрудниками подразделений уголовного розыска оперативно-розыскных мероприятий в отношении конкретных лиц, подозреваемых в совершении умышленного убийства. Нередко важной для раскрытия умышленных убийств информацией обладают граждане. В связи с этим авторами статьи исследуется влияние их мотивации на оказание помощи сотрудникам полиции.

Ключевые слова: умышленное убийство; раскрытие преступлений; оперативно-розыскная деятельность; уголовный розыск; подозреваемый; оперативно-розыскное мероприятие; мотивация граждан; содействие полиции.

SOME ASPECTS OF DETECTING MURDERS

Annotation. One of the urgent tasks facing the criminal investigation units is to improve the activities aimed at detecting murders. To solve this task, it is necessary to generalize the existing practice of detecting murders and to develop proposals for optimizing the law enforcement practice concerning the cases of this category. Taking into account the activities of the operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the authors of the article consider the following algorithms of actions of the officers of criminal investigation departments in the course of detecting murders: carrying

out initial crime detection actions during the crime scene search by the officers of criminal investigation units; carrying out various crime detection actions to establish the identity of the victim; carrying out specific crime detection actions to identify the person (persons) who has (have) committed the murder; carrying out a set of general search activities aimed at identifying the person (persons) who has (have) committed the murder by the officers of other police units; carrying out crime detection activities against specific persons suspected of committing the murder by the officers of criminal investigation units. Often, citizens have information that is important for the disclosure of murders. In this regard, the authors of the article analyze the influence of citizens' motivation on assisting police officers.

Keywords: murder; crime detection; crime detection activity; criminal investigation; suspect; crime detection action; motivation of citizens; assisting the police.

Умышленное убийство является одним из наиболее тяжких видов преступлений против личности. В Российской Федерации совершается значительное количество убийств (хотя и на фоне повышения уровня их раскрываемости). Так, согласно

статистическим данным, на территории Российской Федерации за период с 2015 по 2017 год совершено 31 678 умышленных убийств (в том числе покушений на убийство), раскрыто 27 497 преступлений.

Таблица

Динамика раскрываемости умышленных убийств в 2015–2017 гг.*

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество раскрытых преступлений	Процент раскрываемости
2015	11 496	9763	89,4
2016	10 444	9441	91,0
2017	9738	8293	91,7

С ростом криминализации общества заметно меняется характер совершаемых умышленных убийств. Все изощреннее становятся способы их совершения, все чаще убийства заранее хорошо планируются и подготавливаются, носят характер заказных преступлений, растет количество организованных преступных групп, все больше убийств совершается с особой дерзостью, жестокостью, сопровождается глумлением над потерпевшими. Это значительно усложняет работу правоохранительных органов по раскрытию преступлений и актуализирует задачу не только активизации мер, направленных на борьбу с преступностью, но и улучшения работы подразделений уголовного розыска по раскрытию таких тяжких преступлений, как умышленные убийства.

В связи с этим особую значимость приобретают вопросы, связанные с организацией раскрытия убийств, освоением алгоритма действий при раскрытии умышленных убийств сотрудниками подразделений уголовного розыска и применении его в практической работе. Проблема

усугубляется еще и тем, что практически все работы по указанной тематике подготовлены не позднее 2005-2007 годов, а динамика указанного вида преступлений весьма неустойчивая.

Таким образом, в настоящее время необходимы обобщение сложившейся в подразделениях органов внутренних дел практики по некоторым вопросам раскрытия умышленных убийств и выработка предложений по ее оптимизации.

Согласно общей методике раскрытия преступлений подразделениями уголовного розыска по прибытии на место происшествия оперативные сотрудники осуществляют следующие функции:

– принимают меры к преследованию и задержанию преступника;

– участвуют в осмотре места происшествия;

– организуют и осуществляют оперативно-розыскные мероприятия по сбору сведений о лицах, совершивших преступление, и фактах, имеющих значение для его раскрытия [1, с. 131].

* Краткая характеристика состояния преступности в России за 2015-2017 гг. // МВД России: официальный сайт. URL: <https://mvd.ru>

Таким образом, решения, принимаемые в рассматриваемой ситуации, в зависимости от их целевой направленности можно подразделить на решения о проведении мероприятий по сбору информации об убийстве (обстоятельства совершения, участвовавшие лица, причины и условия, способствовавшие его совершению, и т.д.) и решения, непосредственно направленные на задержание преступника.

Принятие решений о проведении мероприятий по сбору информации о совершенном убийстве в районе места происшествия необходимо во всех таких случаях. Обоснованность подобного рода решений вытекает из признака стратегической неопределенности ситуации, то есть отсутствия достаточной информации как о самом характере происшедшего события (убийство или самоубийство, естественная смерть, несчастный случай и т.д.), так и о лицах и фактах, подлежащих установлению. Такая неопределенность в значительной степени объясняется неочевидностью совершенного преступления, в силу чего и возникает необходимость в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Особо следует отметить, что цель реализации рассматриваемого типа решений состоит в получении информации, необходимой для установления лица, совершившего преступление, и обстоятельств совершения преступления. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе проведения мероприятий на месте происшествия, можно представить в виде перечня:

- характер происшедшего;
- личность потерпевшего;
- время, способ (орудия) совершения преступления, механизм образования телесных повреждений;
- соответствие места обнаружения трупа месту причинения телесных повреждений;
- количество преступников, их установочные данные, приметы;
- обстоятельства, предшествовавшие совершению убийства, мотивы его совершения.

Получить эти и другие сведения можно, лишь предварительно проделав определенную работу по обнаружению их источников. Источники информации по делу об убийстве условно подразделяются на два вида:

– следы, предметы, иные вещественные объекты;

– лица, непосредственно воспринимавшие совершение убийства или осведомленные об иных обстоятельствах, имеющих значение для его раскрытия.

Обнаружение этих источников является задачей, в связи с необходимостью выполнения которой принимаются решения рассматриваемого типа.

Решения об установлении личности убитого в зависимости от их универсальности (имеется в виду их приемлемость в любой ситуации) можно подразделить на обязательные и факультативные. Принятие обязательных решений обуславливается требованиями и положениями нормативных правовых актов МВД России, методическими рекомендациями, содержащими перечень мероприятий по установлению личности потерпевшего. В первую очередь это предъявление трупа (фотографии трупа) для опознания непосредственно на месте его обнаружения в ходе осмотра места происшествия. Проведение данного мероприятия не представляет значительных трудностей. В связи с этим следует остановиться лишь на особенностях предъявления для опознания с учетом данных о местах обнаружения трупов.

В случае обнаружения трупа в квартире он предъявляется для опознания соседям, работникам жилищно-эксплуатационных служб. Одновременно через них же устанавливается количество лиц, зарегистрированных и фактически проживающих на данной жилплощади. Аналогичные действия приемлемы и при обнаружении трупа в подъезде, во дворе дома, на территории предприятий и учреждений, а также в иных местах проживания и работы граждан. Круг лиц, опознающих убитого, как правило, ограничивается гражданами, проживающими в этих домах или работающими на данной территории, объектах.

Сложнее происходит опознание трупа в случаях обнаружения его в местах, где круг лиц, посещающих данную местность, не столь жестко обусловлен бытовыми, производственными и иными установившимися отношениями. Это могут быть как часто посещаемые места, так и малолюдные участки местности. С учетом этих особенностей действиям по установлению

личности убитого должно предшествовать выдвижение предположений относительно цели нахождения потерпевшего в данной местности до убийства, маршрута его движения, а также вероятного контингента лиц, посещающих эту местность.

Предположение о лицах, посещавших место убийства, следует выдвигать и в случаях обнаружения трупов в парках, скверах. Здесь следует определить неформальные группы, времяпровождение которых связано с этими местами. Это могут быть группы несовершеннолетних, наркоманов, лиц без определенного места жительства и т.д. В этих случаях сведения о личности потерпевшего можно получить от лиц, содействующих органам внутренних дел, путем анализа информации, в какой-либо степени относящейся к району обнаружения трупа (сведения о ранее совершенных преступлениях, рапорты сотрудников патрульно-постовой службы, участковых уполномоченных). Особо следует подчеркнуть, что выявление контингентов лиц, связанных с местом обнаружения трупа, и последующая поисковая работа в их среде имеют значение не только для установления личности убитого, но и для непосредственного обнаружения лица, совершившего преступление.

Решения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по установлению преступника в определенной среде можно подразделить в зависимости от объекта поиска, то есть от среды, в которой проводятся оперативно-розыскные мероприятия. Все контингенты лиц, среди которых проводится работа по установлению преступника, можно разделить на связанные с личностью потерпевшего и выделенные по иному признаку.

Решения на проведение мероприятий по установлению преступника в среде потерпевшего принимаются в подавляющем большинстве случаев раскрытия умышленных убийств. Их обоснованность в значительной мере обуславливается такой особенностью характеристики умышленных убийств, как наличие устойчивых или кратковременных связей между потерпевшим и убийцей. Соответственно, одним из основных путей (направлений) раскрытия убийств является поиск от потерпевшего к преступнику. Сбор и изучение сведений, характеризующих образ жизни убитого,

его поведение незадолго до наступления насильственной смерти, полное выявление его связей и знакомств определяют построение версий и направления следственной и оперативно-розыскной деятельности.

Наряду с традиционными направлениями поиска преступника по способу совершения преступления, следам, оставшимся на теле и одежде преступника, приметам и похищенным вещам и т.д., обнаружить подозреваемого возможно и иными оперативными способами. Другими словами, речь идет о широком комплексном использовании всей системы возможностей органов внутренних дел в целом, то есть о проведении мероприятий общепоискового характера, не зависящих от каких-либо конкретных направлений (версий) поиска лица, совершившего преступление. Причем этим мероприятиям принадлежит решающая роль в случаях, когда по делу отсутствуют сведения о конкретных подозреваемых, а все выдвинутые версии обработаны [2, с. 121].

Следует отметить, что набор возможных решений в рассматриваемой ситуации проведения общепоисковых мероприятий достаточно широк. Однако ограничиваться только ими неверно. В силу специфики службы в полиции сотрудники ряда неоперативных подразделений ежедневно контактируют с гражданами и, следовательно, располагают широкими возможностями по сбору важных сведений, например, путем проведения бесед с лицами, по тем или иным вопросам обратившимся в органы внутренних дел. Проведение таких опросов способствует не только сбору информации о совершенном убийстве, но и повышению бдительности населения. Однако следует иметь в виду, что информирование широких кругов населения может вызвать нежелательный общественный резонанс, негативно сказаться на производственной, бытовой и иных сторонах жизни людей, породить разного рода слухи, что создает информационные помехи, а иногда ведет к дезориентации оперативных сотрудников. В связи с этим, привлекая сотрудников иных служб к проведению опросов граждан, целесообразно разрабатывать для них специальные вопросники [1, с. 41].

Кроме того, при общении с гражданами сотрудниками полиции необходимо

верно определить их мотивацию на оказание помощи в раскрытии совершенного умышленного убийства. Анализ правоприменительной практики позволил выделить следующие ситуации, возникающие при опросе граждан:

1. Гражданин мотивирован на контакт с сотрудником полиции и предполагает получить от данного контакта определенную выгоду, удовлетворить потребность. Причем, как правило, в данном случае личные и корыстные мотивы обусловлены гипертрофированными материальными потребностями, стремлением к власти, доминированию в обществе и другими подобными причинами, а не высокими идеалами и чувством справедливости либо осознанием своего патриотического и гражданского долга.

2. Гражданин не желает устанавливать отношения, хотя осознает такую необходимость, в связи с потребностью в безопасности.

3. У гражданина отсутствует мотив на установление отношений, он не в полной мере осознает характер действий сотрудника полиции.

Знание указанных выше ситуаций позволит сотрудникам полиции тактически правильно определять акценты при взаимодействии с гражданами и выявлять ценностные категории, истинные потребности и мотивы, движущие конкретным гражданином, так как последующий их совокупный анализ позволяет верно определить направления и эффективные методы воздействия на него в целях побуждения к оказанию помощи в раскрытии умышленного убийства.

На наш взгляд, в конечном счете успех определяется соотношением мотивов «за» и «против», имеющих у человека, от которого ожидается помощь. В связи с этим сотруднику полиции следует выяснить:

— во-первых, какие из мотивов, препятствующих общению, можно нейтрализовать;

— во-вторых, какие из побуждающих к общению мотивы следует усилить;

— в-третьих, какие новые побудительные мотивы можно сформировать у данного индивида.

Однако в ходе работы может сложиться ситуация, когда негативные мотивы

лица, помощь которого крайне необходима, являются приоритетными, и потому установление с ним позитивных отношений в ходе предварительного общения не представляется возможным.

Мотивы, препятствующие оказанию гражданами помощи, могут быть различными в зависимости от субъективных установок и влияния социальной группы.

Представляется возможным классифицировать данные мотивы в зависимости от категории субъектов, представляющих интерес для сотрудника полиции:

1) граждане, обладающие значимой информацией, в принципе не отрицающие возможность ее предоставления сотруднику полиции при отсутствии определенных внешних факторов. Данной категории граждан присущи такие препятствующие мотивы, как боязнь мести со стороны разрабатываемых, боязнь негативного отношения окружающей социальной среды, опасение потерять престижную и высокооплачиваемую работу;

2) граждане, категорически отказывающиеся оказывать такую помощь. Движущими мотивами для них нередко являются наличие корпоративных интересов с преступниками, заинтересованность в дальнейшем их функционировании, личное участие в противоправной деятельности.

Если в отношении отдельных представителей первой категории граждан приемлем способ постепенного вовлечения в дальнейшее содействие путем нейтрализации некоторых отрицательных мотивов и усилении побудительных, то в отношении второй группы данный способ однозначно не принесет положительных результатов. Исходя из этого возникает необходимость в быстром формировании у лица побудительных мотивов к общению с сотрудником полиции [3, с. 21].

Основной акцент, на наш взгляд, необходимо сделать на уравновешенных людях. Это должен быть рассудительный, выдержанный и строго организованный человек, владеющий логикой убеждения, обладающий высоким уровнем оптимизма, устойчивостью настроения и умением ждать.

Определяющими характеристиками непригодности к оказанию помощи сотрудникам полиции при раскрытии умышленных убийств являются следующие: богатое

воображение, склонность излагать события, не соответствующие действительности, или давать собственное толкование сложившейся оперативной обстановки.

Однако представленные описания носят идеализированный характер, прежде всего потому, что:

— во-первых, в настоящее время в органах внутренних дел существует проблема диагностики пригодности либо непригодности такого лица к оказанию помощи полиции;

— во-вторых, граждане, с которыми приходится общаться сотруднику полиции при раскрытии умышленных убийств, — люди, имеющие как достоинства, так и недостатки. Соглашаясь на оказание помощи органам внутренних дел, они в большинстве случаев руководствуются далеко не самыми благородными побуждениями.

Достаточно часто приходится работать с людьми закомплексованными и, как им кажется, недополучившими причитающихся им благ и почестей за свои реальные или мнимые заслуги, корыстолюбивыми и беспринципными, прежде всего ставящими личную выгоду и собственное благополучие, злобными и мстительными, не умеющими прощать нанесенные им обиды [3, с. 28].

Главной отличительной чертой в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении конкретных подозреваемых является наличие в распоряжении оперативных сотрудников сведений, указывающих на причастность определенного лица (группы лиц) к совершению убийства. Основной задачей, решаемой в данной ситуации, является изобличение конкретного подозреваемого

или снятие с него подозрения, то есть получение информации, которая после надлежащего процессуального закрепления станет доказательством виновности или невиновности проверяемого лица.

Особенности проведения мероприятий в ситуации, когда известен конкретный подозреваемый, обусловлены содержанием и полнотой сведений, указывающих на совершение убийства именно данным лицом, а также видом информации; возможностями, которыми располагают сотрудники уголовного розыска в отношении данного подозреваемого.

Нередко при установлении лиц, причастных к совершенному убийству, оперативные сотрудники стремятся немедленно принять меры к их задержанию. Такие решения не всегда учитывают условия реально складывающихся ситуаций. Принятие решения о задержании подозреваемого может быть отнесено к категории обязательных только в случаях, если:

— имеется информация о намерениях такого лица скрыться;

— подозреваемым является преступник-гастролер;

— с учетом личности подозреваемого (душевно больной), наличия у него оружия существует вероятность совершения им новых опасных преступлений.

Таким образом, эффективность раскрытия умышленных убийств зависит, с одной стороны, от знания оперативными сотрудниками общих закономерностей совершения преступлений данного вида, с другой, — от умения в каждом конкретном случае правильно оценить сложившуюся ситуацию и определить оптимальный порядок своих действий.

Список литературы

1. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. Тюмень: ТИПК МВД России, 2016. 151 с.
2. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2015. 339 с.
3. Федоров А.В., Шахматов А.В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: курс лекций. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2008. 145 с.

References

1. Pravovye osnovy operativno-razysknoy deyatel'nosti [Legal framework for operational investigations]. Tyumen, TIPK MVD Rossii, 2016. 151 p.
2. Markushin A.G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' [Operational search activity: a textbook for universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2015. 339 p.
3. Fedorov A.V., Shakhmatov A.V. Sodeystvie grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' [Assistance of citizens to the bodies carrying out operational investigative activities]. St. Petersburg, St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 145 p.

УСМАНОВ Р.А., кандидат юридических наук, rem.us@rambler.ru	USMANOV R.A., Candidate of Legal Sciences, rem.us@rambler.ru
Кафедра информационно-аналитического и документационного обеспечения деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	Chair of information, analytical and documentation support of the internal affairs bodies activities; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПОСРЕДСТВОМ СЕРВИСОВ-АНОНИМАЙЗЕРОВ

Аннотация. Развитие информационных технологий привело к появлению Интернета. С его помощью предполагалось решить проблему обеспечения сохранности больших объемов накопившейся информации и ее передачи независимо от расстояния между пользователем и ресурсом, на котором она хранится. Однако именно эти возможности отдельные лица стали использовать для достижения своих корыстных целей и создали ряд сайтов, предоставляющих незаконные услуги. Появился так называемый темный Интернет. Преступники, выступающие в роли поставщиков и потребителей незаконных услуг, используют различные сервисы, программы, позволяющие сохранить в тайне сведения, которые способствовали бы их идентификации. При помощи данных сервисов осуществляется анонимный вход на запрещенные сайты. Посещение таких сайтов осуществляется чаще всего с целью совершения в дальнейшем того или иного преступления. Осложняет ситуацию то, что при использовании сервисов-анонимайзеров серверы, через которые происходит соединение, располагаются, как правило, за пределами территории Российской Федерации. В связи с этим для правоохранительных органов актуальна проблема, заключающаяся в установлении данных лиц и привлечении их к уголовной ответственности.

Ключевые слова: информационные технологии; Интернет; анонимность в Интернете; сервис-анонимайзер; уголовная ответственность.

CHARACTERISTICS OF CRIMINAL ACTIVITIES CARRIED OUT ON THE INTERNET BY MEANS OF ANONYMIZERS

Annotation. The development of information technology has led to the emergence of the Internet. It was supposed that it would help to solve the problem of ensuring the safety of large amounts of accumulated information and its transfer regardless of the distance between the user and the resource where it is stored. However, some people began to use these opportunities to achieve their own selfish goals and created a number of sites providing illegal services. The so-called Dark Internet has appeared. The criminals acting as suppliers and consumers of illegal services use various services, programs that allow them to keep the information that would help to identify them secret. These services provide the anonymous access to prohibited sites. Most often, visiting such sites is carried out for the purpose of committing a crime in the future. The situation is complicated by the fact that, as a rule, when using anonymizers, the connection servers are located outside the territory of the Russian Federation. In this regard, identifying these persons and bringing them to criminal liability is an urgent problem for law enforcement agencies.

Keywords: information technology; Internet; anonymity on the Internet; anonymizer (anonymous proxy); criminal liability.

Появление компьютеров и международной компьютерной сети Интернет привело к появлению так называемых компьютерных преступлений. Согласно данным ГИАЦ МВД России в Российской Федерации за 2017 год зарегистрировано 1883 преступле-

ния в сфере компьютерной информации. Количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, составило 62 404*.

* Состояние преступности в России за 2017 год. М.: ГИАЦ МВД России, 2018. С. 18, 16..

Однако ни первый, ни второй показатель не отражают количество уголовно наказуемых деяний, совершенных лицами, которые, подыскивая себе орудия и средства совершения преступлений, посетили запрещенные сайты в сети Интернет*. Российское законодательство не относит к категории уголовно наказуемых такое действие, как посещение указанных сайтов.

Обратившись к международному опыту, можно также заметить, что Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185) (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.) к категории криминальных относит такие деяния, как:

— противозаконный доступ, противозаконный перехват, воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств — преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем;

— подлог с использованием компьютерных технологий, мошенничество с использованием компьютерных технологий (правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств);

— правонарушения, связанные с оборотом детской порнографии (правонарушения, связанные с содержанием данных);

— правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав**.

* Говоря о запрещенных сайтах, считаем необходимым разграничить два понятия: заблокированный ресурс и сайт в так называемом темном Интернете (DarkNet) — части компьютерной сети, в которой предоставляются незаконные услуги. Первый индексируется поисковыми системами, но исключается из поисковой выдачи по решению государственных органов. Для того чтобы попасть на эти сайты, необходимо обойти блокировку. Цель создания сайтов второй группы заключается в ограничении доступа к ним посторонних лиц. Такие сайты в индексе поисковых систем никогда не появляются (не индексируются), на них можно зайти, только используя специальные сервисы-анонимайзеры.

** Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следовательно, рассматривая правонарушения, связанные с содержанием данных, криминальным предлагается считать создание сайтов, содержащих детскую порнографию. В других случаях государство — участник Конвенции само решает, носит ли деяние, связанное с содержанием данных, криминальный характер, или нет. Кроме того, не учитывается ситуация, когда на том или ином сайте преступник приобретает орудие, средство совершения преступления, иную незаконную услугу.

Обращение к научной литературе позволяет выявить большое количество работ, посвященных раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, либо преступлений, совершенных с использованием информационных (компьютерных и телекоммуникационных) технологий [1; 2]. Однако чаще всего авторами рассматриваются преступления в сфере компьютерной информации. При этом не уделяется внимание преступлениям, совершаемым лицами, которые в ходе подготовки к противоправному деянию воспользовались услугами запрещенных на территории Российской Федерации сайтов. В последние годы начинают появляться работы, в которых отмечается наличие в компьютерной сети сайтов, предлагающих приобретение оружия, наркотических средств, вредоносного программного обеспечения и т.д.*** [3; 4; 5; 6].

Посещая указанные сайты, преступники предпринимают определенные усилия для обеспечения сокрытия данных о себе. Следует констатировать, что международная компьютерная сеть Интернет активно используется для совершения противоправных деяний. В частности, она превратилась в торговую площадку для преступников.

Первоначально появление Интернета рассматривалось как решение двух существенных проблем информационного общества — создания всеобъемлющего всемирного хранилища информации и ничем не ограниченного средства ее распространения. Полагаем, ни у кого в настоящее

*** В то же время имеется большое количество сайтов, форумов, на которых можно получить исчерпывающую информацию о запрещенных интернет-ресурсах.

время не вызывает сомнений утверждение о том, что развитие экономики, науки, образования любой из стран мира напрямую зависит от уровня ее включенности в компьютерную сеть Интернет.

Возможности, открывающиеся благодаря Интернету, практически безграничны: доступ к актуальной информации, обеспечение сохранности культурного наследия и т.д. Сеть Интернет способствует решению проблем глобального характера: борьба с преступностью, решение вопросов национальной безопасности, экологических проблем.

Однако Интернет таит скрытые угрозы как для отдельного человека, так и для всего общества. В первую очередь это нарушение авторского права. Так, писатели, музыканты, художники, программисты несут материальные потери из-за того, что в сети Интернет практически безнаказанно распространяются «пиратские» копии созданных ими художественных произведений и результатов интеллектуальной деятельности. Несмотря на существующую уголовную ответственность, в компьютерной сети в открытом доступе находятся книги, программные продукты и многое другое.

Необходимо отметить также широкое использование социальных сетей с целью организации массовых беспорядков, которые возникают неожиданно для правительств атакуемых государств и проходят с большой эффективностью для государств – инициаторов данных беспорядков (так называемые цветные революции).

К числу негативных сторон Интернета следует отнести его использование как торговой площадки для продажи оружия, наркотических средств и психотропных веществ, для продажи «серых» сим-карт (при помощи которых впоследствии совершаются различные преступления: мошенничество, кражи, убийства и т.д.) и других востребованных преступниками предметов.

В «темном» Интернете, помимо прочего, можно обнаружить информацию об услугах наемных убийц, обмен секретными документами, форум хакеров, на котором они делятся опытом.

Следует отметить, что в Российской Федерации предпринимаются конкрет-

ные шаги, направленные на ограничение доступа на сайты, которые предоставляют противозаконные услуги. В частности, Федеральный закон от 29 июля 2017 г. N 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» установил запрет для владельцев программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам и информационно-телекоммуникационным сетям на предоставление доступа к заблокированным сайтам*. Федеральным законом от 27 июня 2018 г. N 155-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» вводится административная ответственность операторов поисковой системы, предоставляющих доступ к заблокированным сайтам в сети Интернет**.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), одной из задач которой является надзор за соблюдением российского законодательства в сфере информационных технологий, в постоянном режиме отслеживает и блокирует сайты с материалами, содержащими порнографические изображения несовершеннолетних лиц; сайты, содержащие призывы к совершению самоубийства либо информацию о способах совершения самоубийства; сайты с информацией о способах изготовления наркотических средств, психотропных веществ; сайты, призывающие к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности, и т.д. Следует отметить также сайты, на которых осуществляется продажа оружия, наркотических средств и психотропных веществ, краденых реквизитов банковских карт, поддельных документов и денежных знаков, предоставляются противозаконные

* О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 29 июля 2017 г. N 276-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 31 (ч. I). Ст. 4825.

** О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 27 июня 2018 г. N 155-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 27. Ст. 3938.

услуги. Именно эти сайты в итоге и образуют «темный» Интернет.

Однако, несмотря на прилагаемые усилия, всегда находятся лица, которые стремятся обойти установленные запреты, блокировки и воспользоваться вышеперечисленными услугами. К числу таких пользователей можно отнести лиц, подыскивающих орудия совершения преступления, торговцев нелегальным товаром и покупателей, потребителей противозаконных услуг. Они стремятся сохранить в тайне факт обращения к подобным сайтам.

Сохранение анонимности в компьютерной сети Интернет не следует рассматривать только как противозаконное. Многие пользователи стремятся к анонимности и с этой целью используют вымышленные имена, «ники», чужие компьютеры для выхода в сеть. В отдельных случаях меняется MAC-адрес сетевого устройства, IP-адрес компьютера*. Делается это по разным причинам (например, для того, чтобы ознакомиться с информацией, находящейся на чужом аккаунте, избежать всплывающей рекламы или так называемого спама при посещении интернет-магазинов, иных интернет-ресурсов).

Посетители «темного» Интернета пытаются скрыть данные о своей личности с целью избежать уголовной ответственности за совершаемые ими противозаконные действия. Однако, как свидетельствует статистика, эти деяния не всегда влекут уголовное наказание. Между тем посещение сайтов в запрещенной части Интернета осуществляется чаще всего с одной целью — совершение в последующем того или иного преступления. Например, приобретение оружия для совершения убийства, заказ услуг наемного убийцы и т.д. В этом смысле посещение запрещенных сайтов

можно рассматривать как подготовку к совершению преступления. Именно поэтому посетители таких сайтов стремятся к сохранению анонимности.

При этом они, помимо вышеперечисленных простейших способов сохранения анонимности, используют и более совершенные способы. Речь идет об использовании сервисов-анонимайзеров или сервисов, которые позволяют анонимно посещать интересующие пользователей сайты «темного» Интернета.

Необходимо отметить, что подобные сервисы являются посредниками между пользователем и интересующим его ресурсом (в данном случае в «темном» Интернете). Это могут быть прокси-серверы, VPN-сети, браузеры.

Лица, занимающиеся поиском в компьютерной сети Интернет той или иной информации, нередко обращаются к услугам прокси-серверов, то есть промежуточных серверов, которые находятся между пользователем и интересующим его сайтом (ресурсом). Процесс получения необходимой информации происходит следующим образом. Пользователь запрашивает информацию, находящуюся на другом сервере, путем обращения к прокси-серверу. Последний, подключившись к указанному серверу, получает информацию. А пользователь забирает ее уже с прокси-сервера в неизменном виде либо измененную.

Все прокси-серверы можно условно разделить на прозрачные и анонимные. Именно анонимные прокси-серверы принято называть сервисами-анонимайзерами. Однако иногда под этим термином понимают программу, которая позволяет скрыть настоящие данные пользователя, IP-адрес компьютера, иные сведения, которые способствовали бы идентификации лица. Действительно, существуют такие программы, которые анализируют имеющиеся в сети прокси-серверы, проверяют их работоспособность, доступность, анонимность, быстроту и предлагают список наиболее предпочтительных для работы. В связи с этим правильны оба вышеприведенных определения понятия сервиса-анонимайзера — как анонимного прокси-сервера и как специальной программы, облегчающей работу с данным сервером.

* MAC-адрес сетевого устройства (от англ. Media Access Control — управление доступом к среде, также Hardware Address) — уникальный идентификатор, присваиваемый заводом-изготовителем. IP-адрес (сокр. от англ. Internet Protocol Address) — уникальный идентификатор устройства (чаще всего компьютера), подключенного к Интернету (или к локальной сети). Изменение указанных адресов не представляет особой сложности, а описание того, как это сделать, можно найти в свободном доступе [8].

Что касается особенностей работы сервиса-анонимайзера, то они заключаются в том, что лицо, желающее сохранить в тайне обращение к запрещенным сайтам, например, находящимся в «темном» Интернете, заходит на страницу анонимного прокси-сервера, указывает в адресной строке адрес сайта, который он хочет посетить. При этом анонимайзер сам скачивает с сайта информацию (или передает ее на интересующий сайт), а пользователь получает к ней доступ с сервера-анонимайзера. Использование такой схемы позволяет пользователю скрыть свои данные, IP-адрес своего компьютера и, таким образом, сохранить анонимность. Однако следует отметить, что указанные сведения чаще всего сохраняются на сервере анонимайзера.

Лица, желающие сохранить свою анонимность, в последнее время активно пользуются VPN-соединением. VPN (Virtual Private Network) представляет собой виртуальную частную сеть. Принцип работы в некоторой степени аналогичен вышеописанному. Не углубляясь в детали, отметим, что VPN-провайдеры выполняют примерно ту же функцию, что и прокси-серверы. Отличие заключается в том, что пользователь соединяется с провайдером по закрытому каналу (тоннелю), который обеспечивается благодаря зашифрованной передаче данных. Тем самым достигается безопасность соединения, а также анонимность пользователя.

Возникает вопрос об обеспечении сохранности сведений о пользователе на сервере провайдера. В 2013 году интернет-ресурсом torrentfreak.com был проведен опрос, в ходе которого у VPN-провайдеров выясняли, хранят ли они журналы, позволяющие сопоставить IP-адреса. Как следует из результатов опроса, такие журналы не хранятся либо хранятся недолго, а установить по ним клиента невозможно*.

Еще один способ сохранения анонимности, к которому обращаются пользователи «темного» Интернета, — это использование специальных браузеров**.

* Review: Is Your VPN Service Really Anonymous? URL: <https://torrentfreak.com>

** Речь идет о таких браузерах, как TOR Browser, Epic Browser, SRWare Iron, Comodo IceDragon.

Наибольшую популярность среди лиц, стремящихся к сохранению своей анонимности в сети, приобрел TOR Browser, который позволяет выходить в одноименную сеть. Работа сети построена на использовании так называемой луковой (нередко употребляется термин «луковичная») маршрутизации. Ее суть заключается в использовании системы специальных узлов, которые последовательно шифруют информацию о пользователе и маскируют действующий IP-адрес компьютера. Специальные узлы — это компьютеры и серверы нескольких тысяч пользователей, входящих в единую анонимную сеть. Как правило, соединение пользователя происходит через три случайных узла (входной, промежуточный и выходной). Каждому из указанных узлов неизвестны адреса пользователя и интересующего его ресурса одновременно (иначе говоря, известно только, откуда пришли данные и куда их необходимо отправить). Такой способ работы в компьютерной сети Интернет, несмотря на низкую скорость, позволяет с достаточно большой степенью вероятности сохранить в тайне данные пользователя, обратившегося на какой-либо закрытый (заблокированный) сайт.

Таким образом, преступники могут прибегать к самым различным способам обеспечения анонимности в сети Интернет. Все эти способы можно разделить на две группы: 1) без использования специального программного или аппаратного обеспечения; 2) с использованием специального программного или аппаратного обеспечения. В первую группу следует включить использование «ника», вымышленного имени, чужого компьютера, изменение MAC-адреса сетевого устройства, IP-адреса компьютера***. Перечисленные способы относительно просты, но оставляют возможность идентифицировать устройство, с которого произошел выход в компьютерную сеть Интернет и посещение того или иного сайта. Вторая группа включает в себя способы, связанные с использованием прокси-серверов, сервисов-анонимайзеров, VPN-соединения, специальных браузеров.

*** Следует отметить, что MAC-адрес можно изменить вручную, а для изменения IP-адреса компьютера достаточно использовать динамический IP-адрес.

В этих случаях идентификация устройства, с которого был совершен выход в Интернет, а в конечном итоге преступника, посетившего какой-либо запрещенный сайт, становится затруднительной. Следует учитывать еще одно обстоятельство. При использовании сервисов-анонимайзеров, VPN-соединения, специальных браузеров соответствующие серверы, через которые происходит соединение, довольно часто располагаются не на территории Российской Федерации. В лучшем случае направление запроса с требованием предоставления данных о лицах, воспользовавшихся услугами сервиса, останется без ответа. Худший вариант — отсутствие возможности установления владельца сервера, предоставившего указанные услуги.

Кроме того, считаем необходимым обратить внимание на следующий момент. Общение между собственником сайта, предоставляющего незаконные услуги, и пользователем — потребителем услуги происходит опосредованно, без каких-либо личных встреч. В частности, оплата услуг осуществляется с помощью электронного кошелька, а в последнее время также с использованием криптовалюты. В связи с этим использование методов и средств оперативно-розыскной деятельности также может привести к отрицательному результату.

Таким образом, в распоряжении лиц, пользующихся услугами, предоставляемыми запрещенными сайтами, находящимися в «темном» Интернете, имеются самые современные способы сохранения в тайне своей противоправной деятельности, своего имени или иных данных, которые могли бы способствовать их идентификации. Несмотря на предпринимаемые Ро-

скомнадзором усилия по блокированию сайтов, предоставляющих незаконные услуги, вышеуказанные лица имеют возможность обходить установленные запреты и блокировки. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос об установлении личности пользователей, которые путем использования сервисов-анонимайзеров, сети TOR и других сервисов пытаются скрыть свои данные и занимаются противоправной деятельностью. Решение данного вопроса представляется достаточно проблематичным по ряду причин. Во-первых, серверы, предоставляющие пользователям возможность посещать запрещенные сайты, могут находиться на территории других стран. Во-вторых, опосредованное общение между собственником сайта, предоставляющего незаконные услуги, и пользователем — потребителем услуги не позволяет использовать методы и средства оперативно-розыскной деятельности.

Исходя из изложенного выше можно констатировать следующее. В международной компьютерной сети Интернет создана целая сеть сайтов, предоставляющих незаконные услуги. Для обращения на эти сайты потребители незаконных услуг (чаще всего речь идет о преступниках) используют сервисы, программы, позволяющие сохранить в тайне данные, с помощью которых их можно идентифицировать.

В этой ситуации перед правоохранительными органами стоит проблема установления указанных лиц и привлечения их к уголовной ответственности. Обозначенная проблема требует своего детального рассмотрения и выработки мер по ее разрешению.

Список литературы

1. Алескеров В.И., Колокольчикова О.Н. Раскрытие преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации: учеб.-практ. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. 109 с.
2. Вехов В.Б., Родин А.Ф. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: учебно-методическое пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2008. 160 с.
3. Зозуля В.В. О новых видах преступности, связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 16-17 апреля 2015 г.) / под ред. А.Л. Осипенко. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2015. С. 72-80.
4. Рогозин В.Ю. Криминализация Интернета и WEB-технологий // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступле-

ний: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 22 апреля 2016 г.) / под ред. А.Л. Осипенко. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2016. С. 22-26.

5. Симаков А.А., Горев А.И. Защита информационного пространства России от внешних угроз на основе построения Российской государственной анонимной компьютерной сети // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 22 апреля 2016 г.) / под ред. А.Л. Осипенко. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2016. С. 119-124.

6. Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Изд-во Омской акад. МВД России, 2009. 480 с.

References

1. Aleskerov V.I., Kolokol'chikova O.N. Raskrytie prestupleniy v sfere telekommunikatsiy i komp'yuternoy informatsii [Disclosure of crimes in the field of telecommunications and computer information]. Domodedovo, VIPK MIA of Russia, 2016. 109 p.

2. Vehov V.B., Rodin A.F. Rassledovanie prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii [Investigation of crimes in the field of computer information: a teaching aid]. Moscow, 2008. 160 p.

3. Zozulya V.V. O novykh vidakh prestupnosti, svyazannykh s razvitiem informatsionno-telekommunikatsionnykh tehnologiy [On new types of crime associated with the development of information and telecommunication technologies]. Prestupnost' v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tehnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, detection and investigation of crimes]. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. Pp. 72-80.

4. Rogozin V.Yu. Kriminalizatsiya Interneta i WEB-tehnologiy [Criminalization of the Internet and WEB-technologies]. Prestupnost' v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tehnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, detection and investigation of crimes]. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. Pp. 22-26.

5. Simakov A.A., Gorev A.I. Zashchita informatsionnogo prostranstva Rossii ot vneshnih ugroz na osnove postroeniya Rossiyskoy gosudarstvennoy anonimnoy komp'yuternoy seti [Protection of the information space of Russia from external threats based on the construction of the Russian state anonymous computer network]. Prestupnost' v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tehnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes]. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. Pp. 119-124.

6. Osipenko A.L. Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by [Network computer crime: the theory and practice of struggle]. Omsk, Publishing House of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2009. 480 p.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ЯНИН С.А., YANIN S.A.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
s.yanin1@yandex.ru associate professor,
Кафедра организации следственной s.yanin1@yandex.ru
работы учебно-научного комплекса Chair of the organization of investigative
по предварительному следствию work of the educational and scientific
в органах внутренних дел; complex of the preliminary investigation
Волгоградская академия in the internal affairs bodies;
Министерства внутренних дел Volgograd Academy of the Ministry
Российской Федерации, of the Interior of the Russian Federation,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130 Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

ЯНИНА Т.Н., YANINA T.N.,
s.yanin1@yandex.ru s.yanin1@yandex.ru
Кафедра криминалистической техники Chair of forensic technology
учебно-научного комплекса of the educational and scientific complex
экспертно-криминалистической of forensic activities;
деятельности; Volgograd Academy of the Ministry
Волгоградская академия of the Interior of the Russian Federation,
Министерства внутренних дел Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Российской Федерации, Russian Federation
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОСМОТРА СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования в качестве вещественных доказательств сотовых телефонов. Актуальность темы обуславливается значительным совокупным ущербом, причиняемым в результате мошенничества, совершаемого с использованием средств сотовой связи, ростом количества преступлений данного вида, а также невысоким качеством их расследования. Среди причин, негативно влияющих на качество организации расследования мошенничества, совершаемого с использованием средств сотовой связи, названа недостаточная профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов, а также способ совершения мошенничества — фактически анонимно, без непосредственного контакта с потерпевшим. Определенные сложности в деятельности правоохранительных органов вызывает и неоднозначная судебная практика по рассматриваемой проблеме. Вследствие этого, а также несовершенства правовой регламентации имеют место различные подходы правоприменителей к процедуре производства следственных действий, касающихся изучения средств связи. Авторами статьи аргументируется важность качественного изучения средства мобильной связи — сотового телефона. В связи с этим исследованы тактические основы его осмотра, предложен алгоритм действий следователей в ходе производства данного следственного действия, сформулированы рекомендации, направленные на совершенствование использования средств сотовой связи в качестве вещественных доказательств.

Ключевые слова: хищение; мошенничество; расследование; сотовый телефон; осмотр; следственное действие; судебное решение.

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF THE EXAMINATION OF THE MEANS OF CELLULAR COMMUNICATION WHEN INVESTIGATING THE FRAUD COMMITTED BY USING THEM

Annotation. The article is devoted to the use of cell phones as evidence. The topicality of the research is determined by the significant cumulative damage caused by fraud committed using the

means of cellular communication, the increase in the number of crimes of this type, as well as the low quality of their investigation. The authors point out the following reasons that negatively affect the quality of the organization of the investigation of fraud committed using the means of cellular communication: insufficient professional skills of law enforcement officers, as well as the method of committing fraud – actually anonymous, without direct contact with the victim. Certain difficulties in the activities of law enforcement agencies are also caused by the ambiguous court practice concerning the analyzed problem. Due to these circumstances, as well as the imperfections of the legal regulation, there are different approaches of law enforcers to the procedure for conducting investigative actions connected with the examination of means of communication. The authors of the article argue the importance of a qualitative examination of a cell phone as mobile communication means. In this regard, the tactical bases of its examination are analyzed. The algorithm of investigators' actions when carrying out this investigative action is proposed. The recommendations aimed at improving the use of means of cellular communication as evidence are formulated.

Keywords: theft; fraud; investigation; cell phone; examination; investigative action; judgment.

В последние годы в Российской Федерации наблюдается устойчивая тенденция роста количества преступлений, совершаемых путем хищения чужого имущества, приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, что подтверждается объективными данными.

Согласно информации ГИАЦ МВД России, в 2015 г. зарегистрировано 200 598 преступлений, предусмотренных ст.ст. 159-159.6 УК РФ (что на 24,6 % больше, чем в 2014 г.); в 2016 г. – уже 208 926; в 2017 г. – 222 772 (рост количества на 4,2 % и 6,6 % соответственно); при этом в общей структуре преступности различные виды мошенничества составляют 10,8 %*.

Однако если ранее преобладало мошенничество, выразившееся в обмане о потребительских свойствах товара, доставке товаров, производстве работ, то в настоящее время получило распространение «высокотехнологичное» мошенничество, осуществляемое с использованием современных средств мобильной связи.

По оценкам различных экспертов, ущерб, причиняемый такими преступлениями, исчисляется миллиардами долларов (от 10 до 40 млрд долларов). При этом подсчитать его точную сумму невозможно, поскольку операторы сотовой связи для сохранения репутации о своих потерях не сообщают, а абоненты, обманутые мошенниками на суммы до 1000 рублей, в большинстве случаев не заявляют о подобных фактах в правоохранительные органы, так как не верят в возможность последних установить и привлечь к ответственным

преступника и вернуть похищенные денежные средства, и по этой причине не желают тратить время на общение с ними.

Такой подход оправдан, поскольку существуют сложности в расследовании подобных преступлений, обусловленные недостаточной профессиональной подготовленностью сотрудников, а также методико-криминалистическим обеспечением расследования. Кроме того, расследование затрудняется спецификой способа их совершения, которая заключается:

1) в возможности донести необходимую информацию до потенциальной жертвы (как в виде звонка, так и СМС-сообщения) с учетом своей анонимности и безопасности;

2) получении от жертвы денег без вступления с ней в непосредственный контакт, что снижает объем и качество доказательственной базы по делу;

3) возможности нахождения как потерпевшего, так и преступника в любом уголке земного шара (с этим связаны некоторые особенности установления места совершения преступления и, соответственно, места производства предварительного следствия).

Кроме того, негативным фактором является также некачественное проведение доследственных проверок, отсутствие наступательности со стороны органов предварительного следствия системы МВД России**.

** Об организации работы по противодействию отдельным видам мошенничества: директивное указание Следственного департамента МВД России от 20 апр. 2015 г. N 1/3073 // Информационный бюллетень Следственного департамента МВД России. 2015. N 3 (165). С. 9-13.

* МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

Следует отметить, что процесс расследования любых преступлений, в том числе рассматриваемых, состоит из следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых следователем на основании имеющегося плана расследования и направленных на формирование доказательственной базы и выполнение предписаний уголовно-процессуального законодательства.

При этом итог расследования зависит не только от выбранного следователем комплекса следственных действий, закрепляющих доказательственную информацию по делу, но и от качества указанных действий, их соответствия требованиям Конституции Российской Федерации и действующего уголовно-процессуального законодательства.

В случае нарушения прав участников уголовного судопроизводства, процедуры проведения следственного действия, неполучения в необходимых случаях согласия различных субъектов (например, руководителя следственного органа, суда) результаты такого следственного действия будут признаны на основании ст. 75 УПК РФ недопустимыми доказательствами по делу, не будут иметь юридической силы. Они не смогут использоваться в качестве основы обвинения, а также для доказывания любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

В связи с изложенным особое значение имеет осмотр предметов (а именно средств сотовой связи), проводимый при расследовании мошенничества данного вида, результаты которого, как правило, крайне важны для изобличения преступника и закрепления доказательств его виновности. Важность осмотра обусловлена тем, что сотовый телефон по таким делам является одним из главных одновременно слеодообразующих и следовоспринимающих объектов [1, с. 180; 2, с. 63].

Путем осмотра названного объекта по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории можно получить информацию, имеющую порой определяющее значение для расследования: выявить контакты мошенника и установить иных членов преступной группы (практика показывает, что данные преступления совершаются именно группами), определить

иных потерпевших, не заявлявших в правоохранительные органы о совершенном в отношении их мошенничестве, установить следы, хранящиеся в памяти сотового телефона и свидетельствующие о соединениях с потерпевшим, и др.

От того, насколько качественно будет проведено данное следственное действие, может зависеть судьба уголовного дела, восстановление нарушенных прав потерпевшего и привлечение виновного к установленной законом ответственности [3, с. 7-9].

Полагаем, что специфика осмотра сотовых телефонов по уголовным делам о «телефонном» мошенничестве определяется тактическими особенностями и правовым режимом производства данного следственного действия. Рассмотрим названные аспекты подробнее.

Общими тактическими правилами осмотра сотовых телефонов являются своевременность, объективность, полнота, планомерность, использование помощи специалистов, а также технических средств.

Рассматриваемое следственное действие условно подразделяется на несколько этапов: подготовительный, рабочий и заключительный.

Содержание подготовительного этапа составляют определение места и времени проведения осмотра, подбор и приглашение участников (понятых, специалиста), подготовка технических средств.

Рабочий этап – непосредственно визуальное восприятие и изучение признаков осматриваемого телефона.

Заключительный этап – составление протокола осмотра предметов, ознакомление с ним участников осмотра, просмотр видеозаписи осмотра (в случае, если такая производилась).

Специфика тактики осмотра телефона определяется в полной мере рабочим этапом осмотра и заключается, во-первых, в содержании действий следователя по визуальному восприятию и фиксации в протоколе внешних признаков телефонного аппарата и хранящейся в нем информации, а во-вторых, в определенной последовательности данных действий, что обусловлено особенностями объекта осмотра – сотового телефона – как сложного электронного устройства.

Условно осмотр сотового телефона можно подразделить на несколько подэтапов:

- 1) внешний осмотр;
- 2) конструктивный осмотр;
- 3) осмотр информационной составляющей [4, с. 3].

Каждый из них имеет некоторую специфику. При внешнем осмотре следователь воспринимает и фиксирует информацию о наружном строении и состоянии телефонного аппарата (в протоколе отмечаются марка, модель, тип, форма аппарата, материал и цвет корпуса, линейные размеры; наличие маркировочных, фирменных логотипов, объективов фото- и видеокамер, разъемов зарядного устройства, наушников, Mini-(Micro-)USB; наличие и расположение отверстий микрофона, динамика; количество и расположение клавиш).

Кроме того, по общим тактическим правилам осмотра предметов обязательно указание на специфические приметы аппарата (сколы, царапины, потертости, отсутствие определенных элементов); наличие чехлов, наклеек, гарнитуры и др.

На подэтапе конструктивного осмотра производится изучение и фиксация конструкции телефона по его составным частям (задняя крышка телефона и (или) аккумуляторной батареи, флеш-карта, SIM-карта). Данные части описываются по общим правилам описания предметов – материал, форма, линейные размеры, маркировочные обозначения (наименование, марка, модель, емкость и др.), цвет, идентификационные номерные обозначения, наличие логотипа оператора связи (на SIM-карте).

На подэтапе осмотра информационной составляющей аппарата подлежат изучению и фиксации сведения, содержащиеся в памяти телефона, на флеш- и SIM-картах (контакты, записи, сообщения, фото- и видеофайлы и др.).

Данный этап рекомендуется начинать с указания в протоколе процедуры разблокировки клавиатуры телефона, после чего перечисляются графические элементы, которые отобразились на его экране после разблокировки. Затем нажатием комбинации клавиш `*#06#` производится проверка IMEI-номера мобильного телефона (отображается на экране). После это-

го в протоколе осмотра последовательно указывается информационное содержимое телефона – список контактов мошенника, сообщений, наличие изображений, фотографий (где также могут быть снимки соучастников мошенничества), видеороликов и т.д. При описании определенного вызова указывается его вид (входящий, исходящий, не принятый), время, длительность, данные абонента, с которым предполагаемым мошенником осуществлен контакт, а также его абонентский номер. Последнее особенно важно для установления иных соучастников мошенничества, как уже было отмечено выше, и потерпевших, не обращавшихся в полицию по факту совершенного в отношении их преступления. Описание SMS-, MMS-сообщения включает соответственно его текстовое и (или) графическое содержимое (тип, размер, время создания файла, кто изображен, продолжительность ролика).

В ходе осмотра важной представляется последовательность перечисленных этапов. В случае, если телефонный аппарат выключен, осмотр производится в вышеописанном порядке. Если телефон включен, то целесообразно провести вначале внешний осмотр, затем осмотр информационной составляющей и только после этого конструктивный осмотр, так как последний предполагает отключение телефона из-за необходимости отсоединения аккумуляторной батареи, флеш- и SIM-карт. В дальнейшем, вероятно, быстро включить телефон не представится возможным ввиду его блокировки и необходимости введения кода блокировки (PIN-кода), так как предполагаемый мошенник, как правило, добровольно сообщать его не будет. Изложенные обстоятельства могут исключить возможность незамедлительного полноценного исследования его информационного содержимого.

В ходе осмотра на каждом из перечисленных выше этапов необходимо проводить детальную фотосъемку аппарата и его содержимого (внешней, оборотной, боковых панелей телефона – при внешнем осмотре; внешней и оборотной стороны аккумуляторной батареи, флеш- и SIM-карты, внутренней стороны корпуса аппарата так, чтобы на снимке был виден его IMEI-номер, – при конструктивном осмотре; экрана те-

лефона с информацией, представляющей значение для уголовного дела, — при осмотре информационной составляющей). Следует рекомендовать применение видеосъемки для визуальной фиксации большого объема сведений, содержащихся в информационной среде телефона.

Для повышения эффективности следственного действия и исключения возможности уничтожения информации при неумелом обращении с ней представляется целесообразным также привлечение для участия в осмотре специалиста соответствующей категории. Иными участниками осмотра являются понятые, а также при необходимости потерпевший, подозреваемый (в зависимости от принадлежности осматриваемого телефона).

Кроме тактических аспектов осмотра, необходимо учитывать и требования норм права [5, с. 56-57], при несоблюдении которых результаты даже качественно проведенного следственного действия с точки зрения его организации и тактики могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

УПК РФ не содержит положения, прямо регламентирующие порядок осмотра средств сотовой связи. По этой причине следователь, изучая информационное содержимое телефонного аппарата, может допустить нарушение положений Конституции Российской Федерации, что чревато серьезными последствиями для него как должностного лица и для перспектив уголовного дела.

Данный аспект обусловлен следующими факторами. В сотовом телефоне имеется информация, в том числе носящая личный характер. Кроме сведений о входящих и исходящих вызовах, в памяти телефона могут храниться личные фотографии, SMS-переписка, различные записи и др. Доступ к подобной информации, исходя из требований ст. 23 Конституции Российской Федерации, может осуществляться только при условии личного согласия владельца в силу права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которого допускается только на основании судебного решения.

Выработку единой позиции относительно правового режима осмотра затрудняет и неоднозначная судебная практика, противоречие судебных решений различных инстанций друг другу.

Например, определением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. N 345-О установлено, что право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. В силу этого информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи. Для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения*.

В надзорном определении Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2006 г. по делу N 9-ДП06-10 относительно выемки документов, содержащих информацию только о входящих и исходящих сигналах соединений телефонных аппаратов, без прослушивания и фиксации содержания последних указана противоположная точка зрения: «при производстве выемки у операторов связи документов о входящих и исходящих сигналах соединений похищенного мобильного телефона тайна содержания переговоров сохраняется, поскольку целью выемки является только информация о входящих и исходящих звонках с похищенного телефона.

* Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 окт. 2003 г. N 345-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. N 1.

Ссылки на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г., утверждение, что подобным следственным действием будут нарушены права граждан на тайну телефонных переговоров, Судебная коллегия находит несостоятельными»*.

Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. N 433-О-О гражданину Тарасову Н.А., оспаривавшему конституционность ч. 1 ст. 176 и ч. 1 ст. 285 УПК РФ, которые, по его мнению, вопреки правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определении от 2 октября 2003 г. N 345-О, позволяют органам предварительного следствия без вынесения соответствующего судебного решения производить осмотр мобильных телефонов, изъятых у подозреваемых в совершении преступлений при заключении их под стражу, а при исследовании в судебном заседании протоколов следственных действий — оглашать сведения, содержащиеся в электронной памяти этих мобильных телефонов, было отказано в принятии жалобы по следующим основаниям.

Данные законоположения лишь устанавливают основания для производства следственных действий в виде осмотра материальных объектов, имеющих значение для уголовного дела, а также правила оглашения в судебном заседании протоколов следственных действий. Они, таким образом, не могут рассматриваться как нарушающие права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, в том числе права заявителя, гарантированные статьями 23 (ч. 2), 24 (ч. 1) и 46 (ч. 1) Конституции Российской Федерации. Определение же того, были ли в ходе судебного производства по уголовному делу Н.А. Тарасова соблюдены требования закона, а также проверка законности и обоснованности правоприменительных решений, принимавшихся при проведении следственных действий, не входят в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, установленную статьей

125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»**.

В кассационном определении Омского областного суда N 22-2225/12 от 24 мая 2012 г. указано: «несмотря на то, что глава 25 УПК РФ прямо не закрепляет обязанность следователя получать судебное разрешение на осмотр СМС-переписки, эта обязанность вытекает из других норм как уголовно-процессуального закона и положений Конституции Российской Федерации, так и из международных норм... подлежащих безусловному применению в Российской Федерации.

Очевидно, что приведенные выше положения предполагают защиту тайны личной жизни, требуя судебного разрешения на любые оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, которые могут ее нарушить»***.

Кроме вышеприведенных, имеется еще ряд судебных решений по вопросам специфики правового режима осмотра средств сотовой связи****, также неоднозначно трактующих положения Конституции Российской Федерации и УПК РФ, что, несомненно, не способствует формированию единой судебной-следственной практики осмотра.

** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апр. 2010 г. N 433-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Кассационное определение Омского областного суда N 22-2225/12 от 24 мая 2012 г. по делу N 22-2225/12. URL: <http://sudact.ru>

**** Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 сент. 2014 г. по делу N 55-О14-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа N 22-1916/2013 22-49/2014 от 20 янв. 2014 г. по делу N 22-1916/2013. URL: <http://sudact.ru>; Апелляционное постановление Приморского краевого суда N 22-455/15 22К-455/2015 от 2 февр. 2015 г. по делу N 22К-455/2015 // Там же.

* Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2006 г. по делу N 9-ДП06-10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. N 12.

При этом известно, что органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, ориентируются с учетом специфики своей деятельности на мнение Верховного Суда Российской Федерации, по сути, нарушая при этом основополагающие принципы соблюдения прав и свобод граждан, установленные Конституцией Российской Федерации и разъясненные Конституционным Судом Российской Федерации.

Представляется, что в случае обращения граждан, права которых будут ущемлены подобным подходом, в Европейский Суд по правам человека, решение данной инстанции окажется не на стороне российских правоохранительных органов по причине того, что она не связана рамками национального законодательства, а рассматривает дело, исходя из установленных национальными законами и международными правовыми актами прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Использование сотовых телефонов в качестве вещественных доказательств при расследовании мошенничества, совершаемого с их использованием, обладает спецификой, определяемой, во-первых, особенностями осматриваемого объекта как электронного устройства, на котором хранится информация, а во-

вторых, правовым режимом исследования таких объектов.

При этом с позиции тактики представляется целесообразным рекомендовать следователям производить осмотр по рассмотренным в статье правилам с привлечением специалиста в сфере высоких технологий соответствующей квалификации.

С правовой же точки зрения, несмотря на имеющуюся позицию Верховного Суда Российской Федерации, следователям в случае необходимости производства осмотра информации, хранящейся в сотовом телефоне, рекомендуется обращаться за согласием к его владельцу, а при отсутствии такого согласия – в суд.

Следование предлагаемым рекомендациям по использованию средств сотовой связи в качестве вещественных доказательств не потребует значительных временных затрат и дополнительных усилий, однако в полной мере будет способствовать качественному и результативному изучению рассматриваемых объектов, что, в свою очередь, позволит получить важные фактические данные и повысить качество доказательственной базы по делу и исключить негативные последствия в виде вынесения решений Европейским Судом по правам человека о неправомерности действий отечественных правоохранительных органов.

Список литературы

1. Янин С.А. К вопросу о некоторых элементах криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф, 12 июня 2017 г. Саратов, 2017. С. 179-181.
2. Организационно-методические и технико-криминалистические особенности расследования уголовных дел по фактам незаконного оборота наркотических средств синтетического происхождения: учеб. пособие / Д.Н. Шувалов [и др.]. Волгоград: Бланк, 2016. 80 с.
3. Машлякевич В.А. К вопросу о необходимости проведения осмотра места происшествия при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Российский следователь. 2015. N 10. С. 7-9.
4. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Некоторые особенности осмотра средств сотовой связи при расследовании уголовных дел // Российский следователь. 2014. N 2. С. 2-4.
5. Бутенко О.С. Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // Lex Russica. 2016. N 4. С. 49-60.

References

1. Yanin S.A. K voprosu o nekotoryh elementah kriminalisticheskoy harakteristiki moshennichestv, sovershaemyh s ispol'zovaniem sredstv sotovoy svyazi [To a question of some elements of the criminalistic characteristic of the frauds committed with use of means of cellular communication]. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya yuridicheskoy nauki [Theoretical and practical aspects of development of jurisprudence]. Saratov, 2017. Pp. 179-181.

2. Shuvalov D.N. i dr. Organizatsionno-metodicheskie i tehniko-kriminalisticheskie osobennosti rassledovaniya ugolovnyh del po faktam nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv sinteticheskogo proiskhozhdeniya [Organizational and methodical and technical and criminalistic features of investigation of criminal cases on the facts of drug trafficking of synthetic origin]. Volgograd, Blank Publ., 2016. 80 p.

3. Mashlyakevich V.A. K voprosu o neobходимosti provedeniya osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii moshennichestv, sovershaemyh s ispol'zovaniem sredstv telefonnoy svyazi [To a question of need of conducting inspection of the scene at investigation of the frauds committed with use of means of telephone communication]. Rossiyskiy sledovatel' – The Russian investigator, 2015, no. 10, pp. 7-9.

4. Vasyukov V.F., Bulyzhkin A.V. Nekotorye osobennosti osmotra sredstv sotovoy svyazi pri rassledovanii ugolovnyh del [Some features of the inspection of cellular communications in the investigation of criminal cases]. Rossiyskiy sledovatel' – The Russian investigator, 2014, no. 2, pp. 2-4.

5. Butenko O.S. Kriminalisticheskie i protsessual'nye aspekty provedeniya osmotra mobil'nyh telefonov v ramkah predvaritel'nogo sledstviya [Criminalistic and procedural aspects of carrying out survey of mobile phones within preliminary investigation]. Lex Russica, 2016, no. 4, pp. 49-60.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

КОБЕЦ П.Н., доктор юридических наук, профессор; pkobets37@rambler.ru Центр организационного обеспечения научной деятельности; Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 123995, г. Москва, ул. Поварская, 25	KOBETS P.N., Doctor of Legal Sciences, professor, pkobets37@rambler.ru Center for organizational support of scientific activities; All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Povarskaya St. 25, Moscow, 123995, Russian Federation
КРАСНОВА К.А., кандидат юридических наук, доцент, krasnova_vnii@mail.ru Научно-исследовательский центр N 4; Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 123995, г. Москва, ул. Поварская, 25	KRASNOVA K.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Research Center N 4; All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Povarskaya St. 25, Moscow, 123995, Russian Federation

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Важнейшим направлением государственной антинаркотической политики Турецкой Республики является не уголовная репрессия, а профилактика наркомании и лечение наркоманов. В статье представлены результаты исследования наркоситуации в Турецкой Республике, национального опыта обращения с наркоманами и иными лицами, попавшими в трудную жизненную ситуацию, а также практических аспектов взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества в сфере профилактики потребления наркотиков. Методология исследования включает обзор научной литературы и открытых информационных источников, аналитический подход к решению проблемы профилактики. Отмечено, что организационные меры по созданию специальных государственных органов, отвечающих за координацию антинаркотической деятельности, успешно сочетаются с модернизацией уголовного законодательства. Организационные и правовые стандарты антинаркотической борьбы соответствуют требованиям законодательства Европейского Союза. Сделан вывод об эффективности комплексных программ реабилитации наркоманов, реализуемых при активном взаимодействии некоммерческих организаций, государственных и частных медицинских учреждений, социальных служб, которые могли бы быть восприняты и в нашей стране. Дальнейшее исследование национальных антинаркотических стратегий представляется необходимым для совершенствования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению наркопреступности.

Ключевые слова: наркомания; наркопреступность; профилактика наркомании; незаконный оборот наркотиков; мониторинг наркоситуации; государственная антинаркотическая стратегия; антинаркотическая политика; Турецкая Республика.

KEY COMPONENTS OF THE NATIONAL ANTI-DRUG STRATEGY OF THE REPUBLIC OF TURKEY

Annotation. The most important direction of the state anti-drug policy of the Republic of Turkey is not criminal repression, but prevention of drug addiction and treatment of drug addicts. The article presents the results of the study of the drug situation in the Republic of Turkey, the national experience

of dealing with drug addicts and other people facing with difficult life situations, as well as the practical aspects of the interaction of law enforcement agencies and civil society institutions in the field of drug use prevention. The research methodology includes a review of scientific literature and open source information, an analytical approach to solving the problem of prevention. It is noted that the organizational measures for the establishment of special state bodies responsible for coordinating anti-drug activities are successfully combined with the modernization of criminal legislation. Organizational and legal standards of anti-drug fight comply with the requirements of European Union legislation. The authors come to the conclusion about the effectiveness of comprehensive drug rehabilitation programs, implemented by the active cooperation between non-profit organizations, public and private medical institutions, social services, which could be adapted in our country. Further study of national anti-drug strategies is necessary to improve the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation aimed at the prevention of drug-related crime.

Keywords: drug addiction; drug crime; drug abuse prevention; drug trafficking; drug situation monitoring; national anti-drug strategy; anti-drug policy; Turkish Republic.

Незаконный рынок наркотических средств и психотропных веществ государств – членов Европейского союза (далее – ЕС) насыщается как за счет наркотических веществ, произведенных и выращенных в европейских странах, так и ввезенных из других государств мира [1, с. 142-146]. Из ежегодного доклада Международного комитета по контролю над наркотиками Организации Объединенных наций за 2017 г. следует, что ежегодная прибыль от продажи наркотических средств и психотропных веществ в государствах – членах ЕС оценивается почти в 24 млрд евро в год*. Более трети организованных преступных группировок (далее – ОПГ), действующих в ЕС, вовлечены в производство, оборот и продажу запрещенных наркотических средств и психотропных веществ [2]. Две трети ОПГ, участвующих в связанных с наркотиками преступлениях, также вовлечены в другие виды преступного промысла, в том числе в террористическую деятельность [3]. Занимаясь незаконным оборотом наркотиков, ОПГ в целях повышения эффективности преступной деятельности все чаще практикуют новые технологии, включая использование онлайн-рынков и криптовалют, для торговли запрещенными наркотиками [4].

Согласно данным Европейского центра мониторинга наркотиков и наркома-

нии (далее – ЕЦМНН) правоохранительные органы государств – членов ЕС ежегодно осуществляют более 1 млн изъятий наркотических средств и психотропных веществ. В 2015 г. на долю каннабиса приходился 71 % всех изъятий, кокаина – 9 %, амфетаминов – 5 %, героина – 5 %, МДМА – экстази – 2 %, других видов наркотиков – 8 % [5]. По имеющимся оценкам, более четверти всех жителей в ЕС (более 93 млн человек в возрасте от 15 до 64 лет) один раз в течение своей жизни употребляли запрещенные наркотики. Распространенность злоупотребления каннабисом почти в пять раз выше, чем другими запрещенными ЕС веществами. В настоящее время продолжают расти показатели доступности сильнодействующих препаратов экстази и синтетических опиоидов и злоупотребление ими. Власти ЕС озабочены ростом числа случаев смерти из-за передозировки наркотиков, в частности героина и других опиоидов, наблюдаемым в государствах-членах ЕС в течение последних трех лет.

В сложившейся ситуации немаловажен опыт правоохранительных органов государств – членов ЕС, направленный на предупреждение наркопреступности, которая не только отрицательно влияет на здоровье населения в планетарном масштабе, но и подпитывает террористическую деятельность и военные конфликты [6]. Более того, ЕЦМНН выпустил ряд специальных публикаций, технических докладов, обзоров и исследований по широкому кругу тем, связанных с контролем над наркотиками, включая общеевропейские стратегии и меры ЕС по следующим ключевым направлениям: сокращение предложения наркотиков на территории ЕС; норматив-

* Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 год (E/INCB/2017/1) / Организация Объединенных Наций: Международный комитет по контролю над наркотиками. Вена, 2018 г. // Институт наркологии: официальный сайт. URL: <http://www.nncn.ru>

но-правовое регулирование оборота каннабиса в европейских странах; наказание за незаконный оборот наркотиков; употребление особо опасных наркотиков и новых психоактивных веществ; контроль за заболеваемостью инфекционными заболеваниями, обусловленными употреблением наркотиков (гепатит С, ВИЧ-инфекция).

Европейский Центр мониторинга наркотиков и наркомании (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction – EMCDDA) был создан более 20 лет назад «для обеспечения ЕС и его государств-членов фактической, объективной, достоверной и сравнимой информацией о ситуации с наркотиками» [7, с. 20].

Турецкая Республика (далее – Турция) является кандидатом на вступление в ЕС. В связи с этим она приняла на себя обязательства по приведению своего законодательства, в том числе в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и новых психоактивных веществ, в соответствие с правовыми нормами ЕС. И если в отечественной юридической литературе проблемы исследования предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в государствах – членах ЕС ранее частично освещались [см., например: 8], то комплексный анализ Национальной антинаркотической стратегии Турции, направленной на создание общества, в максимальной возможной степени свободного от наркомании, не проводился.

В первую очередь следует рассмотреть наркорынок Турции. Это государство, расположенное главным образом в Юго-Западной Азии и частично в Южной Европе, является важной транзитной страной между Европой и Ближним Востоком и представляет собой крупный потребительский рынок наркотических средств и психотропных веществ.

Турция, расположенная на Балканском маршруте наркотических средств, является ключевым транзитным пунктом для перевозки героина из Афганистана в Европу и, как правило, в обмен на ангидрид уксусной кислоты (главный прекурсор для производства героина) или синтетические стимуляторы. Героин является основным незаконным наркотиком, который перевозится по Балканскому маршруту. Об этом

свидетельствуют крупные изъятия, наиболее часто происходящие в настоящее время на территории государств – членов ЕС.

Несмотря на незначительное сокращение в 2014 и 2015 гг. объема изъятий каннабиса, он остается наиболее распространенным наркотиком на турецком рынке.

Кокаин поступает в Турцию из Южной Америки как для внутреннего потребления, так и с целью направления в европейские страны. По доступным данным за 2016 год*, ставший рекордным по количеству изъятий (1476 партий), в Турции было изъято 845,1 кг кокаина. Большая часть крупных изъятий кокаина происходила в Стамбуле и других международных морских портах средиземноморского побережья Турции.

Метамфетамин поступает в Турцию через Иран. В 2015 г. сообщалось о четырехкратном увеличении объема изъятий метамфетамина, в связи с чем властями была выражена обеспокоенность по поводу увеличения количества этого вещества, имеющегося на розничном рынке. В Турции регулярно изымаются партии МДМА, поступающие из Нидерландов и Бельгии. Их традиционно изымают в западных районах страны, хотя изъятие этого синтетического стимулятора в восточных провинциях в последние годы также возросло. В 2015 г. в Турции было изъято рекордное количество (около 5,7 млн) таблеток МДМА, что свидетельствует о растущей популярности этого наркотика в стране.

Таблетки каптагон (captagon) – гидрохлорида фенетиллин – поставляются в юго-восточную часть ЕС и страны Аравийского полуострова контрабандным путем. Турция является транзитной страной для поставок данной разновидности амфетамина, используемого в качестве стимулятора террористами и боевиками, и лишь небольшая часть этих таблеток остается на внутреннем рынке. В 2015 г. в ходе полицейской операции было изъято рекордное количество таблеток каптагон – 12 млн.

Синтетические каннабиноиды, которые появились на турецком рынке наркотиков в 2010 г., ввозятся из Китая, Европы

* Key statistics // Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании: сайт. URL: <http://www.emcdda.europa.eu>

и Соединенных Штатов Америки. В период с 2013 по 2015 г. количество изъятий оставалось стабильным*.

В 2015 г. Министерство юстиции Турции выразило обеспокоенность в связи с ростом смертности от наркотиков. Большинство умерших составили мужчины (94 %), а их средний возраст — 31 год. Токсикологический анализ был доступен для всех подтвержденных случаев смерти, вызванных наркотиками, и показал, что опиоиды, главным образом героин, были причиной немногим более половины из них. В большинстве случаев смерти от наркотических средств было обнаружено более одного вещества. Синтетические каннабиноиды присутствовали в значительном числе случаев. В дополнение к увеличению количества смертей, связанных с героином, с 2012 г. был зарегистрирован рост смертности от других опиоидов (метадон, трамадол, фентанил, бупренорфин, петидин и оксикодон). За исключением случаев смерти в результате употребления каннабиса, в последние годы в Турции увеличилась смертность, связанная с потреблением запрещенных веществ. Отчасти увеличение количества зарегистрированных случаев наступления смерти от наркотиков за последние пять лет может быть также связано с лучшим выявлением наркотических средств и совершенствованием форм отчетности в Турции**. Вместе с тем следует отметить, что в Турции уровень смертности от наркотиков среди взрослых (в возрасте от 15 до 64 лет) составил 10,1 смерти на миллион (по данным за 2015 г.), что ниже, чем средний европейский показатель (20,3 смерти на миллион).

Национальная антинаркотическая стратегия Турции (Turkey's National Anti-Drug Strategy Paper, далее — Стратегия), принятая в 2015 г., направлена на противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в стране. Стратегия нацелена на сокращение спроса и предложения на наркотики. Национальная антинаркотическая политика, изложенная в Стратегии, направлена:

- на предотвращение доступа к наркотикам;
- принятие мер в отношении их употребления в учебных заведениях;
- определение групп, на которые должно быть направлено целевое воздействие;
- совершенствование наркологической помощи населению;
- способствование социальной реинтеграции наркозависимых лиц;
- развитие научно-консультативных советов по антинаркотической деятельности;
- создание систем обмена информацией в сфере антинаркотической деятельности;
- совершенствование законодательства, регламентирующего антинаркотическую деятельность;
- расширение координации и сотрудничества субъектов профилактического воздействия;
- налаживание связей с общественностью;
- совершенствование диагностики и лабораторных услуг***.

Следует подчеркнуть, что настоящая Стратегия представляет собой долгосрочный документ, в развитие которого в 2015 г. был принят Национальный план действий по борьбе с наркотиками (the 2015 National Anti-Drug Action Plan, далее — План).

В Плане определен комплекс мер по реализации целей Стратегии****. Важно также отметить, что выполнение позиций, обозначенных в Стратегии и Плане, подлежит оценке, проводимой при помощи регулярного мониторинга показателей в рамках конкретных исследовательских проектов.

За деятельность по межведомственной координации в области противодействия наркопреступности в Турции отвечает Высший совет по борьбе с наркотиками (The High Council for the Fight Against Drugs, далее — Высший Совет). На него

* Drug markets // Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании: сайт. URL: <http://www.emcdda.europa.eu>

** Drug harms // Там же.

*** National anti-drug strategy paper. URL: <http://narkotik.pol.tr>

**** Турецкое правительство представило план по борьбе с наркотиками. URL: <http://www.blackseanews.net/read/83868>

возложены обязанности по разработке стратегий борьбы с наркоманией и развитию межведомственной координации, а также функция мониторинга реализации этих стратегий. В состав Высшего совета по борьбе с наркотиками входят главы всех министерств, участвующих в реализации целей Стратегии. Совет по борьбе с наркотиками (The Board for the Fight Against Drugs) поддерживает работу Высшего Совета. Он отвечает за национальную стратегическую и оперативную координацию противодействия наркопреступности и осуществляет мониторинг исполнения Стратегии. Технический совет по борьбе с наркотиками (Technical Board for the Fight Against Drugs) является консультативным органом, который оказывает помощь в работе по борьбе с наркотиками и включает в себя ряд специализированных подразделений*.

В настоящее время в Турции также действует 81 провинциальный и окружной Совет по борьбе с наркотиками, которые активно занимаются работой по противодействию наркопреступности во всех провинциях Турции.

Турецкий центр мониторинга наркотиков и наркомании (TUBİM, далее – Центр) функционирует в Департаменте по борьбе с наркотиками национальной полиции Турции [9]. От имени МВД Турции Центр отвечает за координацию и реализацию Национальной стратегии Турции в области наркотиков и за мониторинг ситуации с наркотиками во всей стране. С этой целью создана сеть провинциальных координационных центров. Среди основных полномочий Центра следует отметить функцию по мониторингу новых психоактивных веществ в рамках созданной в Турции Национальной системы раннего предупреждения. Научный комитет Центра, в состав которого входят ученые – представители разных отраслей науки, исследует наркоситуацию в Турции и консультирует турецкое правительство.

В условиях начала нового тысячелетия было реформировано и модернизиро-

вано уголовное законодательство Турции, которое практически достигло уровня стандартов уголовного законодательства государств – членов ЕС. Помимо Уголовно-процессуального кодекса (Закон от 4 декабря 2004 г. N 5271) и Закона о судостроительстве (от 26 сентября 2004 г. N 5235) 8 июля 2005 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс Турции (далее – УК Турции) (Закон от 31 марта 2005 г. N 5328) [10].

Нормы главы 3 раздела 7 УК Турции предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет для лиц, употребляющих наркотики, покупающих, приобретающих или хранящих наркотические средства для личного употребления**. Помимо реального лишения свободы существует также вариант условного заключения с испытательным сроком до трех лет, хотя с 2014 г. испытательный срок в качестве альтернативы тюремному заключению не может использоваться более одного раза. Если наркопотребители отказываются от назначенного им лечения или не соблюдают требования испытательного срока, то суд может вынести приговор о лишении свободы.

Производство, импорт или экспорт наркотиков наказываются тюремным заключением на срок от 20 до 30 лет, а продажа или перевозка – лишением свободы на срок от 10 до 15 лет.

Если наркотики реализуются несовершеннолетнему, то в этом случае наказание зависит от типа наркотического средства. В частности, санкции за совершенные преступления могут увеличиваться на 50 % в случае реализации кокаина, героина, морфина или синтетических каннабиноидов. Аналогичное увеличение санкции предусматривается также в случаях, если речь идет о группе лиц или осужденные занимали должности врачей, фармацевтов, иных медицинских работников и т.д. Если в совершении преступлений участвовали члены организованных преступных групп, то наказание удваивается [11].

Профилактическое противодействие наркопреступности в Турции охватывает широкий спектр взаимодополняющих путей воздействия. Универсальные стратегии

* National drug strategy and coordination // Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании: сайт. URL: <http://www.emcdda.europa.eu>

** Уголовный кодекс Турции. URL: <http://pravoturka.ru/ugolovniy-kodeks-turcii/>

ориентированы на население в целом, выборочная профилактика нацелена на уязвимые группы, которые могут подвергаться большому риску возникновения проблем, связанных с употреблением наркотиков. Следует отметить, что предупреждение рассматриваемого вида преступности в основном ориентировано на лиц, подвергающихся наркотической опасности [12]. В частности, выборочная профилактика лиц, употребляющих опиоиды, связана с внедрением методик опиоидной заместительной терапии начиная с 2010 г. (одобрена в 2009 г.). В результате внедрения подобных мер профилактики в Турции ежегодно увеличивается количество пациентов, проходящих лечение от опиоидов (героина), чему во многом способствует расширение системы лечения и повышение доступности опиоидной заместительной терапии [13].

Национальный план действий по борьбе с наркотиками поставил перед Министерством национального образования Турции задачу координации всех мероприятий по профилактике наркомании в стране. Министерство по делам семьи и социальной политики, Министерство здравоохранения, МВД, Национальный координационный центр при Европейском центре мониторинга наркотиков и наркомании и турецкое Общество зеленого полумесяца упоминаются в качестве основных учреждений — исполнителей профилактических мероприятий, предусмотренных в Плане.

Необходимо отметить, что на местном уровне были созданы провинциальные руководящие комитеты под председательством заместителей губернаторов для подготовки своих планов действий в соответствии с особенностями их провинций.

В соответствии с Национальным планом действий по борьбе с наркотиками первоочередные предупредительные мероприятия, проводимые в Турции, направлены на повышение осведомленности населения и распространение информации профилактического характера, прежде всего о вреде употребления наркотиков. Инициирована работа, направленная на повышение профилактических мероприятий среди молодежи и на поддержку условий, которые могут сдерживать распространение наркотиков среди уязвимых групп населения [14].

Министерство национального образования Турции несет прямую ответственность за осуществление всеобщей профилактики наркомании в турецких школах. Профилактические мероприятия, ориентированные на молодежь, также поддерживаются неправительственными организациями. Используемые методы включают консультативную поддержку, семинары, дискуссионные форумы и конференции. Профилактические программы, ориентированные на семью, осуществляются в сотрудничестве со школьными консультационными центрами. На муниципальном уровне профилактические мероприятия носят главным образом информативный характер.

Главным управлением специального воспитания и консультативной деятельности Министерства национального образования Турции в рамках реализации программы «Классное руководство в начальных и средних учебных заведениях» проводится работа, направленная на предупреждение вредных привычек среди школьников. В провинциях Турции в рамках предупредительно-профилактической работы в школах представителями территориальных управлений национального образования во взаимодействии с представителями территориальных центров по изучению наркотиков и проблем наркозависимости и сотрудниками антинаркотических подразделений полиции проводятся соответствующие мероприятия. К проведению мероприятий привлекаются специалисты территориальных управлений здравоохранения и представители общественных организаций [15].

Среди других важных факторов, влияющих на эффективность профилактической работы, следует назвать проблему занятости свободного времени молодежи, качество осуществления мер, направленных на их профессиональную ориентацию и трудоустройство. Клубы обеспечивают работу, направленную на осознание подростками необходимости использования с пользой свободного времени, создают условия для здорового общения с группами школьников и молодежи, дают возможность молодым людям общаться и обмениваться информацией [16].

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Современная Турция сочетает рациональное уголовное законодательство с насыщенной просветительской и обучающей деятельностью в сфере профилактики наркомании и предупреждения наркопреступности. В рамках профилактических мероприятий в Турции основное внимание уделяется повышению осведомленности населения о проблеме наркомании и предоставлению соответствующей информации из разнообразных правительственных и неправительственных источников.

2. Органы государственной власти и институты гражданского общества Турции

объединяют усилия в целях сохранения здоровья нации, защищая при этом основные свободы личности.

3. Роль центров социальных услуг Турции заключается в предоставлении социальной помощи нуждающимся наркозависимым гражданам и направлении в лечебные учреждения бездомных детей и молодых людей.

4. Полученные данные о положительном опыте профилактики наркомании и предупреждения наркопреступности в Турции могут быть использованы в дальнейшей работе по созданию административной среды в сфере профилактики наркомании и модернизации уголовного законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Кобец П.Н., Краснова К.А. О взаимосвязи незаконного оборота наркотиков и финансирования терроризма в Европейском Союзе // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: отечественный и зарубежный опыт: материалы междунар. науч.-практ. конф., 17 ноября 2017 г. Алматы, 2017. С. 142-146.
2. Кобец П.Н., Краснова К.А. Особенности государственной политики Королевства Испания в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и финансированию терроризма (часть 1) // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. 2017. N 3. С. 4-12.
3. Жестеров П.В. Границы национального суверенитета и преступления в сфере киберпространства // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 8 декабря 2017 г. / сост. Д.В. Попов. Электрон. дан. (3,31 Мб). СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2018. С. 136-140.
4. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании. URL: <http://www.euro.who.int> (дата обращения: 25 сент. 2018 г.).
5. Жестеров П.В. Усиление уголовной репрессии в сфере противодействия терроризму: российский и европейский опыт // Юридическая мысль. 2016. Т. 93. N 1. С. 98-103.
6. Жестеров П.В. О роли уголовной репрессии в предупреждении преступлений террористического характера // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. N 1. С. 36-41.
7. Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании – Информационный центр по наркотикам в Европе / М. Нильсон [и др.] // Наркология. 2010. N 8. С. 20-27.
8. Кобец П.Н. Положительный опыт и основы государственной политики Французской Республики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник развития науки и образования. 2017. N 3-4. С. 4-12.
9. About our partner in Turkey. URL: <http://www.emcdda.europa.eu> (дата обращения: 25 сент. 2018 г.).
10. Раджабова Э.Ш. Уголовное законодательство Турецкой Республики: становление и развитие // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. N 1. С. 29-32.
11. Drug laws and drug law offences. URL: <http://www.emcdda.europa.eu> (дата обращения: 25 сент. 2018 г.).
12. Опыт Турции в борьбе с наркоманией. Справка. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 25 сент. 2018 г.).
13. Кобец П.Н., Ильин И.В. Опыт Турецкой Республики по предупреждению преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. N 1 (41). С. 119-122.
14. Prevention. URL: <http://www.emcdda.europa.eu> (дата обращения: 25 сент. 2018 г.).
15. Салимова К.И. Становление светской школы в Турции // Педагогика. 2011. N 4. С. 107-114.
16. Туровская А.А. Турецкое общество: столкновение или преемственность традиций // Безопасность Евразии. 2009. N 4. С. 426-432.

References

1. Kobets P.N., Krasnova K.A. O vzaimosvyazi nezakonnogo oborota narkotikov i finansirovaniya terrorizma v Evropeyskom Soyuze [On the relationship of illicit drug trafficking and the financing of terrorism in the European

Union]. Aktual'nye problemy protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Actual problems of countering terrorism and extremism: domestic and foreign experience]. Almaty, 2017. Pp. 142-146.

2. Kobets P.N., Krasnova K.A. Osobennosti gosudarstvennoy politiki Korolevstva Ispaniya v sfere protivodeystviya nezakonnomu oborotu narkotikov i finansirovaniyu terrorizma (chast' 1) [Features of the state policy of the Kingdom of Spain in the field of combating illicit drug trafficking and the financing of terrorism (Part 1)]. Protivodeystvie terrorizmu. Problemy XXI veka – COUNTER-TERRORISM – Counter-terrorism. Problems of the XXI century – COUNTER-TERRORISM, 2017, no. 3, pp. 4-12.

3. Zhesterov P.V. Granitsy natsional'nogo suvereniteta i prestupleniya v sfere kiberprostranstva [Borders of national sovereignty and crimes in the sphere of cyberspace]. Pravoohranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy [Law enforcement activities of the internal affairs bodies in the context of modern scientific research]. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. Pp. 136-140.

4. Vsemirnaya organizatsiya zdavoohraneniya. Evropeyskoe regional'noe byuro. Evropeyskiy tsentr monitoringa narkotikov i narkomanii [World Health Organization. European Regional Office. European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction]. Available at: <http://www.euro.who.int> (Accessed September 25, 2018).

5. Zhesterov P.V. Usilenie ugovolnoy repressii v sfere protivodeystviya terrorizmu: rossiyskiy i evropeyskiy opyt [Strengthening criminal repression in the field of countering terrorism: the Russian and European experience]. Yuridicheskaya mysl' – Legal thought, 2016, vol. 93, no. 1, pp. 98-103.

6. Zhesterov P.V. O roli ugovolnoy repressii v preduprezhdenii prestupleniy terroristicheskogo haraktera [On the role of criminal repression in the prevention of crimes of a terrorist nature]. Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy – Journal of legal and economic research, 2016, no. 1, pp. 36-41.

7. Nil'son M. i dr. Evropeyskiy tsentr monitoringa narkotikov i narkomanii – Informatsionniy tsentr po narkotikam v Evrope [European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction – Drug Information Center in Europe]. Narkologiya – Narcology, 2010, no. 8, pp. 20-27.

8. Kobets P.N. Polozhitel'nyy opyt i osnovy gosudarstvennoy politiki Frantsuzskoy Respubliki v sfere protivodeystviya nezakonnomu oborotu narkotikov [Positive experience and fundamentals of the state policy of the French Republic in the field of combating illicit drug trafficking]. Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya – Bulletin of the development of science and education, 2017, no. 3-4, pp. 4-12.

9. About our partner in Turkey. Available at: <http://www.emcdda.europa.eu> (Accessed September 25, 2018).

10. Radzhabova E.Sh. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Turetskoy Respubliki: stanovlenie i razvitie [The criminal legislation of the Republic of Turkey: the formation and development]. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International criminal law and international justice, 2013, no. 1, pp. 29-32.

11. Drug laws and drug law offences. Available at: <http://www.emcdda.europa.eu> (Accessed September 25, 2018).

12. Opyt Turtsii v bor'be s narkomaniey. Spravka [Turkey's experience in the fight against drug addiction. Reference]. Available at: <https://ria.ru> (Accessed September 25, 2018).

13. Kobets P.N., Il'in I.V. Opyt Turetskoy Respubliki po preduprezhdeniyu prestupnosti v sfere nezakonnogo oborota narkotikov [The experience of the Turkish Republic in crime prevention in the sphere of illicit drug trafficking]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, 2018, no. 1 (41), pp. 119-122.

14. Prevention. Available at: <http://www.emcdda.europa.eu> (Accessed September 25, 2018).

15. Salimova K.I. Stanovlenie svetskoy shkoly v Turtsii [Formation of a secular school in Turkey]. Pedagogika – Pedagogy, 2011, no. 4, pp. 107-114.

16. Turovskaya A.A. Turetskoe obshchestvo: stolknovenie ili preemstvennost' traditsiy [Turkish society: the clash or continuity of traditions]. Bezopasnost' Evrazii – Security of Eurasia, 2009, no. 4, pp. 426-432.

МАТЕЙЧУК В.И.,
vasilypost71@yandex.ru
Кафедра государственно-правовых
дисциплин;
Челябинский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26

MATEYCHUK V.I.,
vasilypost71@yandex.ru
Chair of state and legal disciplines;
Chelyabinsk Branch of the
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration,
Komarova St. 26, Chelyabinsk, 454077,
Russian Federation

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения, регламентирующие апелляционное производство в уголовном процессе Российской Федерации, Англии и Уэльса, США, Франции, ФРГ, Украины, Казахстана, Беларуси. Сравнительный анализ особенностей данного уголовно-процессуального института государств, относящихся к разным правовым системам, проводится в контексте трех основных положений апелляционного производства, вызывающих многочисленные дискуссии процессуалистов: о наличии ревизионного начала; об обязанности суда второй инстанции повторно исследовать доказательства по правилам суда первой инстанции, исходя из притязаний одной из сторон; о наличии права суда апелляционной инстанции возвратить дело в суд первой инстанции для повторного рассмотрения. В результате автор статьи приходит к заключению, что рассмотрение дел в суде второй инстанции в различных государствах имеет особенности, обусловленные принадлежностью к англо-саксонской или континентальной системе права. В связи с тем, что указанные основные положения апелляционного производства имеются в большинстве аналогичных правовых институтов, делается вывод о том, что, несмотря на определенную критику данных положений, существующая в Российской Федерации модель производства в суде апелляционной инстанции является в целом оптимальной.

Ключевые слова: уголовный процесс; апелляционное производство; суд первой инстанции; суд второй инстанции; решение суда; доказательства.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE LEGAL REGULATION OF APPEAL PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The main provisions regulating the appeal proceedings in the criminal procedure of the Russian Federation, England and Wales, the USA, France, Germany, Ukraine, Kazakhstan, Belarus are considered in the article. A comparative analysis of the characteristics of the discussed institution in the states belonging to different legal systems is carried out in the context of the three main provisions of the appeal proceedings which cause numerous discussions of the scientists dealing with criminal procedure: about availability of the criminal procedure provision, according to which the review of the court decision by a higher court (cassation or supervisory court) can be carried out in full; about the duty of the court of second instance to re-examine the evidence according to the rules of the court of first instance, based on the claims of one of the parties; about the right of the court of appeal to refer a case to the court of first instance for reconsideration. As a result of the research, the author comes to the conclusion that consideration of cases in the court of second instance in different states has its own peculiarities determined by their belonging to the Anglo-Saxon or continental system of law. Due to the fact that most similar legal institutions have the abovementioned basic provisions of the appeal proceedings, it is concluded that, despite certain criticism of these provisions, the existing model of appeal proceedings in the Russian Federation is generally optimal.

Keywords: criminal procedure; appeal proceedings; court of first instance; court of second instance; court decision; evidence.

При системном анализе проблемных положений и возможных путей совершенствования института апелляционного обжалования в уголовном судопроизводстве

не может быть оставлен без внимания вопрос сравнения российского уголовного апелляционного производства с аналогичными производствами в других странах в контексте существующих дискурсов, касающихся основных положений апелляции. Представляется целесообразным провести данное сравнение с институтами обжалования не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции в уголовном судопроизводстве в странах англо-саксонской правовой системы (США, Великобритания), странах континентальной правовой системы (Франция и ФРГ), и странах постсоветского пространства (Украина, Беларусь и Казахстан).

Рассматривая апелляционное производство в Великобритании, можно отметить, что правовую систему данного государства следует рассматривать не как единое целое, а как сумму составляющих ее систем отдельных регионов [1, с. 153]. Данное государство состоит из следующих регионов: Англия, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия. Каждый из них имеет свое уголовно-процессуальное законодательство, которое может отличаться от соответствующего законодательства остальных регионов в большей или меньшей степени. В правовом регулировании производства в суде второй инстанции также имеются различия, касающиеся наличия большего или меньшего количества особенностей, свойственных англо-саксонской или континентальной системе права. В контексте настоящего исследования наибольший интерес представляет институт апелляционного производства в Англии и Уэльсе как имеющий наиболее характерные черты англо-саксонской правовой системы.

В Англии и Уэльсе под апелляцией принято понимать все способы обжалования, в отличие от аналогичного понятия в странах континентального права, в которых это лишь один из способов обжалования. При этом согласно критериям стран континентальной системы права имеет место ограничение свободы обжалования. Законодательство не подразумевает обязательное рассмотрение дела более чем в одной инстанции при обжаловании итогового решения по уголовному делу. Для обращения с апелляцией обязательно

решение суда о том, что она обоснованна (разрешение на апелляцию). Процесс обжалования регламентирован несколькими документами.

Апелляция классифицируется следующим образом:

– по виду судебного решения и мере наказания: а) против решения о виновности; б) против меры наказания; в) против решения о невиновности;

– по основаниям обжалования: а) по вопросам факта; б) по вопросам права;

– по субъекту, принявшему судебное решение: а) по делам, рассмотренным Судом короны; б) по делам, рассмотренным магистратским судом;

– по субъекту обжалования: а) со стороны защиты; б) со стороны обвинения.

При обжаловании стороной защиты решений Суда короны имеются особенности: 1) пересматриваются решения с участием присяжных; 2) при обжаловании осужденный должен получить разрешение со стороны суда на апелляцию; 3) ходатайство о разрешении на апелляцию направляется в течение двадцати восьми дней со дня вынесения вердикта присяжными и рассматривается судьей, вынесшим приговор, либо единолично судьей апелляционного суда; 4) в случае несогласия осужденного с решением об отказе в апелляции он вправе в течение четырнадцати дней направить об этом ходатайство, которое рассматривается коллегиально вышестоящим апелляционным судом; если хотя бы один судья выскажется в пользу того, чтобы дать разрешение на апелляцию, оно считается выданным; 5) в случае отказа в выдаче разрешения предыдущими инстанциями осужденный вправе обратиться за выдачей разрешения на апелляцию в Комиссию по пересмотру уголовных дел.

Комиссия по пересмотру уголовных дел состоит не менее чем из одиннадцати человек и назначается Коронай (королем или королевой) по представлению премьер-министра. Особенностью является то, что только одна треть членов комиссии должна иметь юридическое образование, к остальным предъявляется требование лишь о наличии познаний в этой области. Данная комиссия имеет право по обращению осужденного передать дело для рассмотрения в Апелляционный суд, который

рассматривает дело. При рассмотрении дела Апелляционным судом могут исследоваться новые доказательства, но только по решению данного суда. Апелляция может быть удовлетворена, если вердикт присяжных «ненадежен или неудовлетворителен». По сути, в данном основании для отмены вердикта присяжных объединены два других, которые существовали ранее: 1) если правовой вопрос неверно разрешен судьей; 2) если процедура судебного разбирательства существенно нарушена.

Решения Апелляционного суда могут быть следующими: а) отклонить апелляцию; б) отменить вердикт присяжных и вынести самостоятельный вердикт о признании лица виновным в совершении другого преступления (при этом наказание не может быть усилено); в) отменить вердикт присяжных и вынести специальный вердикт о признании лица невменяемым с применением к нему в случае необходимости соответствующих мер; г) отменить вердикт и направить дело на новое рассмотрение в первую инстанцию с участием присяжных заседателей.

Апелляция защиты о мере наказания может быть также направлена в Апелляционный суд. Исключение составляют случаи, когда наказание за преступление, за совершение которого осуждено лицо, является абсолютно определенным. При данном виде обжалования порядок получения разрешения на апелляцию аналогичен порядку, существующему при апелляции о виновности. Существует запрет поворота к худшему (наказание не может быть строже назначенного Судом Короны). Имеется субинститут судебного приказа, который не следует отождествлять с институтами судебного приказа в гражданском процессе и административном судопроизводстве Российской Федерации, предназначенными для упрощенного рассмотрения в основном незначительных категорий дел о денежных взысканиях. В Англии и Уэльсе судебный приказ в уголовном судопроизводстве выдается Апелляционным судом в случае существенных процессуальных нарушений и влечет недействительность всего судебного разбирательства. В качестве примера аналогичной процедуры в Российской Федерации можно привести право суда апелляционной инстанции в уголовном процессе

отменить решение суда первой инстанции и направить дело на новое рассмотрение в случае существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Апелляционное обжалование со стороны обвинения ограничено в большей степени по сравнению со стороной защиты. Обвинение, как и защита, имеет право ходатайствовать о выдаче судебного приказа при существенном нарушении порядка рассмотрения уголовного дела. Директор публичных преследований (главный государственный обвинитель) может направить жалобу в Палату лордов, если при рассмотрении дела был рассмотрен вопрос права, имеющий особое значение. Генеральный атторней может обжаловать в Апелляционный суд оправдательные приговоры. При этом даже в случае признания его обжалования обоснованным суд не вправе отменить оправдательный приговор по конкретному делу, но имеет право признать данный случай неправомерного вынесения оправдательного приговора судебным прецедентом для рассмотрения аналогичных дел в будущем. Кроме того, обвинение вправе обратиться в Высокий суд (высшая судебная инстанция) в случае, если имеются основания полагать, что оправдательный приговор был постановлен вследствие незаконного воздействия на присяжных или участников процесса. В этом случае Высокий суд вправе отменить оправдательный вердикт и направить дело на новое рассмотрение.

Решение магистратского суда может быть обжаловано в Суд короны. При этом не нужно получать разрешение на апелляцию. Срок такого обжалования составляет двадцать один день. Если осужденный не признал себя виновным, то он может обжаловать как наказание, так и свою виновность. Если он признал себя виновным, то может обжаловать только наказание. Обвинение в большинстве случаев лишено права обжалования. Если срок пропущен, то можно обратиться в Комиссию по пересмотру уголовных дел, которая имеет право направить любое дело для апелляционного рассмотрения вне зависимости от того, признал осужденный себя виновным или нет. Апелляционное рассмотрение производится по правилам суда первой инстанции, принцип «запрета поворота к худшему» не действует.

После рассмотрения дела магистратским судом стороны имеют право обжаловать решение в Суд короны, а затем — после апелляционного рассмотрения — в Отделение королевской скамьи Высокого суда. Право на обращение с апелляцией на решения магистратских судов у защиты и обвинения равны. Особенностью рассмотрения дела в магистратских судах является то, что их решения не мотивируются, что осложняет обращение с апелляцией по правовым основаниям.

Рассмотрение апелляций в Палате лордов является исключительной стадией пересмотра судебных решений. Данный пересмотр осуществляется в интересах законности и служит механизмом правотворчества. Его можно сравнить с институтом надзорного пересмотра дела, существующим в Российской Федерации.

Таким образом, институт обжалования не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции в Англии и Уэльсе имеет следующие особенности: 1) ограничение свободы обжалования, выражающееся в том, что некоторые виды судебных решений вообще не обжалуются (по нетяжким преступлениям); 2) для обжалования большинства принятых решений требуется разрешение; 3) суд апелляционной инстанции имеет право вернуть дело в суд первой инстанции для повторного рассмотрения, если выявлена «недействительность судебного разбирательства» (аналог существенного нарушения уголовно-процессуального закона в Российской Федерации); 4) некоторые инстанции, рассматривающие апелляционные жалобы на судебные решения, являются не судебными инстанциями, а административными органами, в составе которых находятся лица, не имеющие юридического образования (Комиссия по пересмотру уголовных дел, Палата Лордов); 5) решения магистратского суда не мотивируются, вследствие чего их сложно обжаловать; 6) при рассмотрении дела в суде второй инстанции доказательства могут быть исследованы, но только по решению суда; 7) процесс апелляционного обжалования многоступенчатый (получение разрешения, отказ в котором также обжалуется, только затем подача жалобы); кроме того, регламентирующие его нормы не кодифицированы.

Сходство с производством в суде второй инстанции в Российской Федерации заключается в следующем: 1) доказательства исследуются по правилам первой инстанции, если суд примет об этом решение; 2) допускается возвращение дела в суд первой инстанции для повторного рассмотрения в случае существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые влекут недействительность всего судебного разбирательства.

На Украине установлены примерно такие же требования к апелляционной жалобе, как и в Российской Федерации. Заинтересованные лица представляют копии апелляционной жалобы и приложенных к ней материалов по числу лиц, интересов которых касается апелляционная жалоба. Данная обязанность не касается лица, находящегося под стражей или домашним арестом. Суд второй инстанции может рассмотреть дело в ревизионном порядке, если этим не ухудшается положение обвиняемого и иных лиц, имеющих аналогичный статус. Суд также вправе рассмотреть дело в пользу лиц, решение в отношении которых не обжаловалось. При наличии ходатайства суд обязан повторно исследовать обстоятельства, установленные судом первой инстанции, но только при условии, что они были исследованы не в полном объеме или имелись нарушения. Суд наделен правом исследовать доказательства, которые не исследовались, но об этом было ранее заявлено ходатайство, а также в случае, если о доказательствах стало известно после принятия судебного решения.

По итогам апелляционного рассмотрения суд вправе принять решения, аналогичные решениям апелляционного суда в Российской Федерации, в том числе отменить судебное решение и вернуть дело для нового рассмотрения в суд первой инстанции. Апелляционная жалоба может быть подана в течение тридцати дней на приговор или другое итоговое решение, иным образом ограничивающее права граждан, а также в течение семи дней на другие судебные постановления*.

Таким образом, УПК Украины в части апелляционного обжалования в целом

* Уголовно-процессуальный кодекс Украины. URL: <http://search.ligazakon.ua>

основывается на тех же основных положениях, что и УПК РФ:

1) ревизионное начало и возможность рассмотреть дело в отношении тех лиц, которые не обжаловали судебное решение;

2) доказательства, исследованные судом первой инстанции, если они были надлежащим образом исследованы, повторно в обязательном порядке не исследуются; исследуются новые доказательства;

3) суд может принять решения, аналогичные описанным в УПК РФ, в том числе возвратить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции;

Однако имеются и отличия:

1) предоставляются копии апелляционной жалобы и приложенных к ней материалов по числу лиц, интересов которых касается апелляционная жалоба; данное положение не относится к лицам, находящимся под домашним арестом и под стражей; в уголовном процессе Российской Федерации данное положение отсутствует, но имеет место в гражданском процессе и административном судопроизводстве;

2) срок подачи апелляционной жалобы составляет тридцать суток на итоговое решение и семь суток — на иные решения; в уголовном процессе Российской Федерации срок обжалования составляет десять суток для любого решения.

В уголовном процессе США апелляционные суды в основном не рассматривают вопросы факта. В этой части процедура рассмотрения регулируется не федеральным законодательством, как в Российской Федерации, а законодательством каждого из штатов. В законодательстве некоторых штатов фактическая ошибка не может быть основанием для пересмотра. В других штатах допускается пересмотр необоснованных приговоров. При этом суд второй инстанции не вправе рассмотреть дело по существу и возвращает его на повторное рассмотрение в суд, вынесший решение, поскольку это относится к дискреционному полномочию суда первой инстанции. Это обуславливается большим разнообразием форм апелляционного процесса. Такое разнообразие, в свою очередь, объясняется существованием по крайней мере двухуровневой (а в некоторых штатах трех- или четырехуровневой) системы апелляционных судов.

На уровне штатов имеются промежуточные апелляционные суды и верховные суды штатов. На федеральном уровне существуют окружные апелляционные суды и Верховный Суд США [2, с. 120-121]. Суд рассматривает дело в пределах апелляционной жалобы и не имеет права рассматривать дело в ревизионном порядке. Со стороны обвинения право обжалования имеет только участвовавший в деле представитель государственного обвинения, его руководитель данным правом не наделен. Стороны имеют право направить уведомление о подаче апелляционной жалобы в суд, вынесший решение, в течение десяти суток, обвинитель — в течение тридцати суток. В данном уведомлении должен содержаться краткий отчет об имеющихся нарушениях при вынесении решения. При этом разрешается предоставлять новые доказательства и материалы без ограничений. Затем, в течение сорока суток со дня направления уведомления, подается полная жалоба с подробным обоснованием допущенных, по мнению апеллянта, нарушений при рассмотрении дела. В обоснование своих доводов апеллянт должен приводить материалы дела, для чего по его просьбе и за его счет изготавливаются выписки из дела в течение отведенных сорока суток*.

Законодательство устанавливает существенные ограничения права обжалования в апелляционном порядке как обвинительных, так и оправдательных приговоров. Обжаловать обвинительный приговор может только не признавший свою вину при рассмотрении дела в суде первой инстанции осужденный. Государственный обвинитель в ряде случаев не имеет права на обжалование оправдательного приговора [3, с. 529]. По общему правилу суд апелляционной инстанции не рассматривает вопросы факта, для рассмотрения нарушений по данным вопросам дело направляется в суд первой инстанции на повторное рассмотрение. В некоторых штатах апелляционные жалобы по вопросам факта не рассматриваются.

Таким образом, апелляционная система в США коренным образом отличается от имеющейся в Российской Федерации, в связи с чем, а также в силу отсутствия

* Federal Rules of Appellate Procedure. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frap>

правового регулирования большей части процедур апелляционного производства на федеральном уровне сравнить данные системы не представляется возможным.

Пересмотр не вступивших в законную силу судебных решений в США характеризуется следующими признаками:

- 1) отсутствие ревизионного начала;
- 2) отсутствие единого порядка апелляционного рассмотрения дел на федеральном уровне;
- 3) первоначально подается уведомление о жалобе в течение 10 суток, а затем составляется сама жалоба в срок 40 суток со дня уведомления;
- 4) в части штатов вопросы факта вообще не рассматриваются, в некоторых штатах для рассмотрения вопросов факта дело направляется для повторного рассмотрения в суд первой инстанции;
- 5) осужденный, признавший свою виновность, не имеет права обжаловать приговор;
- 6) существенное ограничение свободы обжалования.

В Республике Беларусь обжаловать судебные решения суда первой инстанции можно только в кассационном порядке. Апелляционный порядок отсутствует. Приговоры Верховного Суда Республики Беларусь обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежат. Кассационная инстанция вправе изменить итоговое решение суда первой инстанции, а также отменить его и направить на новое рассмотрение в суд, вынесший решение в первой инстанции. При этом суд не связан доводами жалобы и вправе проверить дело в ревизионном порядке. Стороны вправе предоставлять в кассационную инстанцию только дополнительные материалы, которые не могут быть получены следственным путем. В судебном заседании доказательства не исследуются. При этом суд вправе: 1) назначить судебно-психиатрическую экспертизу; 2) назначить дополнительную и повторную экспертизы по имеющимся и дополнительно представленным материалам дела; 3) истребовать документы и иные сведения, характеризующие личность обвиняемого*.

Таким образом, апелляционное производство в уголовном процессе Республики Беларусь отсутствует, а система пересмотра не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции носит кассационный характер и практически полностью повторяет кассационный порядок пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, существовавший в Российской Федерации до 1 января 2013 года.

В уголовном процессе ФРГ существует два вида обжалования приговоров, не вступивших в законную силу, – апелляция и ревизия**. В апелляционном порядке обжалованию подлежат приговоры, вынесенные судьей единолично и участковым судом шеффенов. Решение суда может быть обжаловано в течение недели со дня провозглашения приговора. Если подсудимый отсутствовал при вынесении приговора, то приговор может быть обжалован в тот же срок со дня вручения подсудимому копии. Жалоба подается в рассматривавший дело суд первой инстанции в письменном виде или устно, с занесением содержания жалобы в протокол. Защитник не имеет права обжалования без согласия на это обвиняемого, подсудимого или осужденного. При этом разрешается включить в жалобу дополнительные основания в течение недели после истечения срока для обжалования либо после вручения копии судебного решения. Если жалоба содержит определенные доводы, то приговор проверяется в их пределах. Если не указаны доводы, то приговор считается полностью обжалованным. Допускается предоставление новых доказательств. При установлении нарушений суда первой инстанции суд апелляционной инстанции должен рассмотреть дело по существу. Возвратить дело в суд первой инстанции можно только при нарушении правил подсудности. При этом дело направляется в суд, уполномоченный его рассматривать.

Апелляция в германском уголовном процессе в том виде, в каком она существует в настоящее время, вызывает серьезную критику. «Подвергается сомнению необходимость существования возможности по-

* Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: <http://base.spinform.ru>

** Strafprozeßordnung (StPO). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de>

вторного рассмотрения дела по существу в суде второй инстанции. По истечении времени снижается достоверность показаний участников процесса. Меняется место совершения преступления. Ряд доказательств оказываются утраченными. Использование письменных доказательств по делу производится в ущерб принципам непосредственности и устности. Заинтересованные лица, весьма далекие от отстаивания истины и справедливости, оказывают сильное воздействие на характер повторного рассмотрения дела в целом или его отдельные эпизоды, и апелляционные суды часто не в состоянии противостоять такому натиску» [4, с. 469].

Согласно широко распространенному в теории и на практике мнению апелляционное производство «представляет ухудшенный вариант рассмотрения дела в суде первой инстанции. Призванная исправлять неправосудные приговоры, апелляция приводит к волоките, во многих случаях оказывается малоэффективной» [4, с. 470].

Достаточно продолжительное время среди процессуалистов Германии идет дискуссия о реформе института апелляции. С одной стороны, предложено ликвидировать апелляционное производство и создать институт «расширенной ревизии», в рамках которого было бы возможно осуществлять проверку как фактической стороны судебного решения, так и правильность применения закона. При этом повторное рассмотрение дела по существу в ревизионной инстанции исключалось. Альтернативная точка зрения В. Цидлера [5, с. 254] базировалась на изменении института апелляции с отменой повторного рассмотрения дела по существу в апелляционной инстанции и запретом проверки в апелляционном порядке правильности установления судом первой инстанции фактических обстоятельств дела, а также на ограничении проверки обжалованного приговора только проверкой нарушений закона. При этом право подсудимого на принесение жалобы должно быть поставлено в прямую зависимость от разрешения суда, приговор которого предлагается обжаловать.

Таким образом, апелляционное производство в ФРГ в значительной мере от-

личается от существующего в Российской Федерации. Целесообразно не проводить их сравнение, а перечислить характерные признаки производства в суде второй инстанции в Германии, каковыми являются:

1) срок обжалования составляет одну неделю со дня вынесения судебного решения, а для осужденного, который отсутствовал, такой же срок со дня вручения копии приговора;

2) жалоба может быть подана как в письменном виде, так и в устной форме, с занесением в протокол;

3) суд второй инстанции в любом случае обязан рассмотреть дело по существу, не возвращая в суд первой инстанции (исключение — нарушение правил подсудности);

4) допускается предоставление новых доказательств, не обосновывая их непредоставление в суд первой инстанции;

5) исследование доказательств судом апелляционной инстанции проводится по правилам суда первой инстанции.

Французский уголовный процесс предусматривает несколько способов обжалования и пересмотра приговоров*. Оппозиция (*opposition*) подразумевает обжалование не вступивших в законную силу приговоров, вынесенных заочно по делам о проступках и правонарушениях. Данный вид обжалования в исправительном и полицейском судах допустим только по тем делам, которые рассматривались заочно (*pardefaut*). Подсудимый имеет право выбора способа обжалования — оппозиции или апелляции. Эти два способа обжалования приговоров являются взаимоисключающими. Оппозиция допустима в случае вынесения заочного обвинительного или оправдательного приговора и может быть подана в течение десяти суток со дня ознакомления с приговором.

Новое судебное разбирательство проводится в том же составе суда, что и первоначальное, при этом заочный приговор отменяется, дело рассматривается заново. При новом судебном разбирательстве суд не связан предыдущим решением, правило о «запрете поворота к худшему» не действует. Суд имеет право оставить в силе

* Code de procédure pénale. URL: <http://www.wipo.int>

оспариваемый подсудимым приговор. Если подсудимый не явился повторно, то заочный приговор вступает в законную силу.

В апелляционном порядке могут быть обжалованы приговоры исправительных судов по делам о проступках и приговоры полицейских судов о правонарушениях, когда размер наказания превышает определенные небольшие пределы. По незначительным делам апелляционное обжалование не допускается [6, с. 9-10].

Апелляция на итоговые решения судов ассизов рассматривается другим судом в составе трех профессиональных судей и двенадцати членов жюри по правилам производства в суде ассизов первой инстанции. При этом виновность подсудимого должна быть подтверждена десятью голосами. Могут быть поданы основная и встречная апелляции. Основная апелляция должна быть подана в течение десяти суток со дня провозглашения приговора, а встречная – в течение пятнадцати суток. Встречная апелляция может быть подана тогда, когда кто-либо из субъектов, наделенных таким правом (исключая Генерального прокурора), обжаловал дело в апелляционном порядке. Генеральный прокурор может обжаловать судебное решение в течение двух месяцев.

После апелляционного обжалования приостанавливается вступление приговора в законную силу. Дело вместе с жалобой передается в апелляционный суд, который обязан не только проверить законность, обоснованность и справедливость обжалуемого решения, но и провести новое судебное разбирательство. Апелляционная инстанция не может выйти за пределы судебного разбирательства, имевшего место в первой инстанции, и дело рассматривается в пределах требований апелляционной жалобы. Суд не вправе выйти за пределы жалобы и рассмотреть все дело [5, с. 10]. Встречная апелляция позволяет заинтересованной стороне расширить пределы прав апелляционной инстанции. Действует принцип «запрета поворота к худшему». Суд не обязан непосредственно допрашивать всех свидетелей и вправе исследовать только протоколы их показаний, данных в суде первой инстанции.

По итогам рассмотрения дела апелляционный суд оставляет без изменения

обжалуемое решение или заменяет его новым решением, направление дела на новое рассмотрение не предусмотрено. Вторая инстанция уполномочена собирать и исследовать новые доказательства.

Таким образом, французская модель апелляционного производства имеет следующие характерные черты: 1) предусмотрено два вида обжалования решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, – оппозиция и апелляция; 2) суд не обязан непосредственно допрашивать всех свидетелей, вправе исследовать только протоколы их показаний, данных в суде первой инстанции; 3) действует принцип «запрета поворота к худшему»; 4) направление дела на новое рассмотрение не предусмотрено; 5) вторая инстанция уполномочена собирать и исследовать новые доказательства; 6) дела о незначительных преступлениях не обжалуются; 7) отсутствует ревизионное начало.

Отличие апелляционного производства во Франции от аналогичного института в Российской Федерации заключается в том, что согласно французской модели отсутствует возможность возвратить дело в суд первой инстанции и ревизионное начало. Отсутствие возможности обжаловать решения по делам о незначительных преступлениях также является отличительной чертой французской модели. Данная особенность характерна для большинства европейских моделей апелляционного производства.

В уголовном процессе Республики Казахстан срок обжалования составляет пятнадцать суток со дня провозглашения приговора, постановления. Осужденному, содержащемуся под стражей, предоставлен аналогичный срок со дня вручения копии приговора или постановления. Всем лицам, имеющим право на обжалование, направляются копии жалобы или протеста. Кроме того, данные лица извещаются о возможности ознакомления с электронными копиями указанных документов через интернет-ресурс суда, вынесшего решение. Сторонам разъясняется право подачи возражений на жалобу или протест в письменной форме либо в форме электронного документа с указанием срока представления. Требования к апелляционной жалобе или протесту в целом совпадают с

требованиями, существующими в Российской Федерации. Однако дополнительно предусмотрена необходимость указания о том, в какой части приговора, постановления или в полном объеме на них подается акт обжалования. Предусматривается указание доказательств, которыми обосновываются требования, в том числе не исследованные судом первой инстанции. Срок рассмотрения апелляционного обжалования составляет один месяц со дня поступления дела для рассмотрения. При наличии оснований проведения исследования новых доказательств для вынесения нового приговора дело в апелляционном порядке должно быть рассмотрено не позднее двух месяцев со дня его поступления. При необходимости данные сроки могут быть продлены на месяц.

Суд проверяет законность, обоснованность, справедливость приговора, постановления в той части и только в отношении тех осужденных, которых касаются жалоба или протест. При необходимости суд вправе выйти за пределы жалобы или протеста, в том числе пересмотреть дело в отношении лиц, о которых не поступили жалоба или протест. Суд не исследует повторно доказательства, исследованные судом первой инстанции. В случае необходимости исследуются вновь представленные материалы и доказательства. Предусмотрена возможность отмены оправдательного приговора и постановления обвинительного. Дело возвращается на новое рассмотрение только в случае: 1) нарушения норм процессуального права; 2) отмены приговора с участием присяжных заседателей*.

Таким образом, апелляционное производство в Республике Казахстан имеет следующие особенности: 1) срок обжалования составляет 15 дней; 2) возражения на жалобу можно направить через интернет-ресурс; 3) суд не исследует повторно доказательства, а проверяет материалы дела; 4) суд возвращает дело в суд первой инстанции только в случае существенных нарушений уголовно-процессуального закона, в остальных случаях рассматривает дело самостоятельно; 5) в апелляционной жалобе

обязательно нужно указывать доказательства, подтверждающие ее доводы, а также то, в какой части обжалуется судебное решение; 6) присутствует ревизионное начало.

В результате рассмотрения моделей апелляционных производств в странах англо-саксонской правовой системы (США, Англия и Уэльс), странах континентальной правовой системы (Франция и ФРГ) и странах постсоветского пространства (Украина, Беларусь и Казахстан) можно сделать следующие выводы:

1) существующие формы пересмотра решений судов первой инстанции в уголовном судопроизводстве можно классифицировать по принадлежности к определенной правовой системе;

2) англо-саксонская система апелляционного производства (Англия и Уэльс, США) характеризуется отсутствием кодификации, ограничением свободы обжалования, более широкими, чем в аналогичном институте континентальной системы права, дискреционными полномочиями суда апелляционной инстанции, большим влиянием прецедентов на формирование судебной практики;

3) апелляционное производство в странах континентальной системы права (ФРГ, Франция) характеризуется большей степенью кодификации, меньшим влиянием прецедентов на формирование судебной практики, менее широкими, чем в аналогичном институте англо-саксонской системы права, дискреционными полномочиями суда апелляционной инстанции;

4) в странах постсоветского пространства, которые относятся к континентальной системе права, аналогичные институты различаются – от существующего порядка обжалования в Республике Беларусь, аналога ранее существовавшего в Российской Федерации кассационного производства, до аналогичного производства на Украине, которое более всего сходно с имеющимся в Российской Федерации.

Кроме того, в зависимости от основных положений апелляционного производства рассмотренные модели имеют следующие черты:

– по наличию ревизионного начала: оно отсутствует в США, Англии, Уэльсе, Франции, ФРГ; имеется на Украине, в Беларуси, Казахстане;

* Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: <http://online.zakon.kz>

– по обязанности суда второй инстанции исследовать доказательства, исходя только из инициативы сторон: такая обязанность у суда имеется в ФРГ, что подвергается серьезной критике; в Казахстане, США, Англии и Уэльсе, Франции, на Украине суд исследует доказательства, только если примет об этом решение; в Беларуси доказательства в любом случае не исследуются в суде второй инстанции;

– по наличию права суда второй инстанции возвратить дело в суд первой ин-

станции: такое право имеет суд в Англии и Уэльсе, США, Беларуси, Казахстане, на Украине, не имеет суд во Франции, ФРГ.

Таким образом, основные критикуемые в Российской Федерации положения современного апелляционного производства, рассмотренные в настоящем исследовании, применяются в большинстве стран Европы, постсоветского пространства и в США, что позволяет считать существующую российскую модель в целом оптимальной.

Список литературы

1. Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия М.: Триада ЛТД, 1996. 157 с.
2. Стойко Н.Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США: учеб. пособие. Красноярск, 2000. 315 с.
3. Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.
4. Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2002. 528 с.
5. Ziedler W. "Rechtsstaat 83" // Deutsche Richterzeitung. 1983. Н. 7.
6. Валеев А.Т. Обжалование и пересмотр судебных решений по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 200 с.

References

1. Aparova T.V. Sudy i sudebniy protsess Velikobritanii. Angliya, Uel's, Shotlandiya [Courts and the UK litigation. England, Wales, Scotland]. Moscow, Triada LTD Publ., 1996. 157 p.
2. Stoyko N.G., Semuhina O.B. Ugolovniy protsess v SShA [Criminal Procedure in the USA]. Krasnoyarsk, 2000. 315 p.
3. Bernam U. Pravovaya sistema SShA [US legal system]. Moscow, Novaya yustitsiya Publ., 2006. 1216 p.
4. Golovko L.V., Gutsenko K.F., Filimonov B.A. Ugolovniy protsess zapadnyh gosudarstv [The criminal process of Western states]. Moscow, 2002. 528 p.
5. Ziedler W. "Rechtsstaat 83". Deutsche Richterzeitung, 1983. Н. 7.
6. Valeev A.T. Obzhalovanie i peresmotr sudebnyh resheniy po ugovolnym delam [Appeal and review of court decisions in criminal cases]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 200 p.

Раздел 11. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЧЕРНЯКОВА А.В., anna.chernyakova.1979@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	CHERNYAKOVA A.V., anna.chernyakova.1979@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы противостояния мирового сообщества хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации. Отмечается, что в последнее время наряду с общеобязательными международными и региональными документами по вопросам кибербезопасности принимаются и акты рекомендательного характера, которые могут использоваться в правотворческой деятельности любого государства. Особое внимание уделено изучению проблемы криминализации таких деяний. Приведены примеры того, как по-разному законодательные органы различных государств подошли к решению проблемы борьбы с так называемыми киберхищениями, применяя и специальные нормы о «компьютерных» хищениях, и общие нормы об имущественных преступлениях в совокупности с нормами о преступлениях в сфере информационной безопасности, а также учитывая факт использования компьютерной техники в качестве квалифицирующего признака. В Уголовном кодексе Российской Федерации в отдельные составы выделено мошенничество в сфере компьютерной информации и мошенничество с использованием электронных средств платежа. Подвергнув критике данный подход к криминализации киберхищений, автор статьи предлагает указанные нормы исключить, дополнив при этом Уголовный кодекс Российской Федерации нормой о хищении, совершаемом с использованием компьютерной информации.

Ключевые слова: киберпреступность; киберпространство; компьютерная информация; мошенничество; хищение.

INTERNATIONAL AND FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO THEFTS COMMITTED BY USING COMPUTER INFORMATION

Annotation. The article deals with the issues connected with the counteraction of the world community to thefts committed using computer information. It is noted that recently, along with compulsory international and regional cybersecurity strategy documents, the acts of a recommendatory nature, which can be used in the law-making activity of any state, are also adopted. Special attention is paid to the study of the problem of criminalization of such acts. The examples of different solutions to the problem of combating so-called cyber theft by legislative bodies of various states are given. They did it by applying both special rules on thefts committed using a computer and general rules on property crimes in conjunction with the rules on crimes in the field of information security, as well as taking into account the fact of using computer equipment to commit the crime as a qualifying element. The Criminal Code of the Russian Federation distinguishes fraud in the field of computer information and electronic payment fraud as different corpus delicti. Having criticized this approach to the criminalization of cyber theft, the author of the article proposes to exclude the abovementioned norms and at the same time to amend the Criminal Code of the Russian Federation by the provision on theft committed using computer information.

Keywords: cybercrime; cyberspace; computer information; fraud; theft.

Новые и появляющиеся формы преступности бросают вызов нашему обществу. Еще несколько десятилетий назад о кибернарушениях имелись лишь редкие упоминания, но за короткий срок киберпреступность распространилась так, что не только включает в себе угрозу для отдельных государств, но и достигла мировых масштабов. Наиболее распространенными преступлениями в киберпространстве стали хищения, совершаемые путем обмана, объемы которых позволяют говорить уже об их видах: платежное мошенничество (хищения с использованием платежных карт); скимминг (преступления, связанные с использованием для мошенничества банкоматов); вредоносный платежный софт (хищения посредством разработки и использования вредоносных программ); социальный инжиниринг (незаконное

получение информации в корыстных целях); фишинг (получение доступа к конфиденциальным данным личности путем рассылки электронных писем); мошенничество в электронной торговле (хищения, связанные с уязвимостью платежных систем интернет-магазинов, платформ для заказа авиабилетов, аренды автомобилей и других); мошенничество с предоплатой (обещание оказать услуги или доставить товар после его предварительной оплаты) [1, с. 215-221]. Анализ статистических данных показал, что доля преступлений в сфере компьютерной информации в общем количестве преступлений, совершенных в период с 2013 по 2017 год, практически одинакова; при этом количество преступлений данной категории, по которым установлены совершившие их лица, снизилось*:

Год	Количество преступлений в сфере компьютерной информации	Доля преступлений в сфере компьютерной информации в общем числе преступлений, совершенных за год, %	Количество преступлений в сфере компьютерной информации, по которым установлены совершившие их лица, %
2013	2563	0,11	89,8
2014	1739	0,08	76
2015	2382	0,09	50,9
2016	1748	0,08	51,7
2017	1883	0,09	38,5

Это подтверждает тот факт, что совершенствование компьютерной техники, стремительное развитие информационных технологий порождает качественное изменение преступлений в сфере компьютерной информации, и сегодня уже имеет место специализация в этой части преступной среды, в зависимости от которой стали появляться такие виды преступников, как кардеры, фишеры (преступники, занимающиеся компьютерным мошенничеством путем получения незаконного доступа к банковским реквизитам, номерам пластиковых платежных карт и т.д.), фрейкеры (преступники, специализирующиеся на совершении преступлений в области электросвязи с использованием конфиденциальной компьютерной информации и специальных технических средств для

негласного получения информации с технических каналов). И, конечно же, проблемы противостояния таким хищениям остро стоят перед мировым сообществом, которое адекватно оценивает сложившуюся ситуацию, признавая обязательность принятия безотлагательных международных мер.

Первые шаги, предпринятые в этих целях, — Рекомендация N 89 (9), содержащая список компьютерных правонарушений, принятая 13 сентября 1989 года на заседании Комитета министров Совета Европы; Окинавская хартия Глобального информационного общества, принятая 22 июля 2000 года главами государств и правительств «Группы восьми»; резолю-

* Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

ции ООН, принятые в 1990 году, подробно освещались в работах отечественных исследователей [2, с. 118-129; 3, с. 40-41]. В связи с этим целесообразно обратить внимание на то, как на современном этапе международные организации развивают свою деятельность в этом направлении.

Значительный вклад в решение проблемы противодействия киберпреступности вносит ООН. Управлением ООН по наркотикам и преступности в целях изучения проблемы противодействия, разработки предложений по совершенствованию международных правовых мер и национальных законодательств проведено всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Для проведения исследования по просьбе Генеральной Ассамблеи ООН (резолюция от 1 апреля 2011 г. N 65/230) Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию была создана межправительственная группа экспертов открытого состава, которая определила темы и методологию исследования, приняла к сведению само исследование, а также ответные меры на него со стороны государств-участников, международного сообщества и частного сектора и уже в 2017 году предложила выполнять функцию платформы для дальнейшего обсуждения вопросов, касающихся киберпреступности, внимательно следить за новыми тенденциями [4].

Что касается Российской Федерации, то в ответе на результаты исследования было отмечено, что это уникальный по целям и сфере охвата, развернутый аналитический материал, представляющий собой первую попытку на глобальном уровне систематизировать и классифицировать феномен киберпреступности, проанализировать существующий международно-правовой инструментарий в этой области и предложить мировому сообществу разработку ответных мер по противодействию киберугрозе [5].

По результатам исследования были сделаны следующие основные выводы:

1. На современном этапе уровень развития киберпреступности предоставил возможность совершать преступления в любой точке мира в отношении неопределенного количества граждан и юридических лиц, минуя государственные границы.

При этом сам преступник может оставаться анонимным.

2. Большая часть киберпреступлений носит транснациональный характер, в связи с чем проблема обеспечения безопасности в киберпространстве стоит перед всеми государствами, которые признают, что ее успешное решение возможно только при совместных усилиях всех заинтересованных сторон.

3. Первостепенное значение в предупреждении и противодействии киберпреступности имеют меры правового характера. В первую очередь решения требуют вопросы криминализации, юрисдикции, транснациональных расследований.

4. Законодатели различных государств по-разному подошли к решению проблемы обеспечения безопасности в информационном пространстве, но, несмотря на активный законодательный ответ многих стран киберпреступности, важным аспектом, учитывая ее трансграничный характер, остается гармонизация национальных законодательств на международном уровне посредством разработки, принятия и исполнения единого многостороннего документа.

Сбор информации для проведения исследования осуществлялся на основе вопросника, специально подготовленного для государств-участников, межправительственных организаций, представителей частного сектора и научных учреждений. Следует отметить, что для изучения национальных подходов к криминализации кибердеяний в вопроснике было выделено и представлено 14 основных категорий киберпреступлений, среди которых в качестве отдельного вида киберпреступлений обозначено мошенничество.

Кроме этого, исследователями принятые в последние десятилетия международные документы, направленные на противодействие киберпреступности, подразделены на пять групп. Итак, выделяют документы, разработанные в контексте или под эгидой: Совета Европы или Европейского Союза, Содружества Независимых Государств или Шанхайской организации сотрудничества, межправительственных африканских организаций, Лиги арабских государств и Организации Объединенных Наций [6].

Однако в первую очередь необходимо проанализировать Конвенцию Совета Европы о киберпреступности, принятую 23 ноября 2001 года, известную также как Будапештская конвенция (далее – Конвенция)*. В настоящее время это единственный глобальный документ международного уровня, являющийся обязательным для государств-участников, который регулирует действия по борьбе с киберпреступностью. В 2017 году число сторон Конвенции увеличилось до 56, еще 14 государств подписали ее или были приглашены присоединиться.

Значимость Конвенции неоднократно отмечалась в научной литературе [2, с. 123-128; 3, с. 43-44]. Во-первых, Конвенция определила виды киберпреступлений и обязала договаривающиеся стороны принять законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать деяния в качестве уголовных преступлений согласно внутригосударственному праву. Киберпреступления в Конвенции разделены на 5 групп:

- преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (противозаконный доступ, неправомерный перехват, воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств);

- преступления, для совершения которых используется компьютер (подлог с использованием компьютерных технологий, мошенничество с использованием компьютерных технологий);

- преступления, связанные с содержанием данных (детская порнография);

- преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав;

- преступления, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем (Дополнительный Протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и

ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем ETS N 189 (Страсбург, 28 января 2003 г.).

Во-вторых, Конвенция затронула процессуальные вопросы, вопросы взаимодействия правоохранительных структур государств и, самое важное, – вопросы юрисдикции, предлагая определять ее территориальным признаком государства, включая борт судна или борт самолета государства, а также гражданством преступника. Но в этом случае нельзя не учитывать то, что виртуальное пространство не имеет физических границ. Предвосхищая возникновение возможных правовых споров, Конвенция не исключает юрисдикцию, осуществляемую в соответствии с нормами внутригосударственного права, а также предлагает по мере необходимости проводить консультации с целью определения наиболее подходящей юрисдикции для осуществления судебного преследования.

В научных кругах Конвенция признана фундаментальным документом, определяющим основные положения, содержание и направления международного противодействия киберпреступности [7, с. 16]. В то же время она признана и одним из наиболее жестких международных документов [3, с. 43]. Например, Конвенция наделяет провайдеров обязанностью предоставлять любые компьютерные данные, сведения об абонентах, с помощью которых можно установить вид используемой коммуникационной услуги, принятые с этой целью меры технического обеспечения и период оказания услуги, личность пользователя, его почтовый или географический адрес, номера телефона и других средств доступа, сведения о выставленных ему счетах и произведенных им платежах, имеющиеся в соглашении или договоре на обслуживание, любые другие сведения о месте установки коммуникационного оборудования, имеющиеся в соглашении или договоре на обслуживание.

Как известно, Российская Федерация не подписала настоящую Конвенцию, не согласившись с предложенными условиями трансграничного доступа к компьютерным системам, а именно с пунктом «b» статьи 32, согласно которому сторона мо-

* Convention on cybercrime, opening of the treaty: Budapest, 23/11/2001. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention>

жет без согласия другой стороны получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой стороны компьютерным данным или получать их, если эта сторона имеет законное и добровольное согласие лица, имеющего законные полномочия раскрывать эти данные этой стороне через такую компьютерную систему. Кроме этого, причинами отказа от подписания называют несоответствие некоторых положений Конвенции законодательству Российской Федерации. Например, Конвенция не исключает возможность привлечения к ответственности за совершение киберпреступлений юридических лиц, что не предусмотрено Уголовным кодексом Российской Федерации [7, с. 16].

Важно отметить, что Конвенция, являясь основным документом международного характера, устанавливающим критерии развития национальных законодательств, определяющим виды деяний, подлежащих криминализации, мошенничество с использованием компьютерных технологий обозначила отдельным составом преступления.

В вопросах противодействия киберпреступности Совет Европы не ограничился разработкой и принятием Конвенции. Им создан Комитет по Конвенции о киберпреступности (Т-СУ), который представляет государства-участников, содействует эффективному использованию и реализации положений Конвенции, обмену информацией и рассмотрению поправок к ней. Кроме этого, помощь государствам в консолидации их возможностей в решении проблем, связанных с киберпреступностью, оказывает Управление Совета Европы по вопросам киберпреступности (С-PROC).

Если обратиться к документам, принятым Европейским Союзом в целях построения системы борьбы с правонарушениями в информационном пространстве, то необходимо отметить, что наряду с актами об электронной коммерции, персональных данных, об атаках на информационные системы, против детской порнографии, в 2001 году принято Рамочное решение по борьбе с мошенничеством и подделкой безналичных платежных средств, которое обязало каждого участника признать такие

деяния, если они совершены умышленно, преступлением*.

В 2008 году Российской Федерацией ратифицировано** Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, принятое 1 июня 2001 года в Минске*** (далее – Соглашение). В попытке создания основ уголовно-правового регулирования борьбы с киберпреступностью на постсоветском пространстве Соглашение дает определение понятий компьютерной информации, преступления в сфере компьютерной информации, а также содержит перечень уголовно наказуемых деяний.

Соглашением установлено, что его участники обязуются признавать в качестве преступлений согласно их национальному праву следующие деяния, если они совершены умышленно: «а) осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети; б) создание, использование или распространение вредоносных программ; в) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред или тяжкие последствия;

* Council Framework Decision of 28 May 2001 combating fraud and counterfeiting of non-cash means of payment (2001/413/JHA). Done at Brussels, 28 May 2001. URL: <https://www.ejn-crimjust.europa.eu>

** О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации: федер. закон от 1 окт. 2008 г. N 164-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 40. Ст. 4499.

*** Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 13. Ст. 1460.

г) незаконное использование программ для ЭВМ и баз данных, являющихся объектами авторского права, а равно присвоение авторства, если это деяние причинило существенный ущерб». Таким образом, Соглашением хищения, совершаемые с использованием компьютерной информации, не выделены в отдельный состав преступления.

На подходе криминализации отдельных видов киберпреступлений, в том числе влекущих за собой финансовые потери, основана и принятая в 2010 году Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий.

Еще одним документом международного характера, обязательным для его участников, является Соглашение Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности*. Однако в этом документе акцент сделан на противостоянии террористическим угрозам в киберпространстве, угрозам международной безопасности, а вопросам криминализации деяний внимание не уделено.

В 2014 году государства – члены Африканского союза приняли Конвенцию о кибербезопасности и защите персональных данных, сделав акцент на безопасности в информационном пространстве в целом и на законодательстве по содействию электронной торговле**.

В последние два десятилетия, помимо общеобязательных международных и региональных документов по вопросам кибербезопасности, практикуется принятие актов рекомендательного характера (например, типовой закон Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в

сфере информационных систем (2004 год), типовые тексты законов Международного союза электросвязи (МСЭ), Карибского сообщества (КАРИКОМ), Карибского союза электросвязи (КСЭ) по киберпреступности, электронной торговле и электронным доказательствам, и другие. Указанные документы не являются обязательными, но могут учитываться и использоваться для целей национального законодательства любого государства) [6, с. 103].

Представляет интерес уголовно-правовое регулирование хищений, совершаемых в киберпространстве, в отдельных зарубежных странах.

В Уголовном кодексе Франции нормы, предусматривающие ответственность за компьютерные преступления, содержатся в двух книгах. Так, в книгу вторую «О преступлениях и проступках против личности», содержащую главу «О посягательствах на личность», включены составы таких преступлений, как незаконные действия с личными данными в телекоммуникационных системах. В книге третьей «Об имущественных преступлениях и проступках» размещена глава «О посягательствах на системы автоматизированной обработки данных», нормы которой предусматривают уголовную ответственность за ее неправомерное использование. Из этого следует, что уголовно-правовой охране подлежат личные данные, а также телекоммуникационные системы. Специальных норм о хищениях, совершаемых с использованием компьютерной информации, Уголовный кодекс Франции не содержит***.

Англосаксонская правовая система не предусматривает кодификацию законодательства, в связи с чем в Великобритании ответственность за совершение компьютерных преступлений устанавливают различные статуты: Закон о неправомерном использовании компьютера, Закон о телекоммуникациях (обман), Закон об электронном сообщении, а также Закон о защите персональных данных, Закон о телевизионных лицензиях (раскрытие информации), Закон о борьбе с обма-

* Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // Бюллетень международных договоров. 2012. N 1.

** African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection. Adopted by the twenty-third ordinary session of the Assembly held in Malabo Equatorial Guinea, 27 June 2014. URL: <https://au.int/en/treaties>

*** Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 650 с.

ном в области социального обеспечения [1, р. 137]. Однако ни один из перечисленных статутов напрямую не устанавливает ответственность за совершение хищений в сфере компьютерной информации. Законом о неправомерном использовании компьютера предусмотрена ответственность за несанкционированный доступ к компьютерным материалам; несанкционированный доступ с намерением совершить или облегчить совершение дальнейших правонарушений; несанкционированные действия с намерением нанести ущерб в отношении нарушения работы компьютера и т.д.; несанкционированные действия, вызывающие или создающие опасность значительного ущерба; изготовление, поставку или получение изделий для использования в вышеуказанных правонарушениях. Иначе говоря, компьютерная информация в одних случаях выступает объектом преступления, в других — предметом и, наконец, является средством, способом совершения преступления.

В 1986 году в США принят закон «О мошенничестве и злоупотреблениях, связанных с компьютерами». Этот закон — одна из немногих составляющих федерального законодательства, посвященных хищениям с применением компьютерных систем. Параграф 1030 главы 47 раздела 18 Свода законов США, устанавливающий ответственность за совершение мошенничества путем доступа к компьютеру, стал частью этого закона [8, с. 57]. Согласно данной норме уголовная ответственность наступает за доступ к компьютеру, осуществляемый с мошенническими намерениями, и его использование с целью получения чего бы то ни было ценного посредством мошенничества, включая незаконное использование компьютерного времени стоимостью более 5 тысяч долларов в течение года, то есть без оплаты использования компьютерных сетей и сервисов. Таким образом, законодательством США компьютерное мошенничество отграничено от традиционного, его суть — доступ к компьютеру и использование компьютера. При этом преднамеренно не оплаченные услуги по предоставлению Интернета также отнесены к имущественным преступлениям, совершаемым в информационном пространстве, несмотря на то, что в данном случае при обмане поставщика

услуги не используются какие-либо логины, пароли и иная компьютерная информация.

В Уголовном кодексе ФРГ компьютерное мошенничество выделено в отдельное преступление, параграфом 263а установлена ответственность за действия с целью получения для себя или третьего лица противоправной имущественной выгоды, которыми наносится вред имуществу другого лица посредством воздействия на результат обработки данных компьютера путем составления неправильных программ, использования неправильных или неполных данных, несанкционированного применения данных или иного неправомерного воздействия на процесс обработки данных. Компьютерная информация в этом случае выступает способом совершения хищения*.

Статьей 246-II Уголовного кодекса Японии предусмотрена ответственность за противоправное извлечение выгоды посредством изготовления электромагнитной записи, противоречащей истине, а именно установлено, что лицо, которое путем подачи в ЭВМ, используемую в профессиональной деятельности другого лица, сфальсифицированной информации либо неправомерной команды предоставило для использования в ведении дел другого лица противоречащую истине электромагнитную запись относительно приобретения, утраты либо изменения имущественного права и таким образом приобрело противоправную имущественную выгоду или позволило это иному лицу, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок не свыше 10 лет**. Кроме того, в Японии уголовная ответственность за незаконное проникновение в компьютерные системы и информационные сети с целью кражи, порчи информации, а также использование с целью извлечения дохода и причинения ущерба законным владельцам предусмотрена в законе «О несанкционированном проникновении в компьютерные сети»

* Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д.А. Шестакова; пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 524 с.

** Уголовный кодекс Японии / науч. ред. А.И. Коробеева; пер. с яп. В.Н. Еремина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 226 с.

2000 года. Применение такого подхода, когда уголовная ответственность предусматривается не только уголовным кодексом, но и специальным законом, по мнению О.С. Гузеевой, стало бы эффективной мерой противодействия преступлениям, совершаемым в российском сегменте сети Интернет [9, с. 76].

Уголовным кодексом Швейцарии предусмотрена ответственность за электронный шпионаж, совершенный с корыстной целью. Так, в соответствии со статьей 143 уголовному наказанию подвергается тот, кто с целью собственного незаконного обогащения или обогащения другого приобретает для себя или другого лица данные, собранные или переданные электронным или иным подобным способом. Кроме этого, статьей 147 установлена уголовная ответственность за мошенническое злоупотребление с установкой для обработки данных*.

Глава 9 уголовного закона Швеции посвящена мошенничеству. Согласно статье 1 лицо, которое путем предоставления неправильной или неполной информации, или внесения изменений в программу или отчетность, или какими-либо другими способами незаконно влияет на результат автоматической обработки информации или любой другой сходной автоматической обработки, которая влечет выгоду для лица, совершившего преступление, и убытки для любого другого лица, должно быть приговорено за совершение мошенничества и подвергнуто такому же наказанию**.

Параграф 2 статьи 278 Уголовного кодекса Республики Польша гласит, что уголовному наказанию подлежит тот, кто без согласия управомоченного лица получает чужую компьютерную программу с целью извлечения имущественной выгоды. Кроме этого, здесь же параграфом 1 статьи 287 предусмотрена уголовная ответственность за незаконное получение имущественной выгоды или незаконное причинение другому лицу вреда путем влияния на автоматизированное преобразование,

сбор или передачу информации, ее изменение, удаление либо введение новой записи на компьютерный носитель***. Преступления, которые законодатель отнес к категории компьютерных, в Польше разделены на группы в зависимости от того, на что было направлено деяние лица, — на получение информации или на получение имущественной выгоды [8, с. 58].

Уголовным кодексом Турции состав компьютерного мошенничества не предусмотрен, однако пунктом 3 статьи 504 установлена ответственность за совершение мошенничества с использованием в качестве орудия преступления средств связи почтовых, телеграфных, телефонных учреждений****.

В соответствии с параграфом 279а Уголовного кодекса Дании под компьютерным мошенничеством понимается незаконное изменение, дополнение, уничтожение информации или программы, используемых для электронной обработки данных, совершенное для получения незаконной выгоды*****.

В Уголовном кодексе Республики Корея содержится статья 347-2 «Мошенничество с использованием компьютера», согласно которой лицо, получающее какую-либо выгоду от собственности или способствующее получению такой выгоды третьим лицом путем использования информации, введения ложных или ненадлежащим образом обработанных данных в технические средства, включая компьютер, подлежит уголовному наказанию*****.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики в главу, посвященную преступлениям против имущества, включена статья 265, согласно которой престу-

* Уголовный кодекс Швейцарии / пер. с нем. М.: Зерцало, 2000. 138 с.

** Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова и С.С. Беляев; пер. на рус. яз. С.С. Беляева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 320 с.

*** Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецова пер. с польск. Д.А. Барилевич. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 234 с.

**** Уголовный кодекс Турции / науч. ред. и пер. с тур. Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 374 с.

***** Уголовный кодекс Дании / науч. ред. С.С. Беляева; пер. с датск. и англ. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 230 с.

***** Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. А.И. Корбеева; пер. с корейск. В.В. Верхоляка. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 240 с.

плением является незаконное завладение каналами других людей, дублирование чужого номера электронной почты или пользование заведомо похищенным, дублированным электронными оборудованием и устройствами с целью извлечения прибыли*.

Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь в отдельный состав выделяется хищение посредством использования компьютерной техники, под которым в соответствии со статьей 212 понимается хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации. Согласно примечанию к главе «Преступления против собственности» хищением признается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники. Кроме основного, Уголовным кодексом Республики Беларусь предусмотрены квалифицированные составы хищения путем использования компьютерной техники, а именно: повторность совершения, совершение группой лиц по предварительному сговору, сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации, совершенное в крупном размере, совершенное организованной группой, совершенное в особо крупном размере**.

Уголовным кодексом Грузии предусмотрена ответственность отдельно за совершение мошенничества, отдельно за совершение компьютерных поступлений, к которым отнесены: неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование или распространение вредоносных программ для ЭВМ, нарушение

правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети***.

Статья 181 Уголовного кодекса Республики Армения «Хищение, совершенное с использованием компьютерной техники» устанавливает ответственность за хищение чужого имущества в значительных размерах, совершенное с использованием компьютерной техники, а также содержит квалифицированные составы этого преступления: совершенное группой лиц по предварительному сговору, совершенное в крупном размере, в особо крупном размере, организованной группой. Значительный размер причиненного преступлением ущерба Уголовным кодексом Республики Армения предусмотрен не только для данного преступления, но и для других имущественных преступлений, таких как кража, мошенничество, присвоение, растрата****.

Проанализировав международный и зарубежный опыт противодействия компьютерным хищениям, следует отметить, что согласованности в этом вопросе не удалось достичь ни на одном из уровней.

Как известно, Российская Федерация переняла опыт некоторых зарубежных стран и пошла по пути формирования нового состава киберпреступления, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ УК РФ был дополнен статьей 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации»*****. Но вопросы криминализации нередко сложны и вызывают многочисленные дискуссии. В научных кругах такие изменения были приняты неоднозначно. Новая статья признавалась почти идентичной нормам Уголовного кодекса ФРГ, что подвергалось критике и признавалось недопустимым, с учетом

*** Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава; пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 409 с.

**** Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Н.И. Мацнева; пер. с арм. Р.З. Авакяна. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 450 с.

***** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Рос. газ. 2012. 3 дек.; 2016. 8 июля.

* Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / науч. ред. А.И. Корбеева; пер. с китайск. Д.В. Вичикова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 303 с.

** Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 474 с.

того, что в Уголовном кодексе ФРГ сформировалась особая система норм о мошенничестве, которая не влечет их конкуренции [10, с. 231]. В целях решения вопросов квалификации соответствующих общественно опасных деяний предлагалось исключить новую норму из УК РФ и уголовно-правовой запрет сформулировать более абстрактно [11, с. 38].

Предлагалось ввести соответствующий дополнительный квалифицированный признак к статье 159 УК РФ [12, с. 48]. Ошибочным для уголовного законодательства Российской Федерации признавался сам факт криминализации нового состава киберпреступления и, по мнению М.А. Простосердова, более эффективным и целесообразным решением было бы совершенствование уголовного закона, расширяющее понятия «хищение», «вымогательство» и так далее, а также учитывающее использование средств компьютерной техники в качестве обстоятельства, отягчающего наказание [3, с. 57]. Однако при рассмотрении предложений о включении в качестве отягчающего обстоятельства использования средств компьютерной техники или о дополнении имеющихся норм о хищениях соответствующим квалифицирующим признаком возникает необходимость в квалификации таких деяний как кражи или мошенничества, что, по нашему мнению, является ошибочным, и на что также уже обращалось внимание некоторыми авторами [2, с. 182].

На сегодняшний день обоснованность установления самостоятельной уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием компьютерной информации, не вызывает сомнений. Вопросы о дополнении УК РФ данной нормой поднимались неоднократно задолго до внесения таких изменений [2, с. 180-181], и дискуссии в научной сфере по этому поводу уже практически не ведутся. Однако предметом обсуждения остается избранная форма хищения — мошенничество, которое законодатель обозначил и выделил в отдельный состав. Как известно, мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Согласно пояснительной записке к проекту Федераль-

ного закона от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ такие деяния совершаются не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта. Далее отмечается, что в настоящем законопроекте речь не идет о криминализации специальных видов мошенничества, поскольку действующая редакция статьи 159 УК РФ охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием*.

С целью хищения чужого имущества или получения права на него злоумышленник проникает в компьютерные системы, реальные потоки данных, которые сами по себе не являются местом хранения имущества, а позволяют лишь при совершении определенных действий получить к нему доступ, имущество поступает в его распоряжение добровольно, не тайно. Но факт добровольной передачи имущества не свидетельствует о том, что потерпевший введен в заблуждение, подвергнут обману и лично передает свое имущество. Незаконные действия в информационных сетях, внедрение вирусов, изменение компьютерных данных «заставляют» программу функционировать иначе и ликвидировать препятствия к обращению чужого имущества в свое распоряжение, а не побуждают потерпевшего передать принадлежащее ему. При таких обстоятельствах действия по незаконному завладению имуществом или приобретению права на него, осуществляемые с использованием компьютерной информации, не могут признаваться кражей или мошенничеством, а должны быть квалифицированы как хищение, о чем уже неоднократно вносились предложения [13, с. 5; 2, с. 181]. Однако законодатель не замечает ошибочность конструкции действующей уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за хищения, совершаемые с использованием компьютерной информации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

* Паспорт проекта федерального закона N 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1) обзор деятельности международных организаций позволяет заключить, что мировое сообщество активно предпринимает меры по борьбе с киберпреступлениями, прилагает усилия по реформированию законодательства. Но при этом, признавая, что эффективное противостояние возможно лишь при совместных комплексных, согласованных действиях, оно пока не добилось положительных результатов в этом направлении. Принятые документы международных и региональных организаций характеризуются определенной степенью фрагментации с точки зрения криминализации деяний. Одни из них обращены к проблеме киберпреступности в широком смысле, как к нарастающей угрозе международной безопасности, включая информационный терроризм, информационные войны, и не содержат положений, касающихся уголовного правосудия, в том числе о видах преступлений, о процессуальных полномочиях. В других руководящих документах, содержащих указанные положения, не выработан единый подход, в частности, к разрешению вопроса криминализации деяний, совершаемых в киберпространстве. Такие различия могут оказывать значительное влияние на то, каким образом положения международных документов будут учтены в национальных законодательствах. В то же время в большинстве стран мирового сообщества признается, что для борьбы с киберпреступностью требуется укрепление правовых мер, совершенствование законодательства, в том числе в области уголовного права;

2) в настоящее время в зарубежных странах в части криминализации хищений,

совершаемых с использованием компьютерной информации, применяют разные подходы. Ряд стран, например Великобритания, Франция, Грузия, в отношении киберхищений используют общие нормы об имущественных преступлениях с применением положений, отражающих составные элементы деяний, таких как неправомерный доступ, вмешательство в персональные данные, и других преступлений в сфере информационной безопасности. Кроме этого, реализуется подход, при котором применение компьютерной техники предусматривается в качестве квалифицирующего признака составов имущественных преступлений (Турция). В других странах, таких как США, ФРГ, Япония, Швейцария, Швеция, Польша, Дания, Корея, КНР, Белоруссия, Армения, хищения, совершаемые с использованием компьютерной информации, выделены в отдельные составы в системе имущественных преступлений. Такие деяния в большинстве своем признаются или хищениями, или мошенничеством и находятся под запретом либо основного уголовного закона страны, либо специального, либо и того и другого;

3) решение отечественного законодателя о криминализации хищений в сфере компьютерной информации не вызывает сомнений. Однако специфика совершения таких преступлений не позволяет квалифицировать их как мошенничество или кражу, в связи с чем УК РФ должен содержать норму именно о хищениях, совершаемых с использованием компьютерной информации. В свою очередь, норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации подлежит исключению из уголовного закона.

Список литературы

1. Jahankhani H., Al-Nemrat A., Hosseinian-Far A. Cybercrime classification and characteristics // *Cyber Crime and Cyber Terrorism Investigator's Handbook*. Waltham, 2015. 393 p.
2. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2005. 235 с.
3. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. 232 с.
4. Global Programme on Cybercrime. URL: <http://www.unodc.org/> (дата обращения: 24 авг. 2018 г.).
5. Комментарии к Всеобъемлющему исследованию киберпреступности. URL: http://www.unodc.org (дата обращения: 24 авг. 2018 г.).
6. Comprehensive Study on Cybercrime. URL: http://www.unodc.org (дата обращения: 24 авг. 2018 г.).
7. Гузеева О.С. Действие Уголовного кодекса России в отношении интернет-преступлений // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2013. N 10. С. 15-19.

8. Хилюта В.В. Хищение с использованием компьютерной техники или компьютерное мошенничество? // Библиотека криминалиста. 2013. N 5 (10). С. 55-65.
9. Гузеева О.С. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в российском сегменте сети «Интернет» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. N 6. С. 74-77.
10. Шумихин В.Г. Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. N 2. С. 229-233.
11. Смолин С.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы толкования и применения нормы ст. 159 УК РФ // Информационное право. 2015. N 4 (46). С. 35-39.
12. Медведев С.С. Мошенничество в сфере высоких технологий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2008. 210 с.
13. Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации новых видов мошенничества // Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания: материалы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 3-5.

References

1. Jahankhani H., Al-Nemrat A., Hosseinian-Far A. Cybercrime classification and characteristics. *Cyber Crime and Cyber Terrorism Investigator's Handbook*. Waltham, 2015. 393 p.
2. Tropina T.L. Kiberprestupnost': ponyatie, sostoyanie, ugovovno-pravovye mery bor'by. *Kand. Diss. [Cybercrime: concept, state, criminal law measures of struggle. Cand. Diss.]*. Vladivostok, 2005. 235 p.
3. Prostoserdov M.A. Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve, i mery protivodeystviya im. *Kand. Diss. [Economic crimes committed in cyberspace, and countermeasures against them. Cand. Diss.]*. Moscow, 2016. 232 p.
4. Global Programme on Cybercrime. Available at: <http://www.unodc.org> (Accessed August 24, 2018).
5. Kommentarii k Vseob'emlyushchemu issledovaniyu kiberprestupnosti [Comments on the Comprehensive Investigation of Cybercrime]. Available at: <http://www.unodc.org> (Accessed August 24, 2018).
6. Comprehensive Study on Cybercrime. Available at: <http://www.unodc.org> (Accessed August 24, 2018).
7. Guzeeva O.S. Deystvie Ugolovnogo kodeksa Rossii v otnoshenii internet-prestupleniy [The Criminal code of the Russian Federation with regard to internet crimes]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – The laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2013, no. 10, pp. 15-19.
8. Hilyuta V.V. Hishchenie s ispol'zovaniem komp'yuternoy tekhniki ili komp'yuternoje moshennichestvo? [Theft with the use of computer technology or computer fraud?]. *Biblioteka kriminalista – Forensic library*, 2013, no. 5 (10), pp. 55-65.
9. Guzeeva O.S. Ugolovnaya politika v otnoshenii prestuplenij, sovershaemyh v rossijskom segmente seti "Internet" [Criminal policy in crimes committed in the Russian segment of the Internet]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – The laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2014, no. 6, pp. 74-77.
10. Shumihin V.G. Sed'maya forma hishcheniya chuzhogo imushchestva [The seventh form of theft of property]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm State National Research University*, 2014, no. 2, pp. 229-233.
11. Smolin S.V. Moshennichestvo v sfere komp'yuternoy informatsii: problemy tolkovaniya i primeneniya normy st. 159 UK RF [Computer fraud (Section 19 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of interpretation and application]. *Informatsionnoe pravo – Information law*, 2015, no. 4 (46), pp. 35-39.
12. Medvedev S.S. Moshennichestvo v sfere vysokih tekhnologiy. *Kand. Diss. [Fraud in the field of high technology. Cand. Diss.]*. Krasnodar, 2008. 210 p.
13. Sharapov R.D. Aktual'nye voprosy kvalifikatsii novyh vidov moshennichestva [Topical issues of qualification of new types of fraud]. *Problemy kvalifikatsii i rassledovaniya prestupleniy, podsledstvennyh organam doznaniya [Problems of qualification and investigation of crimes that are under investigation to the bodies of inquiry]*. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Studies of the Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013. Pp. 3-5.

СОЛОДКАЯ В.И., SOLODKAYA V.I.,
viktsol_23@mail.ru viktsol_23@mail.ru
Кафедра уголовного процесса; Chair of criminal procedure;
Краснодарский университет Krasnodar University of the Ministry
Министерства внутренних дел of the Interior of the Russian Federation,
Российской Федерации, Yaroslavskaya St. 128,
350005, г. Краснодар, Krasnodar, 350005,
ул. Ярославская, 128 Russian Federation

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ, ОСНОВАНИЙ И ПОРЯДКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Решение о привлечении лица в качестве обвиняемого можно охарактеризовать как ключевой момент предварительного расследования по уголовному делу. В статье принята попытка проанализировать сущность и значение условий, оснований и порядка привлечения лица в качестве обвиняемого. Соблюдение лицом, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу, условий, а также процессуального порядка предъявления обвинения при наличии оснований для принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого является гарантией достижения целей уголовного процесса. Несмотря на стабильность правовых норм, составляющих институт привлечения в качестве обвиняемого, он характеризуется наличием пробелов, которые негативно сказываются на реализации прав обвиняемого. Кроме того, нарушение процедуры предъявления обвинения, установленной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, может привести к признанию незаконными как хода и результатов предварительного следствия, так и последующего судебного разбирательства. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости совершенствования правового регулирования привлечения лица в качестве обвиняемого в отечественном уголовном процессе.

Ключевые слова: доказательство; досудебное производство; обвиняемый; обвинительный акт; обвинительное постановление; следователь; уголовный процесс.

CERTAIN ISSUES CONCERNING THE LEGAL REGULATION OF PROCEDURAL CONDITIONS, GROUNDS AND PROCEDURE FOR GIVING A PERSON THE CRIMINAL PROCEDURE STATUS OF THE ACCUSED DURING PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. The decision to give a person the status of the accused can be characterized as a key point of the preliminary investigation of a criminal case. The author of the article makes an attempt to analyze the nature and significance of the conditions, grounds and procedure for giving a person the criminal procedure status of the accused. Observance of the conditions, as well as the procedural order of accusation in case there are grounds for making a decision to give a person the criminal procedure status of the accused by a person conducting a preliminary investigation of a criminal case, is a guarantee of achieving the goals of the criminal process. Despite the stability of the legal norms that constitute the institution of giving a person the criminal procedure status of the accused, it is characterized by gaps that negatively affect the implementation of the rights of the accused. Besides, violation of the procedure for bringing charges against the person, established by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, may lead to the situation when the course and results of the preliminary investigation, as well as the subsequent trial, can be recognized as illegal. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal regulation of the procedure for giving a person the criminal procedure status of the accused in the domestic criminal process.

Keywords: evidence; pre-trial proceedings; accused; indictment; investigator; criminal procedure.

Привлечению в качестве обвиняемого посвящено большое количество юридической литературы [см., например, 1; 2], однако тема по-прежнему остается акту-

альной. Настоящий институт представляет собой комплекс процессуальных действий, сущность которых заключается в фиксации правовой оценки действий лица, совершившего преступление. Иными словами, это обращение органов предварительного расследования к суду о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, выдвинутое в установленном порядке в отношении конкретного лица.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) с момента принятия подвергся значительным изменениям, которые и в настоящее время отличаются динамичностью. При этом следует отметить стабильность правовых норм, составляющих институт привлечения в качестве обвиняемого.

Процессуальные категории «условия», «основания» и «порядок» используются в юридической науке, а также в правотворчестве для того, чтобы описать механизм принятия решения о производстве процессуального действия.

Говоря об условиях привлечения в качестве обвиняемого, нельзя не упомянуть работы Я.И. Фойницкого, заложившие основы учения об условиях обвинения. Ученым была разработана и предложена их классификация. В зависимости от категории уголовного дела различают общие и особенные, юридические и фактические условия обвинения. Фактические условия обвинения – это наличие в распоряжении следователя достаточных доказательств, дающих основания для выдвижения обвинения лица в совершении преступления. Юридические условия обвинения – правовые предпосылки для принятия и рассмотрения обвинения в суде. В свою очередь, среди них выделяются материальные, сводящиеся к наличию права на наказание и обвинение, и процессуальные (формальные), то есть компетентность суда, компетентность обвинителя и выполнение формальных требований, установленных законом для обвинения [3, с. 37-38, 45].

Условия можно охарактеризовать как совокупность обстоятельств, от которых что-либо зависит. А основания – это положения, факты, на которых основываются доказательства достоверности нашего мышления, то есть это причина, кото-

рая непосредственно ведет к вынесению соответствующего постановления. Таким образом, условия создают фон для принятия решения, без их наличия принять такое решение (вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого) невозможно [4, с. 90].

Привлечение в качестве обвиняемого представляет собой правоотношение, обязательными элементами которого являются объект (уголовное дело), субъекты (следователь, обвиняемый) и правовая связь между ними (возможность осуществления действий в пределах предоставленных прав и обязанностей).

С учетом изложенного условиями привлечения лица в качестве обвиняемого являются возбужденное в установленном порядке уголовное дело и два субъекта правоотношений – следователь и обвиняемый.

Рассматривая вторую категорию, следует отметить, что в ст. 171 УПК РФ законодатель закрепил прямую зависимость оснований для привлечения в качестве обвиняемого от наличия совокупности достаточных доказательств. Таким образом, конкретная норма, декларирующая основания привлечения в качестве обвиняемого, отсутствует. В результате остается неясным, что является основанием для вынесения постановления.

Процессуальное решение о привлечении в качестве обвиняемого имеет ключевой (поворотный) характер. В связи с этим остается актуальным следующее мнение известного отечественного ученого А.Ф. Кони: «...уголовная ответственность слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиняемого человеку поспешным и необъективным привлечением к уголовному делу» [5, с. 401].

Единообразное понимание оснований привлечения в качестве обвиняемого имеет ключевое значение. Уголовный процесс – деятельность, основанная на неукоснительном соблюдении установленной процессуальной формы.

На наш взгляд, следует придерживаться сложившейся в уголовно-процес-

суальной науке классификации оснований принятия процессуального решения, выделяющей юридические, фактические и информационные основания [6, с. 15; 7, с. 48].

Юридические основания – это правовые нормы, позволяющие следователю осуществить процедуру принятия соответствующего решения. Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что основания привлечения в качестве обвиняемого следует рассматривать как со стороны уголовно-правового, так и уголовно-процессуального регулирования.

Основанием привлечения к уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ). А установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), или предмета доказывания составляет основу всего уголовного судопроизводства.

Таким образом, юридическими основаниями, позволяющими следователю принять решение о выдвижении обвинения в части регламентации процедуры предъявления обвинения, являются нормы УПК РФ, а в части определения преступности совершенного деяния – нормы уголовного закона.

В результате выдвинутое обвинение будет считаться законным и обоснованным при соблюдении условий установления совокупности обстоятельств, необходимых при производстве по уголовному делу (предмет доказывания), точной квалификации действий обвиняемого лица.

Фактические основания – совокупность обстоятельств, которые следователь обязан установить к моменту принятия решения о предъявлении обвинения. Анализ положений ст. 171 УПК РФ показывает, что в ч. 1 говорится о наличии достаточных доказательств, а вот ч. 2 содержит конкретный перечень обстоятельств, подлежащих обязательному отражению в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, отличный от указанного в ст. 73 УПК РФ.

Такое сужение предмета доказывания обусловлено тем, что предъявление обвинения переводит процесс производства по уголовному делу на новый уровень. В уголовном процессе появляется

процессуальная фигура – обвиняемый, в результате чего для следователя становится возможным производство дополнительных процессуальных действий и применение мер пресечения.

В подтверждение сказанного можно привести точку зрения В.В. Шимановского, считающего, что после предъявления обвинения расследование по уголовному делу не завершается, а развивается дальше с учетом показаний обвиняемого. Таким образом, не все из обстоятельств, которые должны быть установлены, подлежат доказыванию при определении оснований для привлечения в качестве обвиняемого [9, с. 9]. Комментируя указанную точку зрения, М.Ю. Колбеева отмечает: «на данном этапе необходим только минимум установленных обстоятельств, который позволит принять решение о наличии оснований для предъявления обвинения по делу». После чего на основе анализа судебно-следственной практики она делает вывод о том, что указанная аргументация подходит только для определения оснований первоначального предъявления обвинения [3, с. 99].

Анализ результатов эмпирического исследования* позволил нам сделать иные выводы, а именно: из 50 уголовных дел, возбужденных по факту совершения одного преступления, по 38 (76 % случаев) обвинение было предъявлено единожды и окончательно. 22 уголовных дела (24 %) – это случаи, когда органам предварительного расследования при производстве по уголовному делу стало известно о дополнительных эпизодах преступной деятельности обвиняемого, что повлекло за собой перепредъявление обвинения.

Таким образом, фактическими основаниями привлечения в качестве обвиняемого являются обстоятельства, без обязательного установления которых невозможно принять решение о юридической квалификации действий лица, совершившего преступление, а именно:

* Автором статьи по специально разработанному алгоритму было изучено 50 уголовных дел, находившихся в производстве следователей различных регионов Российской Федерации (Краснодарский край, Воронежская, Московская, Ростовская и Тамбовская области).

1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;

3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

4) характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Информационные основания — это наличие определенных сведений, указывающих на наличие и достаточность полученных доказательств. Отмеченное означает, что для привлечения лица, в качестве обвиняемого следователю необходимо отразить в форме доказательств обстоятельства, указанные в пп. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Важно отметить, что наличие доказательств является объективным фактором: они либо есть, либо их нет. А вот достаточность доказательств носит субъективную характеристику, обусловленную тем, что решение о достаточности следователь принимает на основе своего внутреннего убеждения.

Именно поэтому он обязан перед принятием решения о привлечении в качестве обвиняемого провести оценку имеющихся доказательств, целью которой является определение их достаточности для выдвижения обвинения в отношении конкретного лица.

Вместе с тем соблюдения условий, наличия оснований для принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого и даже вынесения самого постановления еще недостаточно для того, чтобы обвинение считалось выдвинутым. Важно, чтобы процедура предъявления обвинения была организована при строгом соблюдении установленного УПК РФ порядка (ст. 172 УПК РФ).

В самом простом виде привлечение в качестве обвиняемого — это деятельность субъекта доказывания, имеющая цель в установленном законом порядке уведомить лицо, в отношении которого осуществляется производство по уголовному делу, о юридическом и фактическом содержании обвинения.

Безусловно, законность и обоснованность совершаемых следователем процессуальных действий напрямую зависит от соблюдения трех условий: участия над-

лежащих субъектов, соблюдения сроков предъявления обвинения и алгоритма действий.

Следует рассмотреть эти условия.

1. Участие надлежащих субъектов. Как правило, участниками рассматриваемой процедуры являются следователь (дознатель), обвиняемый и защитник. В предусмотренных УПК РФ случаях возможно участие законного представителя (ст. 48 УПК РФ), переводчика (ст. 18, пп. 6-7 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Важность привлечения в качестве обвиняемого для реализации последним своего права на защиту бесспорна.

Существует точка зрения, ставящая под сомнение настоящее положение. В качестве аргументации указывается, что УПК РФ предусматривает случаи, когда защитник имеет право вступить в процесс на более ранних этапах. В подтверждение приводятся статистические данные, свидетельствующие о крайне низком (3,4 %) количестве случаев, когда защитник был привлечен к участию в уголовном деле с момента предъявления обвинения [2, с. 112].

С этой точкой зрения сложно согласиться. Согласно ст. 16 УПК РФ право обвиняемого осуществлять свою защиту с помощью защитника является лишь составляющей принципа. После предъявления обвинения лицо получает информацию о юридических и фактических основаниях, как следствие, обвиняемый имеет реальную возможность в дальнейшем строить свою линию защиты, представлять доказательства и иные сведения для доказывания своей невиновности.

2. Соблюдение сроков (не позднее трех суток с момента вынесения постановления) предъявления обвинения с момента вынесения постановления.

Установление срока основано на соблюдении международных стандартов, закрепляющих право обвиняемого быть в срочном порядке и подробно уведомленным на понятном языке о характере и основании предъявленного уголовного обвинения и иметь достаточное время и возможность для подготовки своей защиты (подп. «а» и «б» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод человека; подп. «а» и «б» п. 3 ст. 14 Международ-

ного пакта о гражданских и политических правах)*.

Как показывает судебно-следственная практика, проставление даты вынесения постановления — это обычная техническая процедура. Опрос 120 сотрудников органов предварительного следствия показал, что 87 % респондентов проставляли дату в постановлении в день предъявления обвинения. В целом анализ уголовных дел показывает, что, как правило, лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого в конце предварительного расследования. Предъявление обвинения на ранних этапах предварительного расследования, как правило, связано с избранием соответствующей меры пресечения.

3. Соблюдение установленного УПК РФ алгоритма действий.

В общем виде алгоритм можно изложить как последовательные действия следователя:

1) письменное уведомление обвиняемого о дате предъявления обвинения и разъяснение вопроса, связанного с приглашением или назначением защитника;

2) удостоверение в личности обвиняемого и его защитника;

3) объявление постановления о привлечении в качестве обвиняемого с обязательным разъяснением под подпись его сущности, а также прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ;

4) вручение копии постановления.

Следует рассмотреть более подробно отдельный компонент указанного алгоритма, а именно разъяснение прав обвиняемого и сущности обвинения.

* Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 5) (Рим, 4 ноября 1950 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На практике ознакомление с обвинением происходит двумя способами: путем личного прочтения обвиняемым или зачитывания вслух следователем либо защитником.

Разъяснение сущности обвинения включает доведение до обвиняемого в понятной форме обстоятельств совершенного преступления, квалификации действий по УК РФ, содержания юридических терминов в тексте обвинения. Однако на законодательном уровне этот вопрос не урегулирован. Возникает проблема определения последовательности разъяснения. При буквальном толковании закона (ч. 5. ст. 172 УПК РФ) права разъясняются одновременно либо после разъяснения сущности самого обвинения, что, по нашему мнению, создает определенные препятствия для реализации обвиняемым его прав, которыми согласно УПК РФ он наделен с момента вынесения постановления (ч. 1 ст. 47 УПК РФ).

В заключение необходимо отметить, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого, несмотря на постоянство норм УПК РФ, которыми он регламентируется, характеризуется наличием пробелов в праве, которые отрицательно влияют на реализацию прав обвиняемого. В связи с этим требуется его совершенствование. Соблюдение следователем условий, оснований, а также процессуального порядка предъявления обвинения является гарантией достижения целей уголовного процесса.

После ознакомления с обвинением следователю необходимо вначале разъяснить права и обязанности обвиняемого, и только после этого сущность обвинения. При этом разъяснение важно осуществлять в форме, соответствующей возрасту, уровню образования и особенностям личности обвиняемого.

Список литературы

1. Шейфер С.А. Предварительное следствие. Общие условия и основные этапы производства. Куйбышев, 1986. 82 с.

2. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого. Омск: Омская акад. МВД России, 2007. 107 с.

3. Фоницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2 / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.

4. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 222 с.

5. Кони А.Ф. Избранные произведения: в 2 т. / сост. А.Б. Амелин. М., 1959. Т. 2. 628 с.
6. Смирнов А.В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений. Стадия возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: автореф: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Л., 1984. 20 с.
7. Ксензов А.Н. Информационная обоснованность процессуальных решений следователя: дис. канд. ... юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2001. 175 с.
8. Шимановский В.В. Привлечение в качестве обвиняемого на предварительном следствии. Л., 1983. 87 с.

References

1. Sheifer S.A. Predvaritel'noe sledstvie. Obshchie usloviya i osnovnye etapy proizvodstva [Preliminary investigation. General conditions and the main stages of the procedure]. Kuibyshev, 1986. 82 p.
2. Efremova N.P., Kal'nitskiy V.V. Privlechenie v kachestve obvinyaemogo [Attraction as an accused]. Omsk, Omsk academy of MIA of Russia, 2007. 107 p.
3. Fonitskiy I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [The course of criminal proceedings. In 2 volumes. Vol. 2]. St. Petersburg, Alpha Publ., 1996. 607 p.
4. Kolbeeva M.Yu. Institut privlecheniya litsa v kachestve obvinyaemogo v usloviyah reformirovaniya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva. Kand. Diss. [The institute of attracting a person as an accused in the context of reforming the criminal procedure legislation. Cand. Diss.]. Moscow, 2013. 222 p.
5. Koni A.F. Izbrannye proizvedeniya [Selected works. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, 1959. 628 p.
6. Smirnov A.V. Dostatochnye fakticheskie osnovaniya ugolovno-protsessual'nyh resheniy. Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogo dela i predvaritel'nogo rassledovaniya. Avtoref. Kand. Diss. [The sufficient factual basis of criminal procedural decisions. The stage of initiation of a criminal case and preliminary investigation. Autoabstract Cand. Diss.]. Leningrad, 1984. 20 p.
7. Ksenzov A.N. Informatsionnaya obosnovannost' protsessual'nyh resheniy sledovatelya. Kand. Diss. [The information validity of procedural decisions of the investigator: Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2001. 175 p.
8. Shimanovskiy V.V. Privlechenie v kachestve obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstvii [Bringing in as a defendant at the preliminary investigation]. Leningrad, 1983. 87 p.

Для заметок